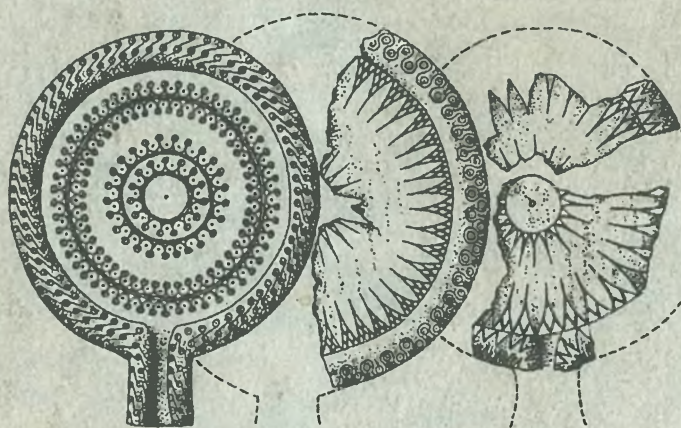

В.В.Евдокимов, В.В.Варфоломеев

ЭПОХА БРОНЗЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА

Караганда • 2002

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Карагандинский государственный университет
им. Е.А.Букетова

В.В.Евдокимов, В.В.Варфоломеев

**ЭПОХА БРОНЗЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА**

Учебное пособие

Караганда
2002

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.

ISBN 9965–590–34–6

Учебное пособие посвящено развитому и позднему этапу эпохи бронзы. Дается характеристика археологических культур, общества и исторической среды в андроновскую и бсгазы-дандыбаевскую эпохи, обобщены результаты исследований в степной части Казахстана. Многие материалы публикуются впервые.

Предназначено для студентов исторических специальностей, может быть интересно историкам, археологам, краеведам.

Ответственный редактор

В.Г.Ломан, канд. ист. наук зав. отделом археологии Центрального Казахстана КарГУ им. Е.А.Букетова и Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК

Рецензенты **С.У.Жауымбаев**, канд. ист. наук доцент кафедры археологии, этнологии и истории Казахстана КарГУ;
К.Ж.Абилов, канд. ист. наук зав. кафедрой социально-политических дисциплин Карагандинского экономического университета

ISBN 9965–590–34–6

© **Евдокимов В.В.,
Варфоломеев В.В., 2002**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ХРОНОЛОГО-ПЕРИОДИЗАЦИОННОГО АСПЕКТА.....	7
Глава II. ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ (XVIII–XIII ВВ. ДО Н.Э.)	17
2.1. Петровская культура.....	18
2.2. Алакульская культура	24
2.3. Фёдоровская культура	30
Глава III. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА (XIII–IX ВВ. ДО Н.Э.).....	40
3.1. Поселения	40
3.2. Могильники	43
3.3. Проблема культурной принадлежности и хронология.....	55
3.4. Хозяйственно-культурный тип и аспекты социального развития.....	61
Глава IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА	64
4.1. Географическая среда.....	65
4.1.1. Физико-географическая среда.....	65
4.1.2. Экономико-географическая среда	67
4.1.3. Компоненты общества.....	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	84
ЛИТЕРАТУРА	89
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	98
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	100

ВВЕДЕНИЕ

Бронзовый век — особая эпоха в истории Казахстана. В это время распространяются культуры с экономикой производящего типа и формируются этнолингвистические общности, из среды которых позднее выделились этносы, сыгравшие значительную роль в мировой истории, вошедшие в состав многих современных народов. Длительное время в казахстанских степях выделяли одну культуру — андроновскую. В настоящее время вместо одной культуры выделяют несколько, объединяя их в андроновскую культурно-историческую общность. Активная исследовательская деятельность академика А.Х.Маргулана привела к открытию оригинальной бегазы-дандыбаевской культуры.

За полвека исследований во второй половине XX века в Казахстане были обнаружены сотни и раскопаны десятки памятников эпохи бронзы. Классическими стали поселения Петровка II, Конезавод III, Семиозерное II, Атасу I, Каркаралинское I, II, III, Малокрасноярское, Трушниково; могильники Тасты-Бутак I, Амангельды I, Айшрак, Дандыбай, Бегазы, Аксу-Аюлы II; Алексеевский культурный комплекс. Для отдельных регионов были разработаны схемы хронологии и периодизации, дана социокультурная и палеоэкономическая характеристика.

Так, в Сарыарке с 1946 г. работает Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция АН Казахстана, организованная А.Х.Маргуланом. Ныне ее возглавляет Ж.К.Курманкулов. Этой экспедицией открыто несколько культурных пластов эпохи бронзы — атасуский (алакульский), нуринский (федоровский), бегазы-дандыбаевский.

В Костанайском Притоболье в 30-е гг. экспедиция Государственного исторического музея (Москва) во главе с О.А.Кривцовой-Граковой проводила раскопки поселения, могильника и жерт-

венного места у с. Алексеевка на р. Тобол. В 70-е гг. в этом регионе продолжил исследования В.В.Евдокимов.

Еще в 1911 г. в Северном Казахстане Ю.П.Аргентовский раскопал андроновский могильник у г. Петропавловска. В период освоения целинных земель в этом районе работала экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством К.А.Акишева. В составе этой экспедиции был сформирован отряд по изучению памятников эпохи бронзы, который возглавил А.М.Оразбаев. На основе полученных источников была разработана периодизационная схема этапов и культур бронзового века Казахстана. Но только с организацией Северо-Казахстанской археологической экспедиции Петропавловского педагогического института и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея начались тотальное разведочное обследование и раскопки памятников неолита, эпох бронзы и раннего железа. Руководил этой экспедицией Г.Б.Зданович. Он предложил свою периодизацию и хронологию памятников эпохи бронзы. Полевые и камеральные работы СКАЭ стали ориентирами для многих археологов.

Большой объем работ был выполнен археологической экспедицией Карагандинского государственного университета. В 1973–1976 гг. экспедицию возглавлял Г.Б.Зданович, с 1977 г. — В.В.Евдокимов. Коллектив карагандинских археологов (В.В.Варфоломев, В.В.Евдокимов, С.У.Жауымбаев, К.М.Карабаспакова, И.А.Кукушкин, В.Г.Ломан, В.А.Новоженков, И.В.Рудковский, А.А.Ткачев, Э.Р.Усманова, А.Ю.Чиндин, М.В.Бедельбаева (Чиркова), И.Н.Швец) сосредоточил усилия, в основном, на решении проблем эпохи бронзы. Были открыты: ямно-афанасьевское погребение ранней бронзы в могильнике Карагаш, погребение с колесницей в могильнике Сатан. Исследованы андроновские могильники Копя, Нуркен, Акимбек, Ташик, Бозинген, Алпымса, Нуртай, Майтан, Лисаковский и др. Проведены раскопки на поселениях Копя I, Упаис, Акимбек, Домалактас, Лисаковское, Ташик, Майоровка, Энтузиасты и др. Отрядом по изучению эпохи поздней бронзы были проведены раскопки могильников Енбек-Суйгуш, Донгал, Дермен, Самара, Шоиндыколь, Карагаш, Тасырбай. С 1985 г. исследуется уникальное во многих отношениях поселение

протогородского типа Кент. В области изучения древней металлургии и горного дела плодотворно работает С.У.Жауымбаев.

Однако все упомянутые выше исследования имеют один общий и существенный недостаток. Как правило, их результаты распространялись на изучаемую территорию и носили региональный характер. Правда, и территории эти громадны. ЦКАЭ, например, ведет работы в Сарыарке, площадь которой превышает 1 млн. км². Давно назрела необходимость в работах обобщающего характера. Пожалуй, только в книге Г.Б.Здановича «Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации)» (1988) сделан обзор культур эпохи бронзы в степях от Урала до Иртыша. Но в ней главный акцент сделан на проблемах периодизации и хронологии.

Северный и Центральный Казахстан в эпоху бронзы — единый историко-культурный регион, населенный родственными популяциями носителей культур. На синхронных стадиях бронзового века этих территорий не фиксируется принципиальных отличий культурного уровня. Но в литературе практически нет обобщающих характеристик центральных и северных районов. Поэтому авторы решили хоть в какой-то мере восполнить этот пробел.

В пособии использованы опубликованные результаты исследований по Центральному Казахстану, Степному Притоболью и Петропавловскому Приишмию 30–80-х гг. XX в. Основой для концептуальной интерпретации фактов стали материалы из раскопок В.В.Евдокимова и В.В.Варфоломеева в Притоболье и Сарыарке. Авторы не претендуют на окончательное решение всех проблем, а предлагают свое видение эпохи. Тем более что вне поля зрения пока остается ранний период эпохи бронзы, едва намеченный лишь в Северном Казахстане. Не ясен генезис петровской и федоровской культур, слабо изучена социальная структура древних обществ, требует уточнения хронология и т.д.

В учебном пособии приводится историографический обзор исследований и мнений о хронологии и периодизации памятников эпохи бронзы; изложена характеристика археологических комплексов и культур в динамике развития; рассмотрены общества и их экономика как компоненты исторической среды.

Введение, главу III, заключение подготовил В.В.Варфоломеев; главы I, II, IV — В.В.Евдокимов.

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ХРОНОЛОГО- ПЕРИОДИЗАЦИОННОГО АСПЕКТА

Памятники эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана расположены в ареале андроновской культурно-исторической общности, простирающейся от Урала на западе до Енисея на востоке, занимая преимущественно центральную степную часть, лишь на севере в бассейне Петропавловского Приишимья включается участок лесостепи, природные условия которой наложили некоторый отпечаток на культуру местных племён.

На территории Казахстана, в границах указанного региона, в настоящее время известно около трёхсот археологических объектов эпохи бронзы, выявленных за полтора столетия многими поколениями исследователей. Историографии различных аспектов андроноведения, одного из направлений археологических исследований, посвящены отдельные статьи, разделы монографий (Маргулан и др., 1966; Евдокимов, 2000; Кузьмина, 1994 и др.). Не ставя своей целью дать систематическое изложение развития совокупности исторических исследований по андроновской проблематике региона в целом, остановимся на узловых вопросах разработки хронологического-периодизационного аспекта.

Термин «андроновская культура» был предложен С.А.Тепловым в 1923 г. для обозначения археологической культуры эпохи бронзы Минусинского края, получившей своё название по эпонимному могильнику у с. Андронovo близ г. Ачинска (1929, с. 43–44).

Дифференцированный подход к памятникам андроновского круга положил М.П.Грязнов, выделивший по материалам исследованных им могильников в бассейне р. Урал западный вариант

андроновской посуды. Андроновскую культуру он датировал XIV–XI вв. до н.э. (1927, с. 194–214).

Работами этих исследователей было положено начало разработке периодизации андроновских памятников, но их исследование началось задолго до них. Первооткрывателями были А.Н.Зырянов (1863, с. 33–41; 1883, с. 73–86), Р.Г.Игнатьев (1873; 1903, с. 77–86), А.Нейкел (1894), Ф.Д.Нефёдов (1909, с. 1–41), М.П.Черноскутов (1910, с. 302–305), А.П.Аниковский (1905, с. 33–37), Ю.П.Аргентовский (1914, с. 94–102; 1914, с. 103–110), Н.К.Минко (1904), В.В.Радлов (1896, с. 21–52), И.А.Кастанье (1911, с. 28–66), С.Н.Дурылин (1927, с. 105–122; 1927, с. 56–71), А.Я.Тугаринов (1926, с. 153–158) и другие. Но, в общем, досоветский период исследований носил чисто источниковедческий характер. Говоря об итогах изучения памятников эпохи бронзы на территории Казахстана, Б.П.Граков в 1930 году отмечал их случайность и «...более или менее определившиеся на территории Казахстана культуры: срубно-хвалыинскую и андроновскую, первая заходит сюда из степей Причерноморья и Поволжья — вторая мощная местная культура. До некоторой степени намечаются территориальные границы обеих культур» (1930, с. 7, 12).

↓ В 30-е гг. О.А.Кривцова-Гракова исследует Алексеевский комплекс — поселение, могильник, жертвенный холм в Костанайском Притоболье, ставший широко известным эпонимным объектом. Выделив типологически 2 группы керамики — без налепного валика и с налепным валиком (в виде кольцевого налёпа шириною до 1 см в верхней трети горшков), синхронизированные в силу их совместного залегания, она датировала комплекс X–VIII вв. до н.э., отнеся к позднему периоду андроновской культуры (1948, с. 161). При этом не исключалась вероятность отнесения керамики первой группы к более раннему периоду, что было подтверждено в 70-е гг. (Евдокимов, 1971, 1975; Потёмкина, 1975). Вместо предполагаемых трёх стадий в развитии андроновской культуры она выделяет две, отнеся к первой поселения с керамикой федоровского типа, ко второй — поселения с керамикой аналогичной керамике Алексеевского и исследованного ею же Садчиковского поселения (1951, с. 180).

↑ Применённые О.А.Кривцовой-Граковой термины — «фёдоровский тип керамики», одновременно с ним «алакульский» и

несколько позднее «замараевский тип» — были впервые предложены К.В.Сальниковым (1948; 1951). Он выделил 3 генетически связанных этапа: фёдоровский — середина и вторая половина II тыс. до н.э.; алакульский — X–IX вв. до н.э.; замараевский — VIII–VII вв. до н.э. Периодизация К.В.Сальникова, разработанная для памятников эпохи бронзы Южного Зауралья, сыграла ключевую роль в разработке локальных периодизационных схем, в том числе и казахстанского андроноведения.

В начале 50-х гг. К.А.Акишев разработал периодизацию памятников Центрального Казахстана, выделив фёдоровский и алакульский этапы андроновской культуры, а яркие, специфические погребальные комплексы эпохи поздней бронзы выделил в дандыбаевскую культуру (1953). Это первая локальная периодизация центрально-казахстанских памятников послужила основой периодизационных схем, создаваемых казахстанскими археологами в последующие десятилетия.

Во второй половине 50-х гг., придерживаясь периодизаций К.В.Сальникова и К.А.Акишева, А.М.Оразбаев памятники Северного Казахстана отнёс к фёдоровскому и алакульскому этапам, а памятники поздней бронзы по «...форме вещей, керамики и по обряду погребения» выделил в замараевскую культуру (1958, с. 250, 278, 280–281).

О роли андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана писал С.С.Черников (1957). Им была разработана периодизация андроновских памятников Восточного Казахстана — канайский этап (XVI–XII вв. до н.э.), мало-красноярский этап (XII–IX вв. до н.э.), трушниковский этап (IX–VIII вв. до н.э.) — отразившая своеобразие культурно-исторического развития племён региона (1960, с. 100, табл. Б).

В 60-е–начале 70-х гг. традиционная схема К.В.Сальникова существенно уточняется Э.А.Фёдоровой-Давыдовой, которая первоначально удревнила алакульский этап до XV в. до н.э., высказалась за сосуществование фёдоровского и алакульского населения и предложила считать фёдоровский и алакульский этапы культурами, а термин «андроновская» сохранить за всей культурно-исторической областью, вкладывая в него хронологический смысл (1960; 1962; 1973).

Следует отметить, что и К.В.Сальников в 1959 г. уточнил хронологию алакульского этапа, датировав его XIV–XI вв. до н.э., а в последней обобщающей работе предложил датировать фёдоровский этап XVIII–XVI вв. до н.э., алакульский XV–XII вв. до н.э., замараевский XII–VIII вв. до н.э. (1967, с. 305–325).

Некоторые уточнения или своё видение локально-хронологических аспектов андроновской периодизации в 70–80-е гг. предложили А.Г.Максимова (1959) и Ф.Х.Арсланова (1973) для Восточного Казахстана, В.С.Сорокин — для Западного Казахстана (1962), М.Ф.Косарев — для Западной Сибири и Казахстана (1965), Е.Е.Кузьмина — для Еленовского микрорайона западного ареала «андрона» (1963; 1965), В.С.Стоколос — для Южного Зауралья (1972), Т.М.Потёмкина — для среднего Притоболья (1976; 1985). На рубеже 80-х гг. Т.М.Потёмкина памятники с керамикой алексеевского типа выделяет в алексеевскую культуру (1979), а памятники с керамикой алакульского типа в алакульскую культуру (1983), в территориальные границы которых включены памятники Северного и Центрального Казахстана.

В 70-е гг. К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина выделили «...особый новокумакский этап», рассматривая его «как ранний этап развития андроновской культуры», датируя памятники XVI в. до н.э. (1977).

В коллективном труде казахстанских археологов (История Казахской ССР..., 1977) памятники андроновской культуры отнесены к двум периодам: ранний — XVIII–XVI вв. до н.э. и средний — XV–XII вв. до н.э.

Десятилетием раньше (А.Х.Маргуланом, К.А.Акишевым, М.К.Кадырбаевым, А.М.Оразбаевым была разработана периодизация памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана (1966). Были выделены 2 этапа андроновской культуры: нуринский — XVI–XV вв. до н.э. и атасуский — XIV–XIII вв. до н.э., бегазыдандыбаевская культура эпохи поздней бронзы — X–VIII вв. до н.э. и памятники переходного периода — XII–XI вв. до н.э. от «андрона» к поздней бронзе (1966, с. 61, 163). Отмечая отличия памятников нуринского и атасусского этапов от фёдоровского и алакульского в Зауралье, они в то же время отметили, что эти этапы в общих чертах синхронны и близки по культуре (1966, с. 63).

Давая обзор культур эпохи бронзы Южной Сибири, Г.А.Максименков указывал, что андроновская культура «возникла где-то в пределах Казахстана», и не отрицал пересмотра последовательности фёдоровского и алакульского этапов (1978, с. 108–109).

Рассматривая проблемы истории андроновского культурного единства по металлическим изделиям, Н.А.Аванесова предложила следующую периодизационную схему:

- 1) предалакульский этап (XVII–XVI вв. до н.э.);
- 2) андроновская культура (XVI–XII вв. до н.э.):
 - алакульский этап (XV–XIV вв. до н.э.);
 - кожумбердинский этап (XIV в. до н.э.);
 - фёдоровский этап (XIV–XIII вв. до н.э.);
- 3) замараево-бегазинская культура (XII–IX вв. до н.э.) (1979, с. 20–21).

В конце 70-х гг. А.Х.Маргулан, не меняя последовательности генетической преемственности в развитии племён Центрального Казахстана, предложил новые хронологические рамки этапов, удревнив нуринский этап (синхронный фёдоровскому) до конца III–начала II тыс. до н.э., т.е. почти на 5 столетий; атасуский (синхронный алакульскому) до XVIII в. до н.э., т.е. на 4 столетия, и переходный период к поздней бронзе до XIII в. до н.э., т.е. на одно столетие, оставив прежней датировку бегазы-дандыбаевской культуры — X–VIII в. до н.э. (1979, с. 580). К сожалению, он не стал детализировать обоснование «новой хронологии», которая остаётся единственной в своём роде.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников поздней бронзы Северного Казахстана разрабатывает С.Я.Зданович, выделив саргаринскую культуру заключительного этапа бронзового века, датировав её X–VIII или даже IX–VIII вв. до н.э. (1974; 1979).

Обобщая развитие племён Урало-Иртышского междуречья на основе материалов Петропавловского Приишимья, Г.Б.Зданович разработал схему развития культур андроновской общности региона (1975). Им выделены: петровская культура (XVII–XV вв. до н.э.); алакульская (XV–XIV вв. до н.э.); фёдоровская (XIV–XII вв. до н.э.); культуры валиковой керамики (XII–IX вв. до н.э.) с переходными этапами — кулевчинским (между петровской и ала-

культурами), кожумбердинским (между алакульской и фёдоровской культурами) и этапом между фёдоровской и культурами валиковой керамики. Каждая из культур, в свою очередь, подразделяется на ранний, средний и поздний этапы (1984, с. 3–22). В монографии, вышедшей позднее, он оставляет без изменений периодизационную схему, вносит лишь терминологическое изменение и наряду с термином «саргаринская культура» вводит термин «саргаринско-алексеевская культура» (1988, с. 149 табл. 9).

Петровская культура сформировалась на базе местных ботайско-суртандинских степных общин, включив «определённый пласт — население лесостепной полосы Западной Сибири», взаимодействовавшее, прежде всего, с абашевской и раннесрубными культурами при «определённых контактах с земледельцами Средней Азии», которая в XV в. до н.э. постепенно перерастает в алакульскую культуру (1984, с. 19).

Фёдоровская культура вырастает на основе алакульской и является, в свою очередь, «ведущим пластом» в формировании культур валиковой керамики. Процесс «дальнейшего взаимодействия «фёдоровки» и «карасука» лёг в основу формирования бегазы-дандыбаевской культуры Сарыарки, которая развивалась здесь параллельно с саргаринской культурой и при самых тесных связях с нарождающимся раннесакским миром Средней Азии и Южного Казахстана» (1984, с. 21). Таковы общие выводы Г.Б.Здановича о происхождении и взаимодействии культур региона.

В начале 80-х гг. была разработана локальная периодизация для памятников Костанайского Притоболья (Евдокимов, 1983, с. 35–47; 1984). Эпоха развитой бронзы представлена «... памятниками петровского (XVI–XV вв. до н.э.) и алакульского (третья четверть II тыс. до н.э.) этапов алакульской культуры. Эпоха поздней бронзы представлена памятниками алексеевского (последняя четверть II тыс. до н.э.) и саргаринского (первая четверть I тыс. до н.э.) этапов алексеевской культуры. В последней четверти II тыс. до н.э. появляются памятники черкаскульской и фёдоровской культур» (1983, с. 45). При этом не исключалась вероятность сосуществования фёдоровских и алакульских племён.

Анализируя фёдоровский тип памятников Урало-Казахстанских степей, Т.С.Малютина считает данную зону «... территорией

сложения фёдоровской культуры», датируя её XIV–XII вв. до н.э. или, вероятно, XV–XIII вв. до н.э., отмечая при этом, что «...направленность изменений идёт не от фёдоровки к алакулю, а от алакуля к фёдоровке» и что она «существовала и развивалась в период между алакульской и саргаринско-алексеевской культурами» (1994).

Систематизация материалов по Северной Бетпак-Дале позволила М.К.Кадырбаеву, Ж.Курманкулову, по их мнению, «... по-новому рассмотреть... периодизацию и хронологию памятников всего Центрального Казахстана, а также сопредельных территорий» (1992, с. 239). Выделены ранний — XV–XIII вв. до н.э. и поздний — XII–VIII вв. до н.э. периоды. Ранний период подразделяется на два этапа — первый — XV–XIV вв. до н.э. и второй — XIV–XIII вв. до н.э. (в тексте опечатка — XVI–XIII вв. прим. авт.). Выделены типы керамики — фёдоровско-нуринский, алакульско-атасуский раннего периода и бегазы-дандыбаевский, алексеевско-саргаринский позднего периода.

Отражением современного уровня археологических исследований памятников региона и разработки хронологии могут служить периодизации 90-х гг. карагандинских археологов.

Периодизация А.А.Ткачёва (1991) по периоду средней (развитой) бронзы Центрального Казахстана включает памятники алакульской (XVII–XIII вв. до н.э.) и фёдоровской (XVI–XIII вв. до н.э.) культур. Культуры в свою очередь подразделяются на этапы: раннеалакульский — XVII–XVI вв. до н.э., раннефёдоровский — вторая половина XVI–начало XV вв. до н.э.; алакульский, фёдоровский — XV–XIV вв. до н.э.; поздний алакульско-фёдоровский — конец XIV–XIII вв. до н.э. Поздний алакульско-фёдоровский «отражает» зафиксированные им факты совместного залегания посуды алакульского и фёдоровского типов.

Периодизация памятников эпохи поздней бронзы Сарыарки (Центрального Казахстана) разработана В.В.Варфоломеевым (1991). Сделав существенную заявку на изменение традиционного положения о статусе бегазы-дандыбаевских погребальных комплексов, которые включались в самостоятельную культуру, он выделяет 3 последовательно сменяющихся этапа дандыбай-саргаринской культуры XIII–IX вв. до н.э. (Термин «дандыбай-саргаринская культура» предложен им же). Первый, ранний этап

(XIII в. до н.э.) «связан с формированием валиковых комплексов»; второй, кентский этап (XII–X вв. до н.э.) «связан с существованием комплексов алексеевско-саргаринской керамикой»; третий, донгальский этап (IX в. до н.э.) — финальный период эпохи бронзы региона.

Для зоны степей Центрального и Северного Казахстана В.В.Евдокимовым была разработана периодизационная матрица эпохи бронзы (1996), а на её основе археологическая и культурно-историческая периодизации региона (см. подр. 2000, с. 29–51; 2001). В отличие от традиционной периодизации, период средней бронзы продатирован XX–XVI вв. до н.э., а период поздней бронзы — XVI–VIII вв. до н.э. В свою очередь, период средней бронзы включает полтавкинско-петровский этап, при наличии памятников петровской культуры XVII–XVI вв. до н.э. в Северном Казахстане и XVI в. до н.э. в Центральном; период поздней бронзы — срубно-андроновский этап XVI–XIII вв. до н.э. при наличии синхронных памятников алакульской и фёдоровской культур; этап культур валиковой керамики (КВК) XIII–IX вв. до н.э. при наличии памятников дандыбай-саргаринской культуры; нурско-донгальский этап IX–VIII вв. до н.э. при наличии памятников донгальской культуры.

Культуры подразделяются на ступени, отражающие локально-хронологическую специфику материальной деятельности первобытных коллективов (2000, с. 34, табл. 2).

Приведённые выше периодизации являются локально-региональными или зональными (межрегиональными). Первая обобщающая периодизация, охватывающая значительную часть андроновской общности, — степные и лесостепные памятники территории андроновской культуры создана М.П.Комаровой в 60-е гг. Она выделила 2 последовательных этапа: фёдоровский и алакульский для западной части андроновской культуры, считая, что и в восточной части (Восточный Казахстан, Обь и Енисей) «развитие культуры степных и лесостепных племён шло тем же путём» (1962, с. 61). Памятники последнего этапа эпохи бронзы челябинских степей, районов Костаная и Северного Казахстана она выделила в самостоятельную культуру, считая, что на западе андроновская культура переходит к замараевской, на востоке — к карасукской».

Единственная обобщающая периодизация памятников андроновской культурно-исторической общности принадлежит ведущему андроноведу Е.Е.Кузьминой. Начав с создания локальной периодизации Еленовского микрорайона, она последовательно, в рамках андроновской общности разрабатывает эволюцию погребальных комплексов (1986), типов керамики (1988) и общую периодизационную схему в монографической работе (1994). Не археологические культуры в их интуитивно-традиционном понимании, а цепочка чистых и смешанных типов памятников, включающих близкородственные комплексы, составляют единую андроновскую общность. Выделены 4 чистых типа памятников: петровский (XVII–XVI вв. до н.э.); алакульский (XV–XIII вв. до н.э.); фёдоровский (XV–XII вв. до н.э.); дандыбаевский (XI–IX вв. до н.э.) и группа смешанных типов: амангельдинский (XIV–XIII вв. до н.э. в Северном Казахстане); атасуский (XV–XIII вв. до н.э. в Центральном Казахстане); алексеевский (XII–X вв. до н.э.). Другие смешанные типы — Сольилецкий (Южное Приуралье), Кожумбердинский (Западный Казахстан), Таугаринский (Южный Казахстан), Семиреченский (Семиречье и Фергана) (1994, с. 34–39).

Краткий историографический обзор периодизации в андроноведении, отражающий в общих чертах последовательность её разработки и современное состояние, позволяет сформулировать ряд выводов:

- определена на основании неоднократно фиксируемой стратиграфии культурных слоёв относительная хронология большинства андроновских типов памятников (культур) Урало-Казахстанского региона;
- из трёх вариантов относительной хронологии фёдоровских памятников (до; после; сосуществуют с алакульскими) исследователи отказались от первого, в меньшинстве придерживаются второго и в большинстве выступают за третий;
- для региона Центрального и Северного Казахстана общепринятой может считаться такая последовательность памятников — алакульская, бегазы-дандыбаевская, донгальская культуры (донгальский этап по В.В.Варфоломееву);

- в процессе уточнения абсолютной хронологии культурных типов памятников, этапов общепризнанными, пожалуй, являются временные рамки алакульской культуры — середина — третья четверть II тыс. до н.э.;
- создана остающаяся пока единственной периодизация типов памятников ареала андроновской культурно-исторической общности (Е.Е.Кузьмина), являющаяся, сама по себе, значительным вкладом в андроноведение;
- проблема периодизации в андроноведении остаётся одной из центральных, и её дальнейшая разработка будет зависеть не только и не столько от эмпирического уровня исследований, сколько от теоретического.

Глава II. ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ (XVIII–XIII вв. до н.э.)

Эпоха средней бронзы племён Центрального и Северного Казахстана представлена памятниками андроновской культурно-исторической общности, простирающейся территориально с запада на восток от Урала до Енисея и с севера на юг от тайги до гор Памира, Тянь-Шаня, Алтая. Занимая центральную часть степной и отчасти лесостепной зоны, население региона играло ведущую роль в историческом развитии андроновских племён, о чём свидетельствуют материалы многочисленных и ярких памятников, в том числе поселения, имеющие значительную площадь и могильники с большим количеством погребальных сооружений. Ведущая роль племён региона, особенно района Центрального Казахстана, была обусловлена богатейшими залежами медной руды и крупномасштабным металлургическим производством.

Ландшафтно-климатические условия наложили отпечаток на конкретные виды жизнедеятельности древнего населения; на степень и уровень его адаптации к природной среде, выразившиеся в выборе хозяйственной деятельности, быте, обрядах и ритуалах, дошедших до нас в остатках орудий труда, жилищ, погребальных сооружений, бытовых вещей, украшений.

Но основные категории вещественных материальных остатков, артефактов имеют такую степень сходства, которая даёт основание говорить о культурном единстве в рамках археологических культур. Пространственно-временные характеристики объектов отдельно взятой археологической культуры раскрываются через совокупность общих, специфических и единичных признаков, позволяющих в свою очередь дать общее описание культуры.

Таких культур в регионе для эпохи средней бронзы выделено петровская, алакульская, фёдоровская.

2.1. Петровская культура

Археологические объекты культуры, укрепленные поселения и курганные могильники, выявлены на территории Южного Урала, юго-запада Сибири, большей части Западного, Северного Центрального Казахстана. На территории Казахстана зафиксированы поселения и могильники XVIII-XVI вв. до н.э. в Северном, могильники позднепетровского времени (XVI в. до н.э.) в Центральном Казахстане.

Поселения. В регионе известно 3 однослойных поселения Амангельды I, Кеноткель V, Семиозёрное II и, по культурному слою на многослойных поселениях, заселявшихся неоднократно — Новоникольское I, Петровка II, Боголюбово I (рис. 1*).

Характерной чертой петровских поселений является наличие оборонительных сооружений — рвов глубиной 1,5–2,5 м при максимальной ширине 3,5 м с глиняными валами с внутренней и внешней стороны рва. Основным является внутренний вал, нередко усиленный и укрепленный деревянными конструкциями, от которых фиксируются столбовые ямы. Валы и рвы составляли либо замыкающуюся по периметру поселения систему, либо примыкали с напольной стороны к крутым берегам и обрывам, составляющим естественные укрепления. Площадь поселений составляла 5–9 тыс. м². С оборонительными сооружениями связаны остатки жертвенных комплексов в виде ям, расположенных напротив входов или в ответвлениях рва. Стенки ям иногда тщательно обмазывались глиной. В ямы помещались черепа и крупные части туш домашних животных (лошадь, КРС), глиняные сосуды, ритуальные очаги.

Застройка посёлков внутри оборонительных сооружений была очень плотной. Жилища пристраивались один к другому в 1–2 ряда, но были и свободные участки и площади, примыкавшие к въездам в поселение. Жилища были в основном наземные, пря-

*Далее см. Приложение.

прямоугольной формы, с деревянными срубами примитивной вязки по углам; с выходом в виде тамбурообразного выступа с торцевой (поперечной), изредка с продольной, стороны. Пол жилища обмазывался 1–2 слоями глины. Так, на поселении Конезавод III, в петровском жилище (рис. 2, IV) отмечено 2 слоя глины с песчаной прослойкой между ними. Возможно, это вызвано тем, что жилище расположено на склоне террасы очень низко от уреза воды, что не исключало его подтопления с повышением уровня воды в Тоболе. Вторая обмазка пола позволила поднять уровень пола более чем на 0,15 м. Площадь жилищ от 25 до 100 м². На полу жилищ фиксируется 1–2 круглых очага наземного типа с каменными выкладками.

Своеобразные жилища-мастерские бронзолитейщиков выявлены на поселении Семиозёрное II (рис. 2, I), расположенном у с. Семиозёрное Костанайской области, где находятся 5 жилищ и хозяйственный комплекс (рис. 2, III). Жилища прямоугольной в плане формы, наземные, срубного типа, с мелким котлованом. Входы тамбурообразные. В одном из жилищ зафиксированы 2 ступеньки входа в виде земляных уступов-целиков. Жилища разделены поперечной стенкой на две половины.

В большей по площади половине располагалась собственно мастерская, о чём свидетельствуют печи для плавки медной руды, хозяйственные ямы, остатки руды, углей. Печи двух типов — грунтовые, округлые и восьмёркообразные в плане небольшие ямы, обмазанные по стенкам глиной, и полуназемные, прямоугольной формы, с мелким котлованом и стенками, выложенными из небольших округло-бесформенных кусков глины и камня (рис. 2, II). Наличие трёх разновидностей печей свидетельствует о поэтапном цикле от плавки руды до литья бронзовых изделий.

В меньшей половине жилища располагались хозяйственные ямы бытового назначения, 1–2 очага. Но вряд ли эта половина мастерской была жилой, скорее и она играла роль подсобного помещения, так как жить в таких условиях из-за выделения вредных газов при плавке невозможно.

Своеобразная деталь петровских поселений — наличие детских погребений, располагавшихся в полах жилищ. Погребения совершались в неглубоких выемках овальной формы, где фикси-

руются остатки костяков детей грудного возраста и глиняные сосуды, поставленные в изголовье погребённых.

Могильники. Петровские погребальные памятники представлены обособленными детскими кладбищами, подкурганными захоронениями взрослых мужчин-воинов (изредка женщин), подкурганными комплексами с центральной могилой взрослого человека и детских (подростковых) захоронений с кольцевой планировкой по периферии подкурганной площади.

Грунтовый детский могильник исследован у с. Петровка Северо-Казахстанской области на реке Ишим. Вскрыто 32 могильные ямы длиной от 0,5 до 1 м, шириной от 0,4 до 0,8 м при глубине 0,8–1,1 м. В могилах обнаружено 1–3 сосуда, иногда кости животных (барана, козла), в одной были украшения.

Погребения мужчин-воинов или воинов-колесничих, представляющих особую социальную группу, исследованы в могильниках Кенес, Улубай, Берлик, Новоникольское в Северном Казахстане и могильнике Сатан в Центральном Казахстане.

Могильник Сатан включает 3 подкурганные захоронения воинов-колесничих. Курганы расположены на вершине сопки, высотой до 20 м. Насыпи курганов глинисто-песчаные, диаметром 8,6–13,3 м, высотой 0,6–1,15 м. Под насыпями зафиксированы рвы шириной 1,5–3,5 м, глубиной 0,35–0,85 м и кольцевая ограда по внутреннему краю рва из вкопанных на ребро небольших каменных плит. В центре каждой из подкурганных площадок отмечено по могильной грунтовой яме (рис. 3, I). Размеры могильных ям, ориентированных по линии З–В, составляют 3,5–3,8×2–2,65 м, глубина — 1,07–1,37 м. В юго-западном секторе у плит ограды встречаются кости животных, фрагменты керамики, оставшиеся от поминальных жертвоприношений. В западной части могилы кургана I сохранились остатки полуобгоревшей колесницы. В могиле кургана III сохранился одновенцовый сруб (рис. 3, II) из толстых отёсанных брёвен, перекрытый поперёк плахами и каменными плитами. Захоронения совершены по обряду трупоположения, но сильно нарушены при ограблении (или осквернении) ещё в древности, что не позволило определить позу и ориентировку погребённых.

В могилах найдены фрагменты орнаментированных глиняных сосудов (в кургане II от пятнадцати, в кургане III от восьми), костя-

ной псалий прямоугольной формы от уздечного набора (рис. 3, 8), фрагмент позолоченного кольца (рис. 3, 12), бронзовая очковидная подвеска, пастовые бусы, кремневый наконечник стрелы (рис. 3, 7). Эти изделия либо не представляли ценности для грабителей, либо были преднамеренно испорчены, разбиты, сломаны.

Могильные ямы других могильников имели размеры 4,0×2,5 м, глубину 1,2–1,5 м и были расположены в центре подкурганной площадок с ориентацией по линии З–В с отклонениями на СЗ–ЮВ. У северо-восточного угла во многих могилах фиксируются выход в виде небольшого выступа и ступенька. Умерших хоронили в полускорченном положении, с кистями рук у лица. Вместе с погребённым клали богатый и многообразный инвентарь, о чём свидетельствуют находки не разграбленного могильника Синташта на юге Челябинской области, в сорока могилах которого найдено свыше 200 изделий из металла, кости, камня: медные вислобушные топоры, копья с несомкнутой втулкой, тесла, двулезвийные ножи, каменные булавы, наконечники стрел, глиняные сосуды. В полуразрушенных могилах в Северном Казахстане найдены каменные булавы, каменные и костяные наконечники стрел, кремневые пластины, костяные щитковые псалии, ножи с намечающейся рукоятью, ножи с перехватом, шилья и плоские тесла. В каждую могилу ставили несколько глиняных сосудов (рис. 4).

По краю могильных ям на глиняной «подушке» подкурганной площадок или в грунтовых углублениях некоторых курганов зафиксированы погребения двух коней, уложенных таким образом, чтобы придать положению ног имитацию бега. В некоторых случаях помещали только черепа и кости ног.

Изумление археологов вызвали остатки двухколёсных боевых повозок или колесниц. Благодаря тому, что колёса вкапывались примерно на одну четверть в канавки на дне могильной ямы, удалось зафиксировать чёткие отпечатки обода и спиц — диаметр колёс составляет 1–1,2 м, расстояние между ступицами 1,2–1,4 м. Уникальную возможность для реконструкции такой повозки даёт материал могильника Сатан (Каркаралинский район Карагандинской области). Там сохранились полусожженные остатки колёс, платформы и, вероятно, боковых стенок. Колёса были поставлены в грунтовые ямы размером 69–73×13 см в западной части могилы.

Удалось выяснить такие дополнительные детали, как обтягивание обода кожей, вероятнее всего сырой, которая при высыхании стягивала последний и служила шиной в современном понимании. Сохранившийся кусочек кожи имел красный цвет, что может свидетельствовать и о ритуальном назначении колесниц. Кожа крепилась с внутренней стороны костяными гвоздиками. Найдено таких гвоздика. По центру внутренней плоскости обода был круговой паз, внутри которого были выдолблены круглые ямки, куда вставлялись спицы колеса. Сохранился тлен одной ступицы (втулки), где крепились спицы и проходила ось, на которую насаживали колёса. Платформа повозки-колесницы — деревянная размер 1,2×0,67–0,75 м.

В таких же по конструкции могилах иногда совершались и погребения женщин с богатым набором инвентаря, в том числе многочисленными украшениями, такими как желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, металлические бусы и пронизанный бисер, сложные накосники с орнаментированными пластинами, ожерелья из кости и пр.

В погребальных комплексах, совмещающих центральную могилу взрослого с погребениями детей и подростков, захоронения последних совершались в мелких овальных ямах, вырытых в канавообразных углублениях по периферии подкурганной площадки.

Представление о погребальной посуде дает немногочисленная, но выразительная коллекция могильника Сатан (рис. 3, 1–6, 10, 11). Две трети сосудов по форме — горшки, одна треть — банки (сосуды, как правило, с прямыми стенками, без шейки). Венчик — верхний срез сосуда — мог быть по форме: округлым (29%), уплощённым (27%), заострённым (9%), утолщённым в виде воротничка (15%), скошенным (20%). Более половины горшков имеют формованные валики по основанию шейки. Диаметр сосудов по венчику 13–18 см, по тулову наибольший 14–20 см, по дну 5–9 см. Общая высота 11–18 см. Все сосуды орнаментированы либо по шейке (27%), либо по верхней части сосуда. Полностью орнаментирована 1 банка. Представлены следующие элементы орнамента: горизонтальные линии (42,7%), равнобедренные треугольники (11,3%), однорядовый (20,2%) и двухрядовый зигзаг (0,8%), «пальцевые» каннелюры (4%), ступенчатый

зигзаг (3,2%), прямоугольные треугольники (1,6%), ряд вписанных треугольников (1,6%), наклонные отрезки (1,6%), семечковидные вдавления (1,8%), ямочные вдавления (1,8%). Техника выполнения орнамента: резная (62,5%), гребенчатая (18,8%), вдавления (18,7%). Узоры составлены из различных сочетаний элементов орнамента, выполненных различными техническими приёмами.

В коллекциях из поселений Костанайского Притоболья выделены 4 разновидности посуды: горшковидные сосуды с плавной линией профилировки; горшковидные сосуды с ребром по тулову; горшечно-баночные и банковидные сосуды. В тесте сосудов фиксируется примесь песка, шамота, раковины, талька, слюды. Элементы узора представлены горизонтальным зигзагом, заштрихованными треугольниками, желобками, в том числе широкими, наклонными и вертикальными отрезками, широким «пальцевым» зигзагом, покрывающим почти всё тулово сосуда, валиками с треугольным сечением. Орнамент наносился зубчатым штампом, резными линиями, вдавлениями, «пальцевыми» желобками (рис. 5, 1–8).

Керамика петровской культуры, по заключению Г.Б.Здановича, «отличается удивительным единообразием на всей огромной территории степной и лесостепной полосы Урало-Иртышского междуречья» (1988, с. 109) и характеризуется «близостью форм и технологией изготовления сосудов, техники нанесения орнамента и набора орнаментальных композиций. Специфику коллекций петровской посуды составляют острорёберные горшки» (1988, с. 101). Унифицированность и специфика форм тулова петровских сосудов обусловлена изготовлением посуды на твёрдой основе, в качестве которой использовались уже готовые горшки и банки, обёрнутые тканью и служившие шаблоном, по которому конструировались новые сосуды. Об этом свидетельствуют отпечатки ткани на внутренней поверхности некоторых сосудов. Общими являются такие характерные признаки, как толстостенность (10–12 мм) части сосудов, при общепринятой толщине стенок 5–8 мм; ребро в верхней трети сосуда; горизонтальный зигзаг, нанесённый по тулову широкими (пальцевыми) желобками; значительное количество уплощённых венчиков; широкий (до 3 см) желобок под венчиком; отпечатки ткани на внутренней поверхно-

сти сосудов; значительный процент банковидных сосудов (1/3), налпнные, треугольные в разрезе, валики.

Приведённые выше описания керамики Костанайского При- тоболья и Центрального Казахстана по своим характеристикам соответствуют керамике петровского типа.

Массовый остеологический материал (кости домашних животных), развитие домашних промыслов, таких как гончарство, ткачество, косторезное дело, изготовление украшений, оружия, орудий труда из бронзы, изготовление колесниц — всё это свидетельствует о развитии производящей экономики. Не будет преувеличением предположить, что такая трудоёмкая, требующая высокой специализации деятельность, как бронзолитейное производство, выделялась в отрасль ремесленного производства — подтверждением этому может служить специализированный посёлок бронзолитейщиков Семиозёрное II. Сложилось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, основу которого составляло пастушеское скотоводство (см. гл. IV).

2.2. Алакульская культура

Памятники алакульской культуры датируются XV–XIII вв. до н.э. и территориально распространяются по всему Казахстану, за исключением его восточных областей. Материальная культура алакульцев выросла на базе культуры петровских племён, что проявилось в керамике, вещевом инвентаре, архитектуре, погребальном обряде. Взаимосвязь петровской и алакульской культур наиболее чётко прослеживается в переходном периоде рубежа XVI–XV вв. до н.э. и в той или иной степени проявляется и в последующее время функционирования памятников.

Поселения. Наиболее известные Алексеевское, Перелески II, Явленка I, Петровка I, Атасу I исследованы частично, поскольку обнаружены в основном на многослойных памятниках или разрушены за истёкшие тысячелетия либо природными явлениями либо деятельностью человека. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что площадь поселений не превышала 10 тыс. м². Поселения расположены на незатопляемых площадках по берегам рек и их притокам. Жилища полуземляночного типа с углублен-

ым на 0,6–1,3 м котлованом прямоугольной формы площадью от 100 до 200 м². Выход, как правило, коридорообразный длиной 1–5 м расположен со стороны реки, в одном из углов котлована длиной от 1 до 5 м. Помещение разделено на две половины поперечной стеной — одна из половин заглублена обычно на 0,4–0,6 м относительно другой. На полу жилищ фиксируются 1–8 очагов в виде овальных ям, каменных выкладок или возвышений из материковой глины. В некоторых жилищах отмечены ямы-колодцы с укрепленными плетнем и глиной стенками, служившими, вероятно, и для хранения продуктов. Имеются небольшие по размеру хозяйственные ямы для хранения бытовых предметов, отходов, остатков пищи (костей и пр.).

Конструкция стен и кровли жилищ каркасно-столбовая, т.е. столбы вертикально вкапывались вдоль стен через равные промежутки и укрепляли горизонтально положенные плахи, брёвна или обмазанный глиной плетень. Наличие центрального ряда столбов позволяет реконструировать крышу как коньковую, двускатную. Возможны варианты плоской крыши и пирамидально-ступенчатого свода, образуемого венцами деревянных рам, уменьшающихся в размерах от стен к центральной части жилища. Сверху крыша покрывалась ветками, циновками, тростником, вероятно, обмазывалась глиной и дополнительно засыпалась слоем земли и золы для влаго- и теплоизоляции. Конструкция стен и кровли зависела от природно-климатических условий и наличия подручного строительного материала. Если в лесостепной и отчасти в степной зонах в качестве строительного материала использовалось дерево, то в степной части Центрального Казахстана использовались каменные плиты высотой до полутора метров и каменные плитки, идущие на кладку стен. В придонном слое и в заполнении котлованов найдены многочисленные остатки материальной культуры, в том числе керамика, бронзовые ножи-копья, одно- и двухлезвийные ножи, втоки, тесла, шилья, крючки, каменные топоры, мотыги, обломки литейных форм, оселки, костяные трепала, наконечники стрел, проколки, глиняные и костяные пряслица.

Могильники. Алакульцы хоронили умерших сородичей в окрестностях поселения, выбирая, как правило, возвышенные места. В Северном Казахстане (могильники Перелески, Алексеевский,

Конезавод, Амангельды I и др.) погребения в плане были прямоугольной (56 %), овальной (22 %) и неопределённой (22 %) формы. Большой процент ям неопределённой формы объясняется песчаным осыпающимся грунтом площадок могильников. В некоторых могилах отмечен одно- или двухвенцовый деревянный сруб в придонной части. Так, на могильнике Перелески в нарушенной части могилы кургана 2 зафиксированы остатки двухвенцового сруба в придонной части и поперечное перекрытие из вплотную уложенных отрезков молодых деревьев. Остатки деревьев внутри могильных конструкций отмечены неоднократно. Размер погребальных ям варьируют значительно даже в пределах одного могильника: по длине и ширине могилы разделяются на 3 группы: 1 — малые (размером 0,8–1,4×0,35–0,6 м), составляющие 23 %; 2 — средние (размером 1,3–2,2 × 0,45–1,4 м) — 61 %; 3 — большие (размером 2,2–3,4×1,4–2,0 м) — 16 %. Отражают ли данные группы могил половозрастную или социальную структуры, на основании имеющихся данных, сказать затруднительно.

Могильные ямы, составляющие часть погребального комплекса, в некрополях Северного Казахстана фиксируются под курганными насыпями из земли, с каменными кольцами по основанию.

В Центральном Казахстане курганные насыпи встречаются единично — остаются кольца в виде оград из поставленных на ребро плит, вкопанных в канавки. Многие ограды имеют от 1 до 9 пристроек. Курганные насыпи диаметром 12–18 м имеют высоту до 0,9 м. Так, на могильнике Майтан в Карагандинской области исследованы 51 (основная ограда) и 62 пристройки. Большинство оград имело от 1 до 5 жертвенников; сосуды, черепа и конечности крупного и мелкого рогатого скота, костяки лошадей. В оградах — 1–2, единично 3–4 могилы. Из вскрытых 214 захоронений: погребены в одиночных ящиках — 70,5 %, в спаренных — 5,6 %, в тройных — 1,4 %, в грунтовых ямах — 22,5 % умерших. Основной способ захоронения — труположение (трупосождения единичны). Умершего клали преимущественно на левый или правый бок, в скорченном положении с кистями рук перед лицом (рис. 6, 19). Такая поза погребённого придавала сходство с позой младенца в утробе матери, в данном случае утробе матери-земли. Отме-

чены парные разнополюе захоронения (мужчины и женщины, женщины с младенцем), иногда положенных лицом друг к другу.

Сопровождающий погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами, украшениями, орудиями труда (рис. 6, 8). В могилу ставили 1–3, иногда 4–5 сосудов, располагая их в изголовье, на уровне груди, реже в ногах. Глиняные сосуды — банки и горшки алакульского типа, богато орнаментированные с уступчиком при переходе от шейки к тулову.

Украшения, составляющие принадлежность женского костюма, разные и в основном изготовлены из бронзы, некоторые из пасты, кости. Так, в могилах Костанайского Притоболья найдены бусы, пронизы, обоймочки, бляшки, гривны, браслеты с гладкими или закрученными в спираль концами, зачастую обёрнутые позолоченной фольгой, пластинчатые наконечники подвески, кольца, нередко с закрученными в спираль концами, височные подвески в полтора оборота, часть которых обёрнута позолоченной фольгой (рис. 6, 7). Некоторые типы украшений можно разделить на подтипы и разновидности — так, бусы по форме были бочонковидные (25 %) и колечкообразные (75 %); бронзовые (45 %) и пастовые (55 %); пронизки бронзовые (5 %), пастовые (95 %); браслеты желобчатые (75 %) и овальные в сечении (25 %); бляшки круглые, плоские или полусферические (рис. 6, 7). Анализ золотой «фольги», которой обёртывались некоторые украшения, показал, что использовалось золото высшей пробы. Украшения имели определённое значение, как при жизни, так и в погребальном ритуале, ибо сочетали в себе эстетическую, знаковую, религиозно-магическую функции. Они играли в жизни первобытных людей значительную роль, выражая или отражая их мировоззренческие идеи, в том числе, идею цикличности и непрерывности жизни человека. Так, например, такая категория украшений, входящая в комплект головного женского убора, как наконечники, по мнению Э.Р. Усмановой, исследовавшей 13 наконечников из 7 петровско-алакульских могильников Северного и Центрального Казахстана, могли символизировать:

- статус девушки, достигшей брачного возраста (наконечники первого типа);
- статус девушки-невесты (наконечник второго типа).

Преднамеренная порча украшений и накосников при исполнении погребального ритуала может трактоваться как разрыв умершей с реальной жизнью, а их помещение в могилу символизирует сохранение её прижизненного социального статуса.

К первому типу отнесены 8 простых по конструкции накосников в виде двух низок из бронзовых обойм или бронзовых пастовых бусин (количество которых доходило до ста в одной низке), заканчивающихся листовидными пластинчатыми подвесками.

Сложные накосники второго типа имели комбинацию из бронзовых пластин, бронзовых и пастовых бусин, обоймочек, заканчивающихся бронзовыми пластинками. Накосники прикреплялись к головному убору при помощи обойм или вплетались в волосы как косоплётка, а свободно свисающие нижние пластинки при ходьбе создавали тихий перезвон. Накосник являлся частью головного убора девушки, который «... становится главным символом женского костюма» (Усманова, Логвин, 1998, с. 61). Определённую символику несли и другие украшения — кольца, браслеты, гривны и пр.

В могилах, где захоронены мужчины, погребальный инвентарь представлен сосудами, орудиями труда или оружием — обоюдоострыми бронзовыми ножами (рис. 6, 15; 7, 10; 21, 31, 56), наконечниками стрел (рис. 6, 29–31; 7, 18; 25, 27), абразивными точильными брусками (рис. 7, 35), булавами (рис. 7, 36), щитковидными костяными псалями.

Наиболее массовый археологический материал алакульских памятников — керамика — имеет настолько характерные, общепризнанные и чётко фиксируемые признаки, что позволяет без труда определять их культурную (алакульскую) принадлежность. Горшки алакульского типа имеют уступчик при переходе от шейки к тулову, неорнаментированную полосу по низу шейки, двух- или трёхзональное расположение орнамента по тулову (шейка, тулово, придонная часть), горизонтальные и зигзагообразные полосы из сгруппированных линий, прямоугольные заштрихованные треугольники, упрощённый меандр. Выполнение узоров осуществлялось преимущественно резными линиями, отчасти гребенчатым штампом, отмечены ряды вдавлений различных форм. Наряду с нарядно орнаментированными горшками бытовали и

простые по форме баночные как орнаментированные, так и неорнаментированные сосуды (рис. 8).

Приведём некоторые характеристики керамики могильников Нуркен, Копа, Копа I (Карагандинская область). Суммарная коллекция содержит 79 сосудов, в том числе горшковидные — 53 %, банковидные — 45 %, чашевидные — 2 %. На изготовления шла средне- и сильноожеженная глина с добавлением дресвы и навоза или песка и навоза. Делали сосуды в формах-ёмкостях. Поверхность сосудов была обработана заглаживанием (куском кожи, пучком травы), частично лощением или обвариванием (Ломан, 1993).

Горшковидные сосуды имели диаметр по верху шейки (венчику) — 11–36 см, толщину стенок 5–8 мм, как исключение 10 мм. Шейки сосудов слегка вогнутые с округлым и, как исключение, заострённым венчиком. При переходе от шейки к тулову у большинства (81,8 % на могильнике Нуркен) или достаточно большого количества сосудов (33,4 % на могильнике Копа I и 27,3 % на могильнике Копа) отмечен уступчик, один из наиболее характерных признаков алакульских горшков.

Орнамент нанесён по двум зонам — по шейке и тулову. Общими элементами орнамента являются горизонтальные линии, меандр, зигзаг, заштрихованные и незаштрихованные треугольники, ступенчатая пирамидка, ряды угольковых и семечковидных вдавлений. Встречаются Z-образные и крестообразные фигуры, каннелюры, заштрихованные ромбы, зигзаг, обрамлённый маленькими треугольниками (лесенка). В придонной части орнаментирован лишь один сосуд, у которого к тому же нанесён меандр на донышке.

Наиболее распространённые комбинации элементов орнамента:

- по шейке — горизонтальные линии в сочетании с равнобедренными заштрихованными треугольниками; полосы зигзагов с рядом треугольных вдавлений; заштрихованные равнобедренные треугольники с меандром;
- по тулову — меандр в сочетании с рядами горизонтальных линий или треугольных вдавлений; горизонтальные линии и ряды зигзага.

Банковидные сосуды (рис. 8, 10, 13, 15) украшались по верху гоува горизонтальными линиями, зигзагами, овальными вдавлениями. Наиболее распространённая комбинация элементов орнамента — сочетание рядов треугольников (зигзагов) с рядами горизонтальных линий (вдавлений).

Техника нанесения орнамента разная: резная (53 % на горшках и 71 % на банках); гребенчатая (27 % на горшках), вдавления (28 %), каннелирование (15 %).

Коэффициент парного сходства керамики могильников — 59–65 %, что подтверждает её принадлежность к алакульскому типу, а памятников — к алакульской культуре, учитывая сходство погребальных конструкций, обряда, однотипных наборов сопровождающего инвентаря.

Алакульская культура, основой для которой была материальная культура петровцев, знаменует собой время стабильного развития андроновского общества. Не сооружаются больше оборонительные укрепления вокруг поселений, не зафиксировано погребений с колесницами. На смену воину-колесничему приходит всадник-пастух. Получает дальнейшее развитие скотоводско-земледельческая направленность хозяйства, развиваются бронзолитейное производство, ткачество, гончарство и другие домашние промыслы.

2.3. Фёдоровская культура

Памятники фёдоровской культуры датируются XV–XI вв. до н.э. Культурные слои фёдоровских поселений, так же как алакульских, перекрываются культурными слоями поселений следующего культурно-исторического этапа — эпохи поздней бронзы. Факты неоднократного заселения одних и тех же участков можно объяснить топографической привязкой поселений к наиболее удобным, с точки зрения хозяйственной деятельности, площадкам первой надпойменной или коренной террас долин рек и, возможно, сохраняющейся традицией в пределах живой памяти, т.е. памяти о предках.

Сходство материальных комплексов фёдоровской и алакульской культур таково, что в 50-е годы археологи относили их к

культурно-хронологическим этапам (фёдоровский-алакульский) андроновской культуры. В настоящее время исследователи выделяют их в самостоятельные культуры в рамках андроновской культурно-исторической общности. Остаётся спорной хронология фёдоровской культуры в рамках периодизации эпохи бронзы — ряд авторов ставит её в хронологическом ряду после алакульской. Мы же рассматриваем их как сосуществующие в одно время и на почти совпадающих территориях в пределах Казахстана, за исключением западного и восточного региона (алакульских памятников нет в восточном, а фёдоровских — в западном регионах).

Памятников фёдоровской культуры в Центральном Казахстане в настоящее время исследовано не более полутора десятка. Так, Е.Е.Кузьмина в сводке памятников андроновской общности к собственно фёдоровским по наличию керамики отнесла 10 поселений и могильников. В работе, посвящённой фёдоровской культуре Урало-Казахстанских степей, Т.С.Малютина отмечает 25 поселений, на которых исследовано 30 жилищ и 328 погребений из 205 курганов, известных на этой громадной территории. В степной части Центрального Казахстана известно не более полутора десятка памятников, в том числе поселения Усть-Кенетай (нижний слой, Евдокимов, 1982, с. 3–9, табл. 1–5), Икпень I (средний слой), а также поселения Майоровка, Энтузиаст II (где выявлена фёдоровская керамика), отнесённые А.А.Ткачёвым к позднему алакульско-фёдоровскому этапу (1991); могильники Балыкты, Звенигородка (Ткачёв, 1991), Акимбек, Алпымса, Тасырбай II, Шоиндыколь; могильники со смешанным типом керамики: Ижевский I, Акшатау, Бугулы I, Байбала I, Канатгас, Ботакара.

Поселения. Как уже отмечалось, степень разрушения выявленных и исследованных фёдоровских поселений не позволяет реконструировать жилища, дать ответ о характере планировки, конкретизировать площадь жилой площадки. Можно лишь отметить, что намечаются две тенденции в развитии домостроения:

- возведение небольших каркасных наземных построек;
- строительство крупных прямоугольных сооружений полужемляночного типа.

Так, на однослойном поселении Бишкуль IV в Петропавловском Приишимье выявлена часть каркасного дома площадью 140 м², имевшая в плане форму квадрата с сильно закруглёнными углами. Котлован жилища лишь слегка заглублен в материковый слой. Выход из жилища представлял собой небольшой коридорообразный выступ. В средней части жилища отмечено 2 очага и обугленная бревенчатая рама размером 1,3–1,8 м. По расположению рамы и столбовых ям можно предположить, что стены жилища представляли собой наклонно поставленные плахи или брёвна, нижним концом установленные на краю котлована, а верхним — укладываемые на бревенчатую раму. Рама в свою очередь опиралась на вертикально вкопанные столбы, которые располагались в 1,5–2 м от внутренних границ помещения. Верхняя часть крыши опиралась на центральную раму (ее остатки зафиксированы на полу жилища), под которой устраивались очаги. Жилище, таким образом, имело усечённо-пирамидальную форму. Стенки для утепления обкладывались дёрном, золой, а возможно, покрывались шкурами животных.

Крупные прямоугольные сооружения полуземляночного типа известны на поселениях Новоникольское I (жилище 4) в Петропавловском Приишимье и Атасу I (Карагандинская область). Так, площадь жилищ на поселении Атасу I составляет 150–200 м². Частично фёдоровские жилища сохранились на поселениях Усть-Кенетай и Акимбек, расположенных в Карагандинской области.

Единственный крупный фёдоровский жилой комплекс, представляющий единый архитектурный ансамбль, раскопан на поселении Икпень I (средний слой). Вскрыто 8 построек-полуземлянок овальной в плане формы, глубиной 0,2–0,4 м, площадью 80–120 м², единично 30 и 180 м². Жилища имели по одному выходу в углу или в стене. На полу зафиксировано от 1 до 4 очагов, 2–5 хозяйственных и 10–32 столбовых ям, ямы-хранилища, аналогичные алакульским, 1–2 колодца глубиной до 3 м, стенки которых укреплялись плетнем. По мнению А.А.Ткачёва, постройки по назначению подразделяются на:

- собственно жилища для членов общины (4);
- жилища-мастерские семей костореза и металлурга (2);
- жилища для служителей культа (2).

Если его наблюдения верны (1991), то это первый случай функциональной комплексности жилищ отдельно взятого поселения, отмеченный для фёдоровской культуры.

Коллекция керамики поселения Икпень I представлена 6 целыми и фрагментами от 500 сосудов. Сосуды изготовлены очень тщательно, поверхность часто залощена, в тесте примесь песка и шамота, реже дресвы, слюды, раковин. Преобладающей техникой выполнения орнамента является гребенчатая. По форме выделены 2 группы сосудов: плавно профилированные горшки и слабо профилированные горшечно-баночные сосуды. Часть сосудов орнаментирована «очень нарядно гребенчатым штампом ... с выделением зон по шейке и тулову» с разделением зон желобками или рядами вдавлений. На этих сосудах первой группы (116 единиц) преобладают геометрические узоры: треугольники косоугольные, прямоугольные, равнобедренные, меандр, фестоны, «ковровые узоры». На менее «нарядных» сосудах (90 единиц) орнамент представлен горизонтальными линиями, рядами насечек и вдавлений, зигзагом, ёлочкой, выполненным наполовину резной техникой. У сосудов второй группы (102 единицы) орнамент преимущественно резной (78,3 %), в виде горизонтального зигзага, ёлочки, вдавлений, желобков.

В одном слое с керамикой найдены «разнотипные ножи: листовидный и срубно-андроновского типа, втульчатый чекан, втоки, обломки литого височного кольца и топора-пальстава, костяной двудырчатый щитковый псалий, обломки глиняных литейных форм» (Ткачёв, 1991).

На поселении Усть-Кенетай стратиграфически и планиграфически выделено 2 культурных слоя: котлованы жилищ с керамикой саргаринско-алексеевского типа прорезают слой, содержащий керамику фёдоровского типа. На неразрушенной жилой площадке фёдоровского поселения зафиксированы остатки котлована сооружения подпрямоугольной в плане формы площадью 25 м². На дне котлована отмечены 2 столбовые ямы диаметром 17, 21 см, глубиной 16, 20 см. Зафиксирована хорошей сохранности печь из каменных плит с глиняной обмазкой, послойно загруженная углём и порошкообразным слоем медной руды толщиной 5–9 см.

В заполнении сооружения и культурном слое найдены изделия из кости, камня, бронзы, в том числе костяная пуговица, игральные кости из астрагалов овцы (залощенные и с пришлифованными боковыми гранями), каменный пест, каменное полированное брусковидное грузило с биворонкообразным отверстием, каменная рудотёрка, сегментовидные фрагменты от глиняной дисковидной крышки, пулевидный вток, свернутый из листовой бронзы, шестигранный нуклеус.

В коллекции керамики выделены шейки 150 горшковидных плавно профилированных сосудов. В тесте примесь песка или шамота. Поверхность горшков как внешняя, так и внутренняя заглажена, внешняя нередко лощённая. Форма венчика большинства сосудов округлая, частично уплощённая. Сосуды имели высокую вогнутую внутрь шейку, слегка отогнутую наружу и плавно переходящую в слабо раздутое тулово. Днища по форме переходящие в тулово прямоугольные или тупоугольные.

Сосуды орнаментировались сплошной зоной по шейке и верху тулова. Вторая зона, расположенная в придонной части, отмечена лишь у нескольких сосудов. Шейка украшалась рядом гребенчатых наклонных отрезков в сочетании с каннелюрами; двумя рядами противоположащих косоугольных заштрихованных треугольников; рядом заштрихованных треугольников в сочетании с S-образными фигурами; двумя рядами противоположащих равнобедренных треугольников; двумя рядами прямоугольных заштрихованных треугольников; широкими желобками, каннелюрами. По стенкам наносились сложные косоугольные меандры, упрощённые меандровые фигуры, резные и гребенчатые заштрихованные треугольники, резная сетка, каннелюры, вытянутые горизонтально заштрихованные треугольники. Отмечены ряды вдавлений, оконтуривающих сложные меандровидные (?) фигуры. В придонной части наносился ряд заштрихованных резных или гребенчатых треугольников и орнаментальный пояс здесь нередко завершается горизонтальной каннелюрой (Евдокимов, 1982, рис. 5, 6).

Орнамент выполнялся преимущественно гребенчатым штампом, часто применялись каннелюры, реже резные линии.

Найден фрагмент глиняного блюда с округлыми венчиком, толстым днищем (20 мм) и толстыми (15 мм) боковыми стенками.

Могильники. Погребальные комплексы фёдоровской культуры Центрального Казахстана изучены недостаточно полно, о чём красноречиво свидетельствует такой факт — на семи могильниках вскрыто лишь 37 погребальных сооружений, из них 22 приходятся на 3 могильника — Бугулы I, Канаттас и Акимбек; 4 могильника из 7 находятся на территории Карагандинской области. В анализ включены могильники Бугулы I, Канаттас, Акшатау, чтобы выявить ведущие тенденции и культурную специфику погребального обряда путём статистического оценивания.

Из 37 сооружений 12 (33 %) являются курганами. Высота земляной насыпи курганов от 0,1 до 0,9 м. Под курганной насыпью находится кольцевая ограда большей частью из врытых на ребро или положенных плашмя каменных плит, иногда комбинированная (рис. 9, 1, б). Диаметр ограды несколько меньше диаметра расползшейся насыпи — диаметр последних от 5,8 м до 16 м, но 9 из 10 курганов имеют диаметр 5,8–10 м, и лишь 1 — 16 м.

Курганы составляют треть погребальных сооружений, а две трети — ограды. Из 25 оград 19 (63 %) имеют округлую в плане форму, 7 (23 %) — прямоугольную и 4 (14 %) — квадратную. Если не включать оградки под насыпями, где они все (за исключением одной) округлой в плане формы, то общая тенденция преобладания округлых (56 %) над прямоугольными (28 %) и квадратными (16 %) сохраняется. Диаметр округлых оград 1,9–7,8 м; размеры прямоугольных 3,3–22,3×2,9–6 м (наименьшая 3,9×2,9 м, наибольшая 22,3×6 м), но наиболее часто фиксируемые параметры в пределах 4–11×3,5–5,4 м; квадратных 3,4–4,5 м.

В 37 оградах и курганах, а также 3 пристройках в виде маленьких оград зафиксировано 47 могил, в том числе каменных ящиков — 25 (53 %), грунтовых ям — 14 (30 %), цист — 6 (13 %) и комбинированных ящиков-цист — 2 (4 %). Глубина могил колеблется от 0,45 до 1,55 м, причём в наиболее глубоких, более 1 м, могилах каменные плиты ящиков оказываются заглубленными до 0,5 м.

Преобладающая ориентировка могил по линии З–В (58 %) и ЮЗ–СВ (35 %). По одному разу отмечена ориентировка по линии С–Ю и СЗ–ЮВ.

Размеры могил независимо от конструкции (ящик, циста) — 0,45–1,95×0,25–1,1 м. Самая маленькая могила в виде каменного ящика имела размеры 0,45×0,25 (мог. Акимбек, огр. 1). Самая

большая и единственная, превышающая двухметровый «рубеж» циста в ограде 6 могильника Ботакара имеет размеры 2,6×2,2 м.

Обряд погребения в 37 могилах следующий: в 24 могилах отмечены отдельные кости погребенных, т.е. ингумация (65 %), в 13 могилах — кальцинированные мелкие кости погребенных, т.е. кремация (35 %). Выявляется специфика в обряде погребения. Так, в могильниках Алпымса, Ботакара, Акимбек на 17 случаев ингумации приходится лишь 2 случая кремации, в то время как в могильнике Бугулы I на 5 случаев кремации лишь 1 случай ингумации; в могильнике Канаттас на 3 случая ингумации 5 случаев кремации. Является ли данная специфика отражением локальных отличий (могильники Бугулы I и Канаттас расположены южнее, в зоне полупустынь, а могильники Ботакара и Акимбек — в зоне степей) или хронологических по имеющемуся материалу ответить трудно. Если учесть, что только в могильниках Алпымса и Акимбек отмечены четко выраженные курганные насыпи, то следовало бы предположить локальные отличия. Поскольку данные могильники расположены в районе Кентского горного массива, где разрушительная сила ветров куда меньше, чем на полупустынных равнинах, попадающих в зону «дуги ветров» северного полушария, это и обусловило сохранность земляных курганных насыпей. Но обряд кремации не подвержен физическому влиянию «силы ветров» и, вероятно, было бы правильнее предполагать отличия хронологического порядка, т.е. соотношение обрядов ингумации и кремации обусловлено «хронологическими» изменениями в самом обряде, по линии уменьшения количества случаев кремации от раннефёдоровского к позднефёдоровскому времени. Окончательный ответ можно будет получить при крупномасштабных исследованиях эталонных фёдоровских памятников.

Отличительным признаком некоторых погребальных сооружений является наличие двойной ограды, вписанных одна в другую внешней и внутренней (огр. 12, мог. Канаттас; огр. 3, 13а, 26, мог. Ботакара) и даже тройной (огр. 13, мог. Ботакара; огр. 1, мог. Бугулы) (Маргулан и др., 1966, рис. 13). Доля двойных и тройных оград в общей массе суммарно будет составлять примерно 10–15 %, а в некоторых случаях (мог. Ботакара), если выборка объектов для раскопок не случайная, более 50 %. Встречаются исключения и в позе погребённого — так, по мнению А.Х.Маргу-

лана, захоронение умершего в одной из могил ограды 11 могильника Канаттас было совершено в положении сидя.

Отличительной чертой обряда кремации фёдоровцев Центрального Казахстана от фёдоровцев других регионов является неполное трупосожжение, когда «наряду с мелкими обломками кальцинированных костей в них встречаются фрагменты или целые кости (лопатки, позвонки), не тронутые огнём. Вряд ли это парные захоронения, когда обычно один из трупов сжигали, а другой погребали без сожжения» (Маргулан и др., 1966, с. 63).

Из других отличительных черт можно отметить преобладание костей (череп, конечности) лошади, но встречаются и кости овцы и коровы. Кости лошадей, особенно черепа, как правило, клали не в могилу, а рядом или поблизости в пределах ограды (огр. 2, 10, 12, мог. Бугулы I и др.).

Погребения всегда сопровождают 1 или 2 сосуда — даже при практически полном ограблении фёдоровских могил в 28 могилах из 37 отмечены фрагменты, части и даже целые сосуды. Вещевой инвентарь клали не во все могилы и, видимо, не случайно, лишь в 10 могилах из 37 отмечены отдельные вещевые находки. На это указывал и А.Х.Маргулан — «бронзовые и другие изделия встречаются редко» (1966, с. 63).

Комплекс керамики могильников представлен горшками, банками. А.Х.Маргулан дал в своё время общую характеристику керамике нуринского (фёдоровского) этапа. Горшки, плавно профилированные с отогнутой наружу шейкой, имеют плавный, иногда заострённый венчик. Дно плоское, иногда с поддоном. Высота сосуда чаще меньше диаметра венчика, изредка — больше его. Поверхность сосудов гладкая, зачастую подлощенная, толщина стенок 6–8 мм.

Орнаментальная зона занимает, как правило, верхнюю половину сосуда, изредка бывает вторая зона у дна. Сочетание треугольников, меандра, параллельных каннелюр образует «сложный, красивый ковровый орнамент». Горшки по «чёткости и правильности форм не имеют себе равных ни среди сосудов из могильников Зауралья, ни среди уступчатых сосудов из других районов Казахстана» (1966, с. 278).

Орнамент наносился гребенчатым и гладким штампами. Характерным являлся орнамент из косых треугольников и угловых

треугольных вдавлений палочкой. Добавим, что к характерным признакам можно отнести достаточно высокий процент сосудов с подлощенной поверхностью и оттиски мелкозубчатого штампа. Цвет поверхности сосудов светло-коричневый, серый, чёрный (мог. Алпымса и др.), в тесте визуально фиксируется примесь дресвы и песка. Из элементов орнамента встречается «ёлочка», горизонтальный зигзаг, ряд наклонных отрезков.

Орнамент банковидных сосудов, располагающийся под венчиком, в верхней трети тулова, не выразителен и представлен горизонтальными рядами вдавлений, зигзагом, «ёлочкой», желобками.

Среди керамических комплексов могильников с фёдоровской керамикой А.Х.Маргулан отмечает комплекс Бугулы I, могильник которого «отличаются от синхронных погребений, особенно керамикой. В них преобладает один тип посуды, для которой характерна завершенность форм. Это изящные «вазовидные» горшки с красивым зонально расположенным орнаментом и иногда с поддоном, который придаёт им стройность. Некоторые бугулинские сосуды не имеют себе подобных среди андроновской посуды других мест, хотя большинство из них по форме и орнаменту более всего напоминают фёдоровские горшки Челябинска» (1966, с. 63).

Е.Е.Кузьмина, детально проанализировавшая керамику андроновцев на территории их расселения, включая и коллекции с могильников Бугулы I, Канаттас, Акимбек, выделяет фёдоровский тип посуды в чистом виде (наряду с петровским, алакульским и дандыбаевским). Она отмечает, что из применявшихся фёдоровцами двух различных технических приемов формовки дна (кольцо, образывавшее кольцевой поддон (1а), небольшая плоская лепёшка, подлеплявшаяся ко дну (1б)), и плоское дно (2), вlepлённое в нижнюю часть стенок «обе разновидности дна особенно характерны для фёдоровских комплексов Центрального Казахстана», «... оба типичны для фёдоровской керамики Центрального Казахстана» (1994, с. 118).

Керамика указанных выше поселений и могильников Центрального Казахстана (рис. 10) по технологическим характеристикам, и что более важно, по навыкам труда относится к чистому (несмешанному) фёдоровскому типу, и необходимы более веские конкретные обоснования для выделения центрально-казахстанского или нуринского (по А.Х.Маргулану) варианта андронов-

ской керамики. Детальные технико-технологические исследования керамики Центрального Казахстана Т.М.Тепловодской не выявили каких-либо типологических признаков так называемой нурынской керамики, напротив, отмечается, что «сходство в технологии изготовления керамических изделий на разных памятниках нельзя объяснить только внешним влиянием...это прежде всего результат одинакового уровня хозяйственного развития, развития технологической базы гончарства, одинакового образа жизни» (Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 161).

Погребальный инвентарь фёдоровских захоронений сравнительно беден, мало изделий из бронзы, кости, пасты и пр. Так, в 37 погребальных сооружениях, где отмечено 49 могил, керамика выявлена в 28 сооружениях, а вещевой материал лишь в 10.

Даже если принять во внимание факт разграбления погребальных сооружений, то в таком же положении оказываются алакульские погребения, но в последних, практически во всех, находят отдельные изделия, мелкие поделки, фрагменты изделий. Малочисленность погребального инвентаря фёдоровцев (за исключением керамики) объясняется другими факторами, вероятнее всего, отражающими погребальный ритуал.

О малочисленности находок свидетельствует такой факт: в 6 могильниках, исследованных А.Х.Маргуланом, на которых было вскрыто 26 погребальных сооружений, содержащих 34 могилы, отдельные находки были найдены лишь в 4 сооружениях: полсотни бронзовых бус и круглое бронзовое зеркало (огр. 3, мог. Бугулы 1); 50 крупных бронзовых пронизок и глиняное пряслице (огр. 4, мог. Бугулы 1); кремневая тёрка (огр. 3) и мелкие бронзовые предметы (огр. 13а) мог. Ботакара. На могильнике Алпымса, где вскрыты 1 ограда и 4 кургана, вещевой материал представлен бронзовым двупёрым наконечником с длинной втулкой (рис. 9, 3), бронзовым предметом (рис. 9, 4, мог. 1, курган 1) и фрагментом бронзового кольца, сделанного из проволоки, сечением 0,1–0,2 см (огр. 1). На могильнике Акимбек вскрыта 1 ограда и 6 курганов, давшие 3 невыразительных вещевых находки. Во многом из-за малочисленности погребального инвентаря многие вопросы, в том числе и периодизация погребальных комплексов, остаются открытыми.

Глава III. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА (XIII–IX ВВ. ДО Н.Э.)

Со II тыс. до н.э. в степной и лесостепной зоне от Северного Причерноморья до Алтая формируются культуры, объединяемые в общность культур валиковой керамики (Черных, 1983). Непременным компонентом керамических наборов этого времени были сосуды, украшенные по шейке налепным или формованным валиком. Керамику с валиком или без него, но близкую по внешнему облику принято называть валиковой. Культура с керамикой валикового облика на поздней стадии эпохи бронзы существовала и в степях Северного, Центрального и Восточного Казахстана, распространяясь также на прилегающие районы Южного Зауралья, степного Алтая и Семиречья. Она представлена, в основном, двумя категориями археологических памятников — поселениями и могильниками.

3.1. Поселения

Поселения — наиболее многочисленный вид памятников. В Костанайском Притоболье известно 6 поселений, в Приишимье — 46, в Центральном Казахстане — 42 поселения с культурными слоями, содержащими валиковую керамику (рис. 1) Жилища этого времени нередко возводились на местах посёлков, оставленных в андроновскую эпоху. В таких случаях откладывались разновременные культурные слои. К многослойным памятникам относятся Новоникольское I, Петровка II, Конезавод III, Алексеевское, Сад-

Садчиковка в Северном Казахстане и Атасу I, Мыржык, Ак-Мустафа, Бугулы II, Усть-Кенетай в Центральном Казахстане. Эталонные материалы происходят из однослойных поселений Саргары, Петровка IV в Приишимье, Копа I, Упаис, Донгал, Кент, Домалактас в Сарыарке.

Поселения расположены на надпойменных террасах рек, на излучинах и мысах, рядом с участком поймы. По площади и количеству жилищ их можно разделить на три группы: 1 — малые поселения площадью до 5000 м² с 2–9 жилищами (Садчиковка, Тагибай-Булак, Байшура, Петровка III, Владимиро-Борисовка I); 2 — посёлки средних размеров, где на площади в 7000–20000 м² фиксируются остатки 10–30 сооружений (Новоникольское I, Саргары, Алексеевка, Атасу I, Суук-Булак, Донгал); 3 — поселения, насчитывающие более 40 построек площадью от 30000 до 300000 м² (Кент, Мыржык, Бугулы I).

По особенностям планировки можно выделить следующие типы посёлков. Поселения скученной планировки со сплошной застройкой — Саргары, Атасу I, Донгал и др. Ко второму типу относятся селища с линейно-уличной планировкой, обычно вытянутые вдоль берега, — Мийлыбулак, Каркаралинское I. Третий тип представлен поселениями круговой планировки со свободной внутренней площадью — Новоникольское I, Виноградовка VI, Шортанды-Булак.

Конструкции жилищ и материал для их построек определялись природно-географическими условиями, но при любых архитектурных особенностях жилые постройки возводились в вырытых котлованах. Наземные постройки очень редки. Глубина котлованов обычно от 0,5 до 1 м. Размеры котлованов от 36 до 200–400 м², они чаще всего прямоугольной формы. Стены котлованов укреплялись плетнём (Саргары) или каменными вертикальными плитами (Атасу I). Жилища без каменных деталей преобладают в северном ареале культуры, где использовались деревянные каркасные конструкции. Основы каркасных конструкций составляли ряды опорных столбов, вкопанных внутри котлована. Жилища имели наклонные стены и плоскую или пирамидальную кровлю. Пол в жилищах был утрамбован или обмазан глиной. В полах находились хозяйственные ямы. Внутри домов находились очаги открытого типа. Это могли быть простые костры на полу,

ямы с каменной обкладкой, каменные выкладки четырёхугольной или пятиугольной формы без углубления. На поселении Шортады-Булак один очаг был ограждён бортиками из глины.

Выходы из жилищ оформлялись в виде тамбура и обычно направлены к реке или на запад. Нередко смежные жилища соединялись коридором, остатки таких двухкамерных построек фиксируются археологами в виде восьмёркообразных западин.

На поселении Атасу I исследованы округлые и овальные котлованы диаметром 6–14 м и небольшой глубины. В них находились лёгкие юртообразные жилища наземного типа. На полу были каменные очаги открытого типа. Обнаружены также колодцы, стены которых облицованы кладкой из каменных плиток. Колодцы имеют конусообразную форму и расширяются ко дну (Кадырбаев, 1983, с. 137; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 44–47).

На поселении Кент достаточно хорошо сохранились конструкции жилищ 3–5 (рис. 11).

Жилище 3 фиксировалось по котловану размером 15×6,2 м глубиной 0,25–0,3 м от уровня материка. Постройка вытянута в меридиональном направлении. Вдоль длинных стен зафиксирован ряд столбовых ям диаметром 0,25–0,35 м. Северная и южная стенки котлована были укреплены каменной кладкой в 7–9 слоёв гранитных плит, уложенных на растворе. Выход наклонный, тамбурообразный, длиной 1–2 м, шириной 0,9 м. Он был устроен почти в середине западной стенки. Интересна стратиграфия культурного слоя у выхода. Заполнение углубления для тамбура — чередующиеся прослои тонких, толщиной в несколько миллиметров, зольных и чёрных гумусированных наслоений. На полу жилища был тонкий золистый слой. Напротив выхода отмечено три овальных пятна прокала — очаги типа кострищ. В северо-западном углу зафиксирована яма размером 1×0,75 м, глубиной 0,4 м. От ямы в северо-восточном направлении отходила наклонная канавка, шириной 0,3–0,4 м, в средней части перекрытая гранитными плитами. Канавка уходит за пределы жилища почти на 5 м. Возможно, это сточная канава. Керамический материал представлен фрагментами посуды саргаринско-алексеевского типа.

Жилище 4 опущено в котлован прямоугольной формы 0,75 м, размерами 7,5×6,8 м. Стенки котлована укреплены вертикальными плитами и каменной кладкой. Жилище ориентировано

углами по сторонам света. В северной половине постройки был расчищен очаг размером 0,7×0,6 м, выложенный из мелких камней со следами прокала. Пол жилища неровный, отмечено 6 ямок от столбов и 5 ям хозяйственного назначения.

Жилище 5 аналогично описанному и незначительно отличается размерами — 7,5×6,5 м. Очаг в форме пятиугольника образован шестью вертикальными каменными плитами. На полу фиксировалось 6 столбовых ям, а к северу от очага — удлинённое углубление. Почти напротив смежных стен построек были оставлены проёмы, через которые жилища соединялись общим тамбуrom. Здесь же, вероятно был и выход из помещений. Керамика из жилищ 4 и 5 относится к позднему, донгальскому типу валиковой посуды.

Артефакты из поселений представлены изделиями из бронзы, кости и рога, камня и керамикой.

3.2. Могильники

Все могильники эпохи валиковой керамики находятся в пределах Казахского мелкосопочника. Это Жукей I, II в Кокшетауских горах, Саргары у г. Атбасара, памятники из низкогорных массивов Сарыарки — Дандыбай, Бегазы, Сангру I, III, Бугулы III, Айбас-Дарасы, Актопрак (Мартынюк, Зданович, 1985; Маргулан, 1979; Ткачёв, 1989), а также Донгал, Енбек-Суйгуш, Карагаш, Дермен и др. На территории Центрального Казахстана известно 33 могильника, бесспорно датированных временем валиковой керамики, без учёта памятников переходных эпох (Варфоломеев, 1991, с. 13).

В топографии могильников можно отметить следующие закономерности. Они находятся у источников воды, на возвышенных местах между сопками. На памятниках насчитывается от 20–25 до 80 сооружений, фиксируемых по остаткам каменных конструкций. Могильники могут располагаться на местах более ранних, андроновских некрополей, или на ранее не освоенных площадках.

Исследованных погребений сравнительно немного. К началу 80-х годов XX века были опубликованы материалы чуть более 50

бегазы-дандыбаевских сооружений. Карагандинскими археологами раскопано ещё 80. Однако для анализа может быть привлечено только 119 сооружений, наиболее информативных. Для получения корректных выводов требуется большее количество археологических данных. Но даже совокупность из 119 объектов, подвергнутых формально-типологическому анализу, может быть репрезентативной для изучения структуры погребального обряда и последующих выводов.

Для характеристик надмогильных сооружений и собственно могильных камер учитывались следующие признаки: форма сооружения, ориентировка, глубина, высота стен; наличие или отсутствие облицовки; способ устройства (кладка плит плашмя или установка на ребро); тип погребальной камеры (грунтовая яма, каменный ящик с вертикальными стенками, каменный ящик с наклонными стенками, циста); способ захоронения (кремация или ингумация); поза и ориентировка погребённого; количество и местонахождение сосудов и инвентаря и др.

В результате проведённой работы было выделено две группы погребений. Группа I наиболее многочисленна. В неё включено 102 объекта (85,7 %). Наиболее распространённым типом погребальных сооружений являются квадратные ограды с каменными стенами из плашмя уложенных плит или в виде плит поставленных на торец. Максимальные размеры таких оград — 4,7×4,3 м. Внутри оград — ящики с вертикальными каменными плитами, возвышающиеся над поверхностью на 0,2–0,8 м. Погребения совершались по способу трупоположения на уровне древней поверхности или на материке (рис. 12–14).

По своим размерам и объёму трудозатрат к указанным сооружениям близки другие типы: грунтовые могилы в оградах или без них; углублённые могилы в виде каменных ящиков с вертикальными или скошенными наружу стенками с оградами или без оград (рис. 15, 16). Такие погребения известны в могильниках Айдарлы (Маргулан и др., 1966, с. 183–186), Донгал, Енбек-Суйгуш, Шоиндыколь, Карагаш и др.

Наиболее представительна первая группа сооружений в могильнике Донгал, раскопанном авторами в 1983 году. Он находится в 3 км на юго-восток от с. Кент. Расположен на левобережье р. Кызылкеныш, в 1 км на юго-запад от урочища Домалактас,

на плато аллювиального происхождения, ограниченном с запада и юго-запада скалами, с востока и юго-востока руслом сезонного ручья, поросшего лесом и кустарником. Могильник отдален от русла р. Кызылкеныш на 600–400 м, высота площадки памятника над поймой реки около 5–6 м. До начала земляных работ на могильнике было зафиксировано 20 оград и 2 кургана диаметром 5–6 м, с каменными насыпями высотой 0,2 м. Раскопки проводились по методике исследования поселений сплошной площадью, квадратами 4×4 м с выносом грунта. На площади 968 м² исследовано 24 сооружения (рис. 12). Курган и 4 зафиксированных на поверхности ограды не раскопаны.

Сооружение 1 — ограда подпрямоугольной формы из лежащих плит. Как ограда, так и каменный ящик в ней длинными сторонами ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Плиты северо-западной и северной стороны были в древности установлены вертикально, но ко времени расчистки находились в наклонном положении. Стратиграфия этой и большинства других оград проста: дерн — мощностью до 7–10 см, гумусированный суглинок — до 15–20 см, материк — красноватая глина с вкраплениями гранитной дресвы. Размеры ограды 1 — 2,7×2,05 м. В центре её — ящик из 4 плит. Размеры его с учётом наклона плит — 1,1 м. Плиты ящика были вкопаны до материка. Наиболее массивна северо-восточная плита ящика, в ней сделан паз для обвязывания канатом при транспортировке. Глубина могилы — 0,2 м от уровня современной поверхности. Артефактов и костей погребённого не найдено.

Сооружение 2 — ограда плохой сохранности, образована плитами, положенными плашмя или вкопанными на ребро. Сооружение ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ, ящик ориентирован также. Размеры ограды по осевым линиям — 2,1×1,6 м. Плиты каменного ящика наклонены внутрь, размеры его по нижнему краю плит — 1,05×0,8 м. Глубина ящика — 0,25 м. На дне его найдены фрагменты сосуда (рис. 17, 1).

Сооружение 3 — ограда неправильной прямоугольной формы, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. Плиты ограды лежат на глубине 0,1×0,15 м, местами фиксируется 2 слоя кладки. Размеры сооружения — 3×2,3 м. В ограде был устроен ящик, сохранились 3 его плиты. Высота плит ящика над современной поверхностью до 0,1 м. Стенки могилы слегка наклонены внутрь. Разме-

ры ящика по основанию плит — $1,8 \times 1,4$ м, глубина — $0,2$ м. В северо-западном углу ящика на дне найден фрагмент сосуда, ориентированный оттисками уголка палочки (рис. 17, 2).

Сооружение 4 после расчистки представляло собой каменный ящик, северо-западная стенка которого отсутствует. От ограды фрагментарно сохранилась лишь юго-восточная стенка. Каменный ящик ориентирован по линии СВС–ЮЗЮ. Северо-восточная и юго-западная плиты ящика наклонены внутрь. Размеры ящика по ребру основания плит — $2,2 \times 1,5$ м. Глубина от современной поверхности — $0,25$ м. В северной половине могильного ящика на глубине $0,2$ м найдены фрагменты двух сосудов и бронзовые втулка и бляшка (рис. 17, 3–6).

В *сооружении 5* очень сильно деформированная ограда. С юго-запада на северо-восток она имеет длину $1,65$ м. Плиты ограды лежат плашмя на глубине $0,1$ – $0,2$ м. Ящик не сохранился. Внутри развала камней на глубине $0,15$ – $0,2$ м найдены неорнаментированные мелкие фрагменты керамики.

Сооружение 6 — прямоугольный каменный ящик без внешней ограды. Ящик ориентирован в широтном направлении, плиты его наклонены внутрь. Размеры этого ящика по нижнему ребру плит — $1,45 \times 1,2$ м. После расчистки сооружения внутри него выявлен другой прямоугольный каменный ящик, также ориентированный по линии З–В. Внутренние размеры нижнего ящика — $0,8 \times 0,6$ м, глубина от материка — $0,5$ м, от верхнего края плит — $0,6$ м, стенки отвесные, дно ровное. В верхнем ящике на глубине $0,15$ м найден невыразительный фрагмент керамики.

Сооружение 7 (рис. 15) — плохо сохранившаяся ограда, плиты которой, стоявшие в древности выше материка, завалены. Вероятные размеры ограды были первоначально 2×2 м. Возможная ориентировка осевых линий — СЗ–ЮВ. Внутри ограды находился каменный ящик прямоугольной в плане формы, ориентированный длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. Размеры каменного ящика по верхнему краю — $1,25 \times 1,15$ м, глубина его от современной поверхности — $0,95$ м. В разрезе ящик имеет трапециевидную форму, так как плиты установлены наклонно и ко дну ящика его размеры уменьшаются до $0,85 \times 0,9$ м. В западном углу могилы зафиксированы в неповрежденном состоянии кости таза и ног человека очень плохой сохранности. Судя по расположению

костей, скелет лежал на левом боку, головой на северо-восток. У газа устьем на юго-восток лежал на боку плохо сохранившийся сосуд (рис. 17, 7). В верхней части могилы на глубине 0,25 м найдены фрагменты другого сосуда (рис. 17, 8).

Сооружение 8 представляет собой деформированную ограду подпрямоугольной формы и широтной ориентации. Оценочные размеры ограды — 2,5×2 м, можно предполагать вертикальную установку её плит. В центре ограды зафиксирована округлой формы яма. Её размеры — 1,6×1,3 м, глубина — 0,8 м. Дно и стены ямы неровные, бугристые. Находок в яме нет.

Сооружение 9. Ограда неудовлетворительной сохранности. Плиты ящика в ограде смещены и находятся в наклонном положении. Ориентирован каменный ящик по линии ЮЗ–СВ. Его размеры — 1×0,7 м, глубина — 0,2 м. Находок нет.

Сооружение 10 представляет собой квадратной формы ящик без ограды, ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. Плиты могилы наклонены внутрь. Северная половина ящика была перекрыта массивной плитой, лежавшей внутри могильной камеры. Размеры ящика — 1,0×1,85 м, глубина от современной поверхности — 0,25 м. У западной стенки могилы, на глубине 0,15 м обнаружен фрагмент горшка (рис. 17, 9).

Сооружение 11 (рис. 16). Грунтовая яма в западной части была перекрыта гранитной плитой, сползшей вниз. Ориентирована могильная яма по линии З–В. Размеры могилы — 1,3×1,1 м, глубина — 0,7 м. Стенки ямы отвесные, дно ровное. В её заполнении на глубинах 0,4–0,5 м обнаружены рёбра, позвонки, часть берцовой кости человека.

Сооружение 12. Ограда, сложенная в один слой из плит и камней. Имеет подпрямоугольную форму и ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Размеры ограды — 3×2,6 м. Ящик в ограде имеет прямоугольную форму, плиты его выше современной поверхности на 0,1 м. Размеры ящика — 1,5×1 м, глубина — 0,25 м. В северном углу могилы найден фрагмент черепа человека на глубине 0,25 м, а южнее — фрагменты сосуда горшечной формы (рис. 17, 10).

Сооружение 13. Одна из самых больших оград в могильнике, имеет почти квадратную форму, но несколько вытянута по линии ЮЗ–СВ. Размеры её — 4,2–3,9 м. Камни и плиты ограды лежат в

дёрне в 1–2 слоя. Можно предполагать многослойную кладку стен ограды с использованием раствора. Стены могли быть разобраны за время существования сооружения. Этой же причиной можно объяснить отсутствие ящика. В северо-западной части ограды на глубинах 0,12–0,15 м найдены 3 сосуда в развале и фрагменты ещё 2 сосудов (рис. 18, 1–6). В восточном углу ограды обнаружена плохо сохранившаяся берцовая кость человека. Вокруг ограды зафиксированы ямы, в которых, вероятно, приготавлился строительный раствор. Ямы имеют следующие размеры и глубины (от материка): яма 1 — 3,75×1×0,15 м; яма 2 — 3,4×0,9×0,15 м; яма 3 — 3,5×1,1×0,1 м; яма 4 — 2,8×0,8×0,1 м. Ямы в сечении имеют форму полуовала.

Сооружение 14 представляет собой аморфную в плане вымостку из плит и камней, лежащих в слое дёрна. Размеры площадки — 2,3×2,2 м. Находок нет.

Сооружение 15. Ограда подпрямоугольной формы, ориентированная в широтном направлении. По способу сооружения ограда «комбинированная», часть плит вкопана вертикально, другие лежат плашмя. Западные и восточные плиты ограды установлены на ребро, северные и южные уложены. Размеры ограды — 2,2×1,8 м. Ящик в ограде имеет подпрямоугольную форму, ориентирован в широтном направлении. Размеры его — 0,8×0,6 м, глубина — 0,2 м. Плиты ящика наклонены внутрь и почти не выступают над поверхностью. Керамики и костей не найдено.

Сооружение 16. Ограда прямоугольной формы образована плашмя уложенными плитами и ориентирована почти по линии С-Ю. Размеры ограды — 1,8×1,6 м. Плиты ящика внутри ограды выступали на 0,1–0,15 м над поверхностью. Размеры ящика — 0,7×0,6 м, глубина — 0,2 м. Находок нет.

Сооружение 17 (рис. 13). Ограда прямоугольной формы, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Размеры её — 2,6×2,4 м. Плиты ограды уложены аккуратно, края стен ровные. Только несколько камней лежат вне ограды. Внутри ограды — каменный ящик прямоугольной формы, плиты которого слегка наклонены внутрь и выступают над поверхностью на 0,1–0,15 м. Размеры каменной могилы — 1,4×1,1 м, глубина — 0,25 м. В южной части ящика на глубине 0,15–0,2 м найдены фрагменты двух сосудов (рис. 18, 7,8).

Сооружение 18. Ограда прямоугольной формы, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размеры её — 3,75×3,3 м. Сложена ограда из плит, лежащих в 2 слоя, верхний слой сохранился частично. Восточная стенка наполовину состоит из вертикально врытых плит. Пространство между ящиком и стенками ограды не забутовано. Как и в ограде 13, зафиксирована яма 5 для замеса строительного раствора. Размеры ямы — 3×1,6×0,2 м. Она имеет овальную форму, стенки ее наклонены по отношению к сравнительно ровному дну. Ящик в ограде прямоугольный, ориентирован по линии ЗСЗ–ВЮВ и имеет размеры 1,35×0,9 м. В отличие от других оград глубина могильной камеры — 0,35 м. Плиты ящика выше поверхности на 0,1–0,15 м. В северо-восточном углу ящика, на дне могилы найдены лучевая кость и обломок челюсти, принадлежавшие женщине 30–40 лет.

Сооружение 19 — полуразрушенная ограда подквадратной формы, ориентированная по сторонам света. Размеры её — 2×2,05 м. Ящик в ограде деформирован, все его плиты, за исключением одной, повалены. Размеры ящика — 1,15×0,85 м, глубина — 0,2 м. Ящик ориентирован в широтном направлении. Находок нет.

Сооружение 20 — несколько плит и камней, сползших в яму овальной формы, вытянутой по линии З–В. Размеры грунтовой ямы — 1,9×1,3 м, глубина от поверхности — 0,85 м. Над ямой среди камней на глубине 0,1 м обнаружены 3 мелких фрагмента керамики.

Сооружение 21. Ограда почти квадратной формы ориентирована длинными сторонами по линии ЮВ–СЗ. Размеры ограды — 4,1×4 м. Стены ограды сложены из гранитных плит на земляном растворе. Внутри ограды устроен каменный ящик из наклонных плит, выступающих из земли на 0,1–0,25 м. Размеры его — 1,6×1,4 м, глубина — 0,25 м. На дне могилы обнаружено несколько костей человека и фрагменты одного сосуда (рис. 17, 14). Вокруг ограды зафиксированы строительные ямы овальной формы. Они имеют следующие размеры: яма 6 — 3,1×1×0,5 м (глубина от уровня материка); яма 7 — 2,1×1,8×0,2 м; яма 8 — диаметр 2,1 м, глубина 0,2 м; яма 9 — 3,4×1×0,15 м; яма 10 — глубина 0,15 м, очертания уходят за пределы раскопа.

Сооружение 22. Ограда подквадратной формы ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Размеры её 2×2 м. Ограда образована плитами, лежащими на глубине 0,1 м. Внутри сооружения — прямоугольный каменный ящик, ориентированный так же, как и ограда. Размеры ящика — 0,9×0,8 м. В могиле на глубине 0,1–0,15 м были найдены фрагменты 2 сосудов (рис. 17, 12, 15).

Сооружение 23 (рис. 14). Ограда прямоугольной формы ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Размеры ограды — 4,7×4,3 м. Плиты стен ограды уложены в 2–3 слоя, юго-восточная стенка частично разрушена. Ящик внутри ограды имеет прямоугольную форму, ориентирован соответственно ограде. Размеры его — 2×1,6 м, глубина — 0,3 м. Плиты ящика с внешней стороны подперты контрфорсами. В могиле найдены фрагменты 2 сосудов (рис. 17, 11; рис. 19, 7) и разрозненные кости нестарой женщины. С северо-западной стороны ограды зафиксирована грунтовая яма 11. Она, как и другие, служила для приготовления раствора, использованного при кладке стен ограды. Это предположение подтверждается современными этнографическими фактами. При строительстве саманных мазаров казахское население готовит замес для сырцовых кирпичей в округлых ямах рядом с кладбищем, которые обычно располагаются вблизи от источников воды. Отсутствие ям у других стен ограды 23, возможно, объясняется близостью ручья, из которого вполне можно было брать илистый грунт.

Сооружение 24 до расчистки выглядело как каменный курган диаметром 8 м, высотой 0,6 м с каменным ящиком в центре. Плиты ящика возвышались над насыпью на 0,45 м. После разборки верхнего слоя небольших камней обрисовались контуры сооружения овальной формы. При расчистке кургана, в западной части, между плитой ящика и стеной ограды, было расчищено вводное погребение эпохи средневековья, над которым и был возведён курган. Ограда 24 в основе имела подквадратную форму. Плиты, в древности уложенные в несколько слоёв (сохранилось 3–4 слоя), сползли вниз, придав постройке овальную форму. Размеры ограды — 6,1×5,9 м. У северной и южной сторон ограды зафиксированы овальной формы ямы, расположенные параллельно ящику. Яма 12 имела размеры 3,5×1,7×0,4 м, яма 13 — 4,8×2×0,6 м (глубина от материка). В разрезе ямы котловидной

формы. Внутри ограды находился трапециевидной формы ящик с наклонённой внутрь западной стенкой. Восточная плита ящика отсутствовала. Каменный ящик ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размеры его — 1,7×0,8 м. До глубины 0,45 м ящик был заполнен чёрным гумусированным грунтом. На дне могилы были найдены кости нижних конечностей человека. Судя по их положению, погребённый был положен вытянуто на спине, головой на северо-запад. Других находок в ящике не было. При расчистке ограды в восточной её части был обнаружен сосуд на глубине 0,1 м (рис. 19, 2). К северу от него на глубине 0,15 м найден ещё один сосуд (рис. 19, 1). Фрагмент шейки сосуда (рис. 19, 4) был найден в яме 12 на глубине 0,3 м. У южной стенки ящика в ограде найдены фрагменты шейки неорнаментированного сосуда (рис. 19, 5). Часть днища горшка обнаружена у северо-западного угла ящика (рис. 19, 6). Всего в ограде 24, с учётом отдельных фрагментов найдено 4 сосуда.

Кроме описанных сооружений на памятнике раскопаны 2 каменных кольца. Кольцо 1 состоит из 7 камней, лежащих в слое дёрна. Размеры кольца 1,9×1,7 м. Оно несколько вытянуто по линии С–Ю.

Кольцо 2 состоит из 8 камней. Форма овальная, размеры 1,8×1,7 м. Керамики или костей в кольцах не найдено.

Вещевой и керамический инвентарь из могильника Донгал довольно скромнен. Металлические предметы — бляшка и трубка (рис. 17, 3, 4) — возможно, втулка наконечника стрелы. Каменная мотыга найдена у сооружения 8, она аналогична орудиям из поселений и применялась при земляных работах (рис. 19, 3).

Посуда из могил и оград плохой сохранности. Реставрировано 4 горшка. Выделено 25 сосудов (рис. 17–19).

Вторая группа могильных сооружений Сарыарки включает 17 объектов (14,3 %). Это так называемые мавзолеи. Они раскопаны в могильниках Дандыбай, Бегазы, Айбас-Дарасы, Бугулы и др.

Самое большое сооружение этой группы мавзолеей — Бугулы III. Это ограда квадратной формы. Ориентирована по сторонам света. Размеры по внешним обмерам — 15×15 м. Внутри ограды был каменный могильный ящик размером 4,1×4,1 м. Высота стен около 1 м, толщина — 0,8 м. Каменный ящик перекрывался

пирамидальной кровлей из гранитных плит. От каменного ящика к северной стенке, наискось, по линии СВ-ЮЗ, тянулся крытый коридор. Погребение было разграблено. Найдены 2 бронзовые иглы и фрагменты 4-5 сосудов (Маргулан, 1979, с. 102-111).

Представить возможное богатство погребального инвентаря из сооружений II группы позволяют материалы раскопок кургана ограда могильника Айбас-Дарасы в горах Ульгтау. После расчистки завала камней была выявлена ограда размером 12×12 м. Высота стен, сложенных из плит гранита, достигала 1,2 м. Камни стен укладывались на глиняном растворе. Внутри ограды был установлен каменный ящик размером 2,8×2,6 м. Внутреннее пространство между ящиком и стенами ограды было разделено каменными перегородками на отсеки. Пол каменного ящика был прокалён огнём. В ограбленной могиле были найдены кости скелета человека, лошади, рогатого скота, керамическое пряслице, каменные крышки для сосудов и разъёмный золотой браслет, а также керамика. Глиняная посуда была найдена и в отсеках ограды. Всего обнаружено более 40 сосудов (Маргулан, 1979, с. 136-147).

Аналогичная ограда была исследована авторами в могильнике Енбек-Суйгуш у западного подножья гор Кент. До начала раскопок она представляла собой каменный курган диаметром около 15 м, высотой 1,2 м, в центре которого на 0,4 м возвышалась массивная каменная плита. В процессе раскопок оконтурилась ограда из двойных стен, сложенных из плит гранита. Размер внешней ограды по наружному обмеру — 9×8,5 м, внутренней — 5,9×5,6 м, высота сохранившихся стен — 0,5-0,8 м. В кладке стен фиксировалось от 4 до 10 рядов камней. Плиты стен были сложены на растворе суглинка с примесью гранитной дресвы. Пространство между двойными стенами, а также между внутренней стенкой и ящиком было забутовано камнями и плитами и засыпано грунтом. Погребальная камера в ограде — ящик, составленный из вертикальных плит. Размеры ящика — 3×2,75 м. Подобно ограде, он ориентирован длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ. Плиты ящика были вкопаны в канавки шириной 0,2-0,5 м, глубиной 0,2-0,4 м. Северо-западная стенка ящика составлена из 3 плит, от северо-восточной стенки сохранилось только 3 небольших плиты. Юго-западная стенка образована 5 плитами. Наи-

большая высота ящика от уровня дна могилы, которое фиксировалось на материке, — 1,5 м.

Погребальная камера сооружения 1 полностью ограблена, остатков погребённого или инвентаря не найдено. В юго-восточном углу внутренней ограды, под забутовкой, было зафиксировано зольное пятно. Толщина слоя золы до 10 см. В нём находились кальцинированные измельчённые кости. Следов прокала не обнаружено, вероятно, зола с сожжёнными костями была просто ссыпана в этом месте и затем накрыта камнями. У внешних углов ограды найдены расколотые массивные плиты, возможно, остатки облицовки стен или контрфорсов. Вокруг сооружения после зачистки на глубине 0,15 м зафиксированы 4 грунтовые ямы овальной в плане формы. Размеры ям — 7×3×0,75 м; 1,05×3×0,73 м; 9,95×4,1×0,6 м; 9,1×4×0,85 м. Ямы вокруг сооружения образовались при неоднократном замешивании строительного раствора, для которого выбирали грунт прямо в ямах. Этот же грунт был использован при забутовке внутреннего пространства ограды. В одной из ям, на дне, были найдены фрагменты сосуда саргаринско-алексеевского типа.

Впечатляют своими размерами мавзолеи 1 и 2 могильника Бегазы. По описанию А.Х.Маргулана размеры мавзолея 1 — 9,6×9,6 м, ширина стен около 2 м, высота до 2,3 м. Стены мавзолея образованы кладкой двух стен (внешней и внутренней), пространство между которыми заполнено камнями и жидкой глиной. Наружная облицовка из высоких гранитных плит увеличивала высоту стен до 3,5 м. Внутреннее погребальное помещение размером 6×6 м было опущено в грунт на 1,2 м. Стены погребальной камеры были также облицованы плитами, а внутри было вкопано 5 опорных столбов. В помещении был оставлен земляной подиум размером 3,5×1,5×0,4 м, в котором были вкопаны 3 каменных столба. В мавзолее были отмечены следы кремации и ингумации, найдены наконечник копья, череп и челюсть марала, кости архара, фрагменты керамики от 40–50 сосудов.

Для обеих групп погребальных построек характерен обряд трупоположения. Следы кремации совместно с ингумацией зафиксированы в мавзолеях 1 и 2 могильника Бегазы, кремированные кости найдены в ограде 2 могильника Айбас-Дарасы (Маргулан, 1979, с. 78, 86, 136). Возможно, следы обряда кремации со-

хранились в виде углистой прослойки в погребении 1 могильника Шоиндыколь (Варфоломеев, 1989, с. 79). Во всех остальных случаях погребения совершались по способу ингумации.

Ориентировка погребённых установлена в 11 погребениях. В двух могилах умершие были ориентированы головой на юго-запад (Актопрак, огр. 1, 3), три раза на северо-восток (Донгал, сооружение 7; Шоиндыколь, огр. 2; Тегисжол, огр. 2), в двух погребениях — на запад (Шоиндыколь, огр. 3; Сангру I, огр. 2), в двух — на юг (Айдарлы, огр. 4, Темиртауский, огр. 1), на северо-запад — 1 случай (Уйтас-Айдос, сооружение 4), на север — 1 случай (Сангру I, огр. 12).

Как ориентировка, так и поза погребённых в могилах устанавливается редко из-за высокого процента ограблений. В трёх могилах умершие были уложены вытянуто на спине (Уйтас-Айдос, сооружение 4; Айдарлы, огр. 4; Сангру I, огр. 12). В ограде 8 могильника Бугулинское II зафиксирован скелет в позе сидя, спиной к плите погребального ящика. Скорченное трупоположение отмечено 9 раз. На левом боку 2 скелета (Тегисжол, огр. 2; Сангру I, огр. 2). В ограде 3 могильника Сангру I установлена только скорченность без указания ориентировки и положения на боку (Маргулан, 1979, с. 121). Таким образом, преобладают скорченные погребения на правом боку.

И в мавзолеях и в оградах первой группы встречаются жертвенники в виде сосудов, вкопанных между стенками ограды и погребальной камеры (Донгал, сооружение 13; Карагаш, сооружение 3; Айбас-Дарасы, курган-ограда).

Сооружения группы I и II отличаются в основном размерами, наличием входных коридоров (редко), облицовкой стен и количеством погребального инвентаря. Сходство выражается в форме, общих строительных приемах, ориентировке, глубине могил, керамических жертвенниках, наличии ям у стен построек, обычае ингумации, сходных типах инвентаря. Общие характерные признаки дают основание объединять обе группы могильных конструкций в рамках одной культуры.

3.3. Проблема культурной принадлежности и хронология

Наиболее массовой категорией артефактов эпохи бронзы является керамика. Посуда из дандыбаевских памятников разнообразна и по ряду важных признаков (форма, орнамент, способ изготовления и др.) разделена на две группы.

К первой группе отнесена керамика валикового типа (рис. 20–24). Вся остальная посуда образует группу II.

Посуда группы I из памятников Сарыарки разделена на три подгруппы.

Подгруппа IA самая многочисленная (рис. 20–22). Она составляет почти монополю керамики комплексов поселений Саргары, Копа I, Кент, Упаис, Каркаралинское II, господствует в поздних слоях поселений Атасу I, Новоникольское I, Петровка II, Ильинка I, Явленка I, Конезавод III, Мыржык и др. Эта керамика присутствует во всех погребениях этого времени. За такой керамикой закрепилось название саргаринско-алексеевская. Это посуда ручной лепки, плоскодонная, по сравнению с андроновской менее качественная. Тулово и горловина нередко ассиметричны. Поверхность шероховатая, обжиг обычно костровой. Лощение поверхности применялось как исключение. Цвет поверхности коричневатый, серый, черный. Вследствие неравномерного обжига поверхность иногда пятнистая. Изготавливалась саргаринско-алексеевская керамика способом спирально-жгутового налета (Ломан, 1993).

На материалах Казахстанского Приишимья С.Я.Зданович выделила четыре типа форм саргаринской керамики. Все они принадлежат к различным вариантам горшков (Зданович С.Я., 1984, с. 81–86).

Из могильников и поселений Сарыарки для анализа было привлечено более 3000 сосудов. Наибольшие возможности для классификации керамики представляет коллекция, происходящая из поселения Кент. Из более чем 20000 обломков керамики по фрагментам шеек и венчиков выделено 1743 сосуда (Варфоломеев, 1991, с. 8–9). В группу I включено 1643 сосуда, а в подгруппу IA — 1583. В этой подгруппе вычленяется 9 типов:

1) высокие горшки с широким горлом, плавным раздутым туловом и широкой выгнутой шейкой (рис. 21);

2) широкогорлые горшки стройных пропорций с узкой шейкой (рис. 20, 1, 2, 4);

3) горшки приземистых пропорций с широкой шейкой (рис. 20, 5–9);

4) горшки вытянутых пропорций с едва намеченной шейкой (рис. 20, 3);

5) узкогорлые горшки с раздутым бомбовидным туловом и широким днищем (рис. 20, 16–18);

6) небольшие горшки, по форме близкие первому типу, но с выраженным уступчиком в переходе от шейки к тулову (рис. 20, 11, 12);

7) миски (рис. 20, 15);

8) сосуды баночных форм (рис. 20, 19, 20);

9) сосуды с непрофилированной придонной частью и с шейкой, почти равной по высоте половине сосуда (рис. 20, 14).

В подгруппе IA орнаментировано 687 сосудов (43,4 %). Среди элементов орнамента преобладает валик (43,8 %), обычно наlepной, реже формованный. 9,2 % сосудов имеют воротничок под венчиком. Популярные элементы орнамента — наклонные отрезки и вдавления (9,2 %), вертикальный зигзаг (4,5 %), защипы пальцами (2,9 %). Наносились также сетка, оттиски ногтя, наlepные шишечки, равнобедренные треугольники. Узоры наносились чаще всего техникой плоского штампа (42,6 %), применялись оттиски крупногребенчатого штампа, нарезка, наlepы, формовка.

Саргаринско-алексеевская керамика из Центрального Казахстана имеет высокий коэффициент сходства с северо-казахстанской из Костанайского Притоболья (Евдокимов, Ломан, 1982, с. 39), Петропавловского Приишимья, Восточного Казахстана и степного Алтая, что свидетельствует об огромной территории, занятой населением одной археологической культуры.

Эта культура в своём развитии проходит 3 этапа. Первый, ранний этап выделен по керамике из поселений Кент и Мыржык — *подгруппа IB* (рис. 23). По основным элементам орнаментации такая посуда занимает промежуточное положение между саргаринско-алексеевской и фёдоровско-бишкульской. На поселении Кент она приурочена к нижнему горизонту зольника (Варфоломеев, 1987). Подобная керамика известна в поселениях Бугулы II (Маргулан, 1979, рис. 193), Новоникольское I и Явленка в При-

нишимье (Зданович С.Я., 1983, рис. 1, 13–18), Камышное II в Курганском Притоболье (Потёмкина, 1985, рис. 28, 1, 2), степном Алтае (Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, рис. 2).

Керамику подгруппы IV составляет посуда донгальского типа. Типологически очень поздняя (рис. 24) (Ломан, 1987). Сооружения с донгальской керамикой прорезают саргаринско-алексеевские слои на поселениях Кент и Трушниково (Черников, 1960, с. 53; Варфоломеев, 1987, с. 57), следовательно более поздние. Донгальскому этапу соответствуют загаринские и поздние алексеевские комплексы Притоболья (Евдокимов, 1987, с. 78; Потёмкина, 1985, с. 292).

Во многих памятниках саргаринско-алексеевской посуде сопутствует керамика *группы II* или бегазинская (рис. 25; 26). На поселении Кент она составляет 5,8 % (100 сосудов), на Мыржыке 1,7 % (13 сосудов), есть на поселениях Упаис, Атасу I, Ак-Мустафа, Саргары, Павловка, а также на поселении Кайгородка III в Кулундинской степи (Зданович Г.Б., 1988, табл. 7; Малюткина, 1985, с. 513, 514; Удодов, 1988, с. 107–110).

Синхронность обеих групп керамики (точнее подгруппы IA и группы II) демонстрируют стратиграфические условия залегания на поселениях и совместные находки в погребениях могильников Бегазы, Бугулы III, Сангру I (Маргулан, 1979), а также Донгал, Шоиндыколь, Енбек-Суйгуш и др.

Ввиду большой разницы между отдельными типами, керамика группы II не может быть охарактеризована одним абзацем как саргаринско-алексеевская. В группе II можно выделить несколько подгрупп. Главным признаком для выделения подгрупп служат прямые аналогии в керамике, типичной для других культур.

Подгруппа IIA. Керамика, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения, найдена на поселениях Кент, Домалактас, Байшура, Мыржык (рис. 26, 9; 35, 35). Имеет аналогии в памятниках времени поздней Намазга VI в Таджикистане и памятниках молалинского этапа эпохи бронзы Узбекистана (Виноградова, Кузьмина, 1986, рис. 8, 2, 7, 9, 12).

Подгруппа IIB. Лепная посуда с лощением, близкая еловской (рис. 25, 1, 2, 6), находит соответствия в керамике могильника Еловское II Западной Сибири (Матющенко, 1974, рис. 65, 19).

Подгруппа IIВ. Ирменская керамика известна на поселении Донгал и в могильнике Уйтас-Айдос (рис. 36, 9, 10). Аналогичная посуда ирменской культуры Западной Сибири (Косарев, 1981, рис. 69, 8; Молодин, 1985, рис. 60, 12, 13; 61, 7, 16).

Подгруппа IIГ объединяет посуду, близкую керамике могильника Тагискен и тагискенской из поселений амирабадской культуры Приаралья. Это обычно тонкостенные небольшие горшки с заглаженной или лощеной поверхностью. Найдены на поселении Кент и в могильниках Донгал, Енбек-Суйгуш, Бегазы, Айбас-Дарасы и др. (рис. 26, 4, 7). Основной район распространения — Приаралье (Толстов, 1963, рис. 38; Итина, 1977, рис. 82; Дуке, 1969, с. 67, 68).

Подгруппа IIД. Посуда карасукского облика. Происходит из поселения Кент, могильников Бегазы, Донгал, Енбек-Суйгуш, Айбас-Дарасы, Дандыбай (рис. 18, 3; 25, 5, 7; 26, 5). Она имеет такие карасукские признаки, как неорнаментированная полоса по шейке, округлая форма тулова, лощение, оттиски фигурного штампа, иногда с инкрустацией белой пастой. Совпадения керамики группы IIД и карасукской проявляются и в приемах лепки. Два сосуда из могильника Донгал (рис. 18, 3; 19, 2) изготовлены путем последовательного наложения двух слоев глины. Черепки этих сосудов расслаиваются. Такой же прием известен и в карасуке (Зяблин, 1977, с. 26).

Из могильников Мирзашоки и Актопрак происходят два сосуда с орнаментом, нанесенным краской (Маргулан и др. 1966, табл. LIX; Ткачев, 1989, рис. 4, 18). Сосуд из Актопрака (рис. 35, 38) по форме близок чувстским из Ферганы (Заднепровский, табл. XII, 5; табл. XV, 38). Традиция крашеного орнамента также заставляет искать аналогии в среднеазиатских памятниках.

Значительная часть посуды подгруппы II не имеет прямых аналогий. Такая керамика представляет затухающую линию гончарного искусства. Видимо, в Сарыарку проникали небольшие группы населения, которые ассимилировались через 2–3 поколения местной бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) средой. Постепенно, теряя навыки привычной керамической технологии, иммигранты изготовляли сосуды, лишь отдаленно напоминавшие исходные типы.

Сосудов группы II очень немного. По публикациям и доступным коллекциям выделено примерно 200 сосудов этой группы на 3245 сосудов группы I. Следует учитывать, что вне статистических подсчетов остались многочисленные коллекции поселений Атасу I, Ак-Мустафа, Каркаралинское I, II, III, Шортанды-Булак, Суук-Булак и многих других, на которых керамика представлена, в основном, посудой саргаринско-алексеевского типа. II группа посуды имеет суперстратное происхождение и свидетельствует о древних контактах населения Сарыарки.

В процессе изучения отдельных регионов распространения валиковой керамики были предложены различные названия культуры — замараевская, саргаринская, алексеевская, бегазы-дандыбасовская, замараево-бегазинская (Оразбаев, 1958, с. 277, 278; Зданович С.Я., 1974, с. 320, 321; Потёмкина, 1979, с. 19–30; Евдокимов, 1984, с. 20; Аванесова, 1979, с. 21–24). В последнее десятилетие закрепилось название саргаринско-алексеевская культура (см. Ситников, 2002). Представляется более справедливым и соответствующим принципу научного приоритета употреблять термин «бегазы-дандыбаевская», или «дандыбаевская» культура, ведь могильник Дандыбай был первым исследованным памятником культуры (Рыков, 1935). Курган 11 этого могильника дал типичные образцы посуды. Под терминами «бегазы-дандыбаевская», «саргаринско-алексеевская», «дандыбай-саргаринская», «замараевская» культура следует понимать огромный, единый пласт памятников с керамикой валикового облика.

По памятникам, наиболее объёмно и чётко представляющим хронологические стадии развития бегазы-дандыбаевской культуры в Сарыарке, предложено развитый, средний этап называть кентским, а поздний — донгальским (Варфоломеев, 1987, с. 66). Эпонимного памятника для раннего этапа пока не выявлено.

На современном уровне исследований достаточно полно представлены материалы кентского этапа дандыбаевской культуры, в том числе вещевой инвентарь.

Разнообразны изделия из бронзы. Это серпы и кинжалы сосново-мазинского типа, наконечники стрел втульчатые и черешковые, ножи-кинжалы с упором, ножи с кольчатыми рукоятками, двуушковые кельты сибирского типа, втульчатые и цельнолитые долота, втульчатые наконечники копий с прорезными лопастями,

молоточек, бляшки, обоймы, иглы, шилья, инструменты для резьбы по кости и др. (рис. 27; 28; 35, 6, 7, 12–19, 22, 23, 25, 27, 29–31, 41).

Из кости и рога изготовлялись резные поделки и украшения «коньки», тупики, шпатели, псалии пяти типов, черешковые и втульчатые наконечники стрел, орудия для обработки шкур и кож (рис. 29; 30; 31; 35, 8–10).

Многочисленны изделия из камня — зернотёрки, песты, молоты, ложила, пращевые ядра, ступки, сосуды (рис. 32; 33; 34; 35, 32, 33; 36, 5, 6).

По многочисленным аналогиям разных типов металлических и костяных изделий из памятников Восточной Европы, Средней Азии и Сибири для поселений и могильников кентского этапа устанавливается дата XII–X вв. до н.э. Поселение Донгал и близкие ему по керамике памятники могут быть датированы IX в. до н.э. Для раннего этапа можно предположить дату — XIII в. до н.э. Схема периодизации и хронологии дандыбаевских памятников выглядит в следующем виде:

- ранний этап (XIII в. до н.э.) — период становления культуры. Представлен ранними керамическими комплексами поселений Кент, Мыржык, Бугулы II, Шортанды-Булак, Новоникольское I, Камышное II, Калиновка II (рис. 23);
- кентский этап (XII–X вв. до н.э.) — это стадия расцвета культуры. В этот период существуют поселения Кент, Мыржык, Бугулы II, Атасу I, Саргары, Конезавод III, Новоникольское I, Бурлы 3 и Кайгородок 3; могильники Саргары, Жукей I, II, Дандыбай, Бугулы II, III; Сангру I, II, Айбас-Дарасы, Айдарлы, Донгал, Енбек-Суйгуш и др. (рис. 35);
- донгальский этап (IX в. до н.э.) — финальный период эпохи бронзы. Поселения Донгал, Кент (поздний слой), Тагибай-Булак. В Костанайском Притоболье донгальскому этапу соответствует загаринский. В Петропавловском Приишимье — поселение Петровка IV (рис. 36).

3.4. Хозяйственно-культурный тип и аспекты социального развития

Хозяйство населения дандыбаевской культуры характеризовалось М.П.Грязновым и А.Х.Маргуланом как преимущественно скотоводческое, яйлажной направленности (Грязнов, 1955, с. 23; Маргулан, 1979, с. 261, 262). При этой форме скотоводства пастбища распределяются на зимние и летние, либо зимой скот находится на стойловом содержании в посёлке, а летом отгоняется на летовки. При этом часть населения уходит со стадами.

С однослойных дандыбаевских поселений Саргары, Кент, Бугулы II, Каркаралинское II, Шортанды-Булак, Копа I, многослойного поселения Акимбек и поселения периода финальной бронзы Донгал происходит 17239 определимых костей домашних и диких животных. Кости диких животных составляют только 1,2 %. Объектами охоты были сайга, кулан, архар, марал, кабан, лось, медведь, сурик, волк, заяц, лисица и крупные птицы. Домашние животные — мелкий рогатый скот (преобладает овца), крупный рогатый скот, лошадь, а также собака. Кости верблюда на однослойных памятниках не выявлены. На поселении Атасу I найдена 1 кость верблюда, на Мыржыке — 14 (Ахинжанов, Маркарова, Нурумов, 1992, с. 118, 137). Но это многослойные поселения с материалами андроновской и дандыбаевской эпох, следовательно, остеологический материал не имеет конкретной привязки. Только в сооружениях 2 и 5 могильника Бегазы найдены кости верблюда (Маргулан, 1979, с. 259).

На всех поселениях абсолютно преобладают животные, приспособленные к кочеванию и тебенёвке, — овца и лошадь (в совокупности от 60,5 % до 80,7 %). Высокая доля овцы и лошади приближает состав дандыбаевского стада к видовой структуре стада кочевников евразийских степей. Но традиционная система кочевания с южными зимними кочевьями и летними северными ещё не сложилась. Судя по жилищам с очагами, следует констатировать, что население в них обитало зимой. Следовательно, зимние пастбища находились рядом с ними. Но пастбища не могли эксплуатироваться круглогодично, так как это ведёт к деградации растительного покрова и эрозии почвы. Откочёвывать на лето на юг, в зону полупустынь и пустынь, не имеет смысла, поскольку

ку летом степи Центрального и Северного Казахстана богаты р. допоями и пастбищами, а пустынные пастбища выгорают. Остатки летних стойбищ обнаружены в 10–15 км от поселения Кен в виде местонахождений дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) керамики на р. Талды.

Именно яйлажное скотоводство стало этапом накопления кочевого опыта и было основой экономики дандыбаевцев Сарыарки. На других территориях могло сохраняться традиционное скотоводство андроновского типа.

Весьма вероятно, что определённое значение продолжало иметь земледелие. В пользу этого свидетельствуют находки серпов, мотыг, зернотёрок и приуроченность поселений к низким поймам.

В самостоятельные ремесленные отрасли обособились горное дело и металлургия, базировавшиеся на местных медно- и оловорудных месторождениях (Жауымбаев, 2001).

Из домашних промыслов были развиты гончарство, обработка шкур и кож, прядение и ткачество, плотницкое и столярное дело и т.д. Высокого уровня профессионализма достигло искусство резьбы по кости и рогу, выделившееся, вероятно, в специализированное занятие.

Высокоэффективная экономика обеспечивала производство значительного объёма прибавочного продукта. Это в свою очередь способствовало социально-имущественной дифференциации населения. Для социальной элиты общества главными функциями были урегулирование норм жизни, распределение пастбищ, ведение дел при контактах с потребителями металла и скота, приезжавшими из Сибири и Средней Азии. После смерти лиц элитарного ранга их общественное положение увековечивалось в мавзолеях с богатыми приношениями в виде сосудов и металлических вещей. Источником богатства отдельных семей были скот и контроль над распределением и сбытом металла.

Основную часть населения составляли рядовые общинники-скотоводы. Их социальный статус документируют небольшие погребальные постройки 1–4 типов.

На кентском этапе в Центральном Казахстане растут поселения, претендующие на статус города. Крупными размерами отли-

чаются Кент (30 га), Бугулы I (11 га), Мыржык (3 га). Кент имел сельскую округу с деревнями площадью до 5 тыс. м² — Байшура, Акимбек, Домалактас, Найза, Нарбас, Кызылтас, Кызылтас I, расположенными в радиусе 5 км. На этих поселениях содержался скот для всех обитателей Кентских гор. На поселении Кент обнаружены следы бронзолитейного производства. На его территории раскопаны каменные постройки, для которых есть все основания считать площадками для отправления общеплеменных культов и совершения обрядов. Только на крупных поселениях типа Кента, Мыржыка, Шортанды-Булака зафиксированы следы межкультурных контактов в виде импортной керамики. Такие протогорода были опорными центрами на древних торговых путях, пролегающих из Средней Азии через Сарыарку в Западную Сибирь. Существовали отдельные крупные племенные объединения во главе с вождями, группировавшиеся вокруг поселений протогородского типа. Численность таких объединений достигала нескольких тысяч человек.

Глава IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА

«Историю можно рассматривать с двух сторон, — отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, — ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (К.Маркс, Ф.Энгельс, т. 3, с. 19). И хотя это положение во многом определяло содержание археологических исследований, проявилась обусловленность источниковедческого подхода, диктовавшаяся социальным заказом советского общества, основная цель которого — сохранение (раскопки) разрушающихся или попадающих в зону разрушения памятников, которая также являлась одним из сдерживающих факторов в области теоретических исследований. Источниковедческий характер работ, вне учета специфики археологической науки, выразился в линейной стереотипности и последовательности изложения в монографических исследованиях, т.е. дается характеристика природных условий, источниковый раздел, характеристика отдельных аспектов социальных условий.

Для реконструкции среды протекания, от которой зависит действие законов природы и общества, необходим комплексный подход в исследовании данных о конкретных условиях, т.е. компонентах природы и общества, составляющих конкретную историческую среду протекания в рамках конкретного исторического времени и пространства. Для комплексного применения данных археологии, этнологии, палеодемографии, географии и пр. предложен термин- понятие «историческая среда».

Историческая среда — действительность в движении и развитии совокупности компонентов природы и общества, опосредо-

ванных деятельностью человека в рамках исторического пространства и времени (Евдокимов, 2000, с. 4–8).

В главе дается краткая характеристика основных компонентов природы и общества: физико-географическая среда, экономика-географическая среда, народонаселение, постаршая организация.

4.1. Географическая среда

Под географической средой понимается «совокупность предметов и явлений природы (земная кора, нижняя часть атмосферы, водно-почвенный покров, растительный и животный мир), вовлеченных на данном историческом этапе в процесс общественного производства и составляющих необходимые условия существования и развития человеческого общества (Философский словарь, 1987, с. 108). Географическая среда как «совокупность материальных условий жизни общества ... состоит из двух родственных и взаимосвязанных, но и качественно различных групп явлений, экономико-географической и физико-географической (Лямин, 1978, с. 241).

4.1.1. Физико-географическая среда

Физико-географическая среда включает в себя такие явления природы, как климат, поверхностные воды, рельеф, полезные ископаемые, почвы, животный и растительный мир. Степи Центрального и Северного Казахстана входят в степную ландшафтную зону умеренного пояса Евразии. Характеризуются сухим континентальным климатом, безлесьем водоразделов, преобладанием травянистой растительности на чернозёмных и каштановых почвах.

По геоморфологическому районированию степной регион входит в 3 страны: мелкосопочные возвышенности и горы Сарыарки, низменные равнины Северного Казахстана, Урало-Тургайское низкогорье и равнины в 4 провинции 7 областей, в том числе Каркаралинское холмистое низкогорье, Кокшетауское мелкосопочное низкогорье, Приишимская озёрная равнина и др. со свои-

ми локальными особенностями и спецификой. В среднем в год выпадает 250–350 мм осадков. Средний максимум температур воздуха в июле (Костанай, Караганда) — +26 градусов, абсолютный максимум — до +44 градусов, средний минимум в январе — -18 градусов, абсолютный минимум — -45 градусов. Засуха составляет всего лишь 5–10 дней и бывает не ежегодно. Подавляющая часть рек летом либо совершенно пересыхает, либо распадается на цепь засоляющихся плесов. Снег сохраняется 125–175 дней, число дней с метелями убывает с севера на юг от 40–50 дней до 30 дней.

Южная часть региона степей Центрального Казахстана входит в Казахстанскую сухостепную провинцию тёмно-каштановых и каштановых почв с повышенной солонцеватостью, северная — в Казахстанскую провинцию обыкновенных среднесильных и средне- и маломощных чернозёмов степной зоны обыкновенных и южных чернозёмов. В составе растительности степной зоны преобладают виды ксерофитных, т.е. приспособленных к жизни в условиях недостатка влаги, узколистных злаков, таких как красноватый ковыль и волосатик, типчак, овсец пустынный и тимофеевка, а также разнотравье, представленное степным шалфесом, люцерной жёлтой, клевером люциновым, подмаренником, горчичником, вероникой, сон-травой, полынью, юринеей, зобником клубенистым. В более влажных местах распространена красноковыльно-лугово-разнотравная степь. Много полезных дикорастущих растений, в том числе лекарственные виды: пастушья сумка, донник лекарственный, белена, горчица, сон-трава, солодка уральская и голая, валериана и зверобой.

По зоогеографическому районированию степи Центрального и Северного Казахстана входят в Центрально-Азиатскую подобласть, Казахстанско-Монгольскую провинцию, Казахстанский округ. Выделяются также центральный и восточный районы (Атлас КазССР, с. 72). Характерными представителями млекопитающих являются малая пищуха, заяц-русак и беляк, большой и краснощёкий суслик, байбак, хомяк, степная пеструшка, обыкновенная и узкочерепная полёвка, корсак, степной хорёк. Из копытных и млекопитающих промысловых обитают кабан, косуля, лось, сайгак (в сухостепной зоне), архар (восточный участок). Распространены повсеместно также барсук, волк, корсак, ласка.

Из промысловых птиц водятся лысуха, дрофа, серый журавль, поганка, шилохвость, серая утка, чирок, широконоска, лебеди-кликун и шипун, тетерев, перепел, серая куропатка.

Природные условия эпохи бронзы степей региона, относящиеся к одному климатическому поясу, должны были иметь изменения, согласно выводам исследователей, во-первых, синхронно с изменениями других климатических поясов северного полушария, а, во-вторых, эти изменения в пределах одного климатического пояса были сходными (Брукс, 1952, с. 283). Это позволяет рассмотреть палеогеографические характеристики всего региона, основываясь на данных по Северному Казахстану и прилегающих к нему территорий Тоболо-Ишимской лесостепи (Шнитников, 1957; Максимов, 1972; Хабдулина, 1994; и др.).

Так, период поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) падает на суббореал, характеризующийся сухим, жарким ксеротермическим и более континентальным климатом с температурой на 2–4 градуса выше современной в отличие от умеренно влажного и умеренно тёплого климата предшествующих веков средней бронзы и умеренно засушливого, умеренно тёплого последующих веков РЖВ.

Дискуссионным остаётся вопрос о смещении растительных зон в связи с изменением климата. Растительный покров, в основном, соответствовал современному, как соответствовала и ассоциация животных в целом.

Палеогеографические и археологические данные позволяют, пусть и с относительной долей вероятности, считать современные природные условия близкими по своим качественным характеристикам эпохе поздней бронзы второй половины II тыс. до н.э. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет использовать такой показатель, как выход биомассы для палеодемографических реконструкций.

4.1.2. Экономико-географическая среда

Экономико-географическая среда является родственной и взаимосвязанной с физико-географической средой, составляющей

вместе «совокупность материальных условий жизни общества...» (Лямин, 1978, с. 241).

Эта среда есть искусственно созданные человеком на основе материального производства природные условия существования. Важнейшими компонентами её являются культурные почвы, поля, сады, огороды и выведенные человеком животные и растения.

Скотоводство. Ландшафтно-климатические условия региона были благоприятны для ведения скотоводческого и в некоторых локальных районах комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Несомненным доказательством занятия древнего населения скотоводством являются многочисленные остатки костей домашних, а точнее сельскохозяйственных животных в котлованах жилищ, зольниках, культурном слое поселений в виде «кухонных отбросов», в некоторых случаях в виде заготовок, а также остатков жертвоприношений в виде костей животных в погребальных комплексах и костяных орудий труда.

Данные количества особей сельскохозяйственных животных:

- средняя бронза: КРС (крупный рогатый скот) — 36,7 %; МРС (мелкий рогатый скот) — 46,2 %; лошадь — 16,1 %;
- поздняя бронза: КРС — 31,7 %; МРС — 40 %; лошадь — 26,1 %

показывают, что существенных изменений в соотношении видов животных по периодам не фиксируется. Более значимые различия отмечаются по соотношению КРС и МРС в стадах Северного и Центрального Казахстана, что объясняется, на наш взгляд, спецификой травостоя — разнотравно-типчаково-ковыльная степь Северного Казахстана более благоприятна для КРС, а типчаково-ковыльная Центрального Казахстана в большей мере — для МРС. Даже локальные различия отдельного микрорайона по травостою могут повлиять на соотношение видов животных.

При анализе соотношения видов сельскохозяйственных животных необходимо иметь в виду основные особенности пастбищ Казахстана, где выделяются несколько пастбищных экосистем: ковыльная каштаново-земельная, серо-полынная буро-земельная и др. Конкретные экосистемы возглавляют те или иные сообщества растений. Так, в сообществе растений ковыльно-каштаново-земельной экосистемы ковыль Лессинга, или ковылка (бетеге

боз), дает около 80 % растительной массы. Ковылковые пастбища, включая все травы (татарская ферула, степной шалфей, балашская карагана, типчак, полынь серая и др.), из-за нехватки почвенной влаги покрывают поверхность почвы лишь на 40–65 %. Ксерофитные травы сообщества, прячущие от палящего солнца и зимних морозов значительную часть своего тела (биомассы) в землю, имеют общую биологическую продуктивность около 40 ц/га, а продукция кормов «колеблется от 4 (2,5–5) летом, 2 (1,0–3,0) осенью (Быков, 1985, с. 9–13). Подсчеты Б.А.Быкова показывают, что ранней весной и летом в течение 3 месяцев можно прокормить 100 овец на одном квадратном километре. С потребленным животными кормом переходит лишь около 10 % энергии, полученной растениями, а к поедающим их хищникам (волкам, орлам и др.) всего около 1 %. Таким образом, биомасса растений самая дешевая. Мясо животных, например сайги, — значительно дороже, а хищников — еще «дороже» и труднодоступнее и поэтому, вероятно, их стали считать «несъедобными».

Характеристика андроновского скотоводства была дана в 60-е годы В.И.Цалкиным (1962, 1972), а по Северному и Центральному Казахстану — Т.Н.Нурумовым и Л.А.Макаровой (1988).

Быки в холке имели высоту 126 см, средний вес 350 кг. Длинноногие овцы, занимавшие второе место по количеству особей в стаде, были крупной породы, при среднем росте в холке 70 см и весе 50 кг. Лошади, занимавшие третье место в стаде, были как малорослые (высота в холке 128–135 см), так и средние и высокорослые (высота в холке 136–152 см), тонконогие и полутонконогие, имевшие в среднем вес 350 кг. Следует учесть, что реально в стаде овец было меньше, чем коров, это объясняется большей плодовитостью первых.

Отмечены при раскопках некоторых поселений кости двухгорбых верблюдов-бактрианов и собак.

Период поздней бронзы характеризуется одним существенным фактором — возрастанием роли лошади при уменьшении роли КРС, оно практически прямо пропорционально по показателям, при постоянной в целом роли овцеводства. Данный факт свидетельствует, во-первых, о коневодческой направленности скотоводства, а во-вторых, о переходе от пастушеско-придомной

формы скотоводства к более подвижной яйлажно-полукошево-форме (с учётом более подвижного образа жизни фёдоровских племён по сравнению с алакульскими, которая по традиционной периодизационной схеме начинается в середине II тыс. до н.э.).

Для пастбищных экосистем степей Казахстана и лесостепей Приишимья наиболее оптимальным оказался набор из КРС, МРС и лошади, что позволило, во-первых, рационально использовать пастбища с учётом их весеннего, летнего и осеннего максимума кормов при чередовании сезонов его использования, а, во-вторых, исключить однородное использование пастбищ. Следует отметить, что при перегрузке пастбищ, когда его продуктивность снижается до 50 %, необходимо не менее 6–10 лет для его восстановления, а при снижении продуктивности до 75 % потребуется до 20 лет для его восстановления, т.е. необходимо полное прекращение выпаса скота на эти сроки (Быков, 1985, с. 68–70). Видимо поэтому доля МРС, который наиболее интенсивно в силу своих особенностей (низкое скусывание растений) может приводить к нарушению нормы стравливания, остаётся почти неизменной, а если и отмечается её повышение, то в целом незначительное. В мясном рационе андроновцев баранина (МРС) составляла лишь 10 %, конина 20–30 % и говядина 60–70 % (Цалкин, 1972, с. 199). Овцеводство эпохи бронзы в степях Казахстана «вопреки распространённому мнению» играло «не столь значительную роль» (Кузьмина, 1994, с. 202).

Земледелие являлось вторым важнейшим компонентом экономико-географического базиса племён эпохи бронзы региона. Е.Е.Кузьмина, детально проанализировав типы так называемых земледельческих орудий (слабоизогнутые ножи-серпы; серпы-косари, серпы с крючком, серпы и косы с двумя закраинами, тесла, костяные и роговые орудия, каменные мотыги) по всему андроновскому ареалу, включая Казахстан, отмечает: «Таким образом, вопрос об использовании андроновцами орудий и способов обработки земли, а значит и о характере и масштабах земледелия, остаётся не вполне ясным, хотя существование плужного земледелия кажется весьма вероятным...». Следовательно, если андроновское земледелие было мотыжным, оно было малопродуктивным «и не могло играть существенной роли в хозяйстве». Отмечается региональная специфика хозяйства, в частности, если рас-

положение поселений Северного Казахстана фиксируется «по берегам рек рядом с поймой на плодородных землях, пригодных для огородничества, а также и для пашенного земледелия», то в Центральном Казахстане «многие памятники находятся на участках открытой степи со щебенистыми и солончаковыми почвами и даже в полупустыне, где хлеборобство невозможно или нерентабельно» (Кузьмина, 1994, с. 199).

Земледелие было возможным в Северном Казахстане. Прямым доказательством этому являются находки стеблей пшеницы на Алексеевском жертвенном холме в Костанайском Притоболье (Кривцова-Гракова, 1948, с. 73) и находки многочисленных орудий, прямо или косвенно имеющих отношение к земледелию (зернотерки, песты, куранты, ножи-серпы, серпы-косари, каменные мотыги... (см. гл. II)). Культивировалась, вероятно, голозерная гексоплодная пшеница, которая формировалась на территории Средней Азии в эпоху бронзы. Наиболее распространенные серпы-косари, или так называемые секачи, могли использоваться для уборки проса, которое по этнографическим данным широко культивировалось в среде кочевников, но данное предположение, к тому же, само носит предполагаемый характер. Главным орудием пашенного (плужного) земледелия могли быть деревянные рала, которые, к сожалению, не сохранились.

Археологические свидетельства наличия орудий труда вторичной обработки почвы, уборки урожая, переработки зерна позволяют с учетом наличия тягловых животных и знакомства с транспортными средствами предполагать плужное земледелие в районах Северного Казахстана и говорить о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве с доминантой скотоводства. В степях Центрального Казахстана хозяйство имело ярко выраженный скотоводческий характер с тенденцией к доминантности коневодства у носителей бегазы-дандыбаевской культуры.

Скотоводство и земледелие, являясь основными компонентами экономико-географического базиса, представляют один из адаптивно-экологических вариантов андроновской, валиковой и нурско-донгальской культурно-исторических общностей эпохи бронзы региона.

Технический базис. Основные субстратные компоненты общества — люди, материальные условия их существования и, пре-

жде всего, средства производства. В состав средств производства входит совокупность техники, составляющей технический базис. Техника создается и приводится в действие людьми, составляет вместе с людьми материальный базис общественно-экономической формации и, прежде всего, средства производства. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда (Маркс, т. 23, с. 191). О неразрывной связи труда с производством на всех этапах развития общества писал Ф.Энгельс: «плодосеменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина, механический станок неразрывно связаны с капиталистическим производством, как и орудие дикаря и варвара с его производством. Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество» (Маркс, Энгельс, т. 36, с. 146).

С учётом фундаментального положения, что «функциональное содержание труда раскрывается в его предметной структуре», а в предметную структуру труда входят «деятельность по переработке предметов природы в предметы человека» и «деятельность по созданию средств труда» (Смирнов, 1984, с. 53), становится очевидной роль и значение технического базиса в жизни общества, деятельность которого раскрывается в общих чертах через характеристики функционального содержания труда.

Основной компонент технологического базиса эпохи бронзы составляют орудия труда, изготовленные из бронзы, меди, кости, камня, дерева, шерсти, кожи, растительных волокон. Наличие или отсутствие сырьевой базы для производства орудий труда определяло характер техники в широком смысле слова, экономическое развитие древних коллективов, их материальные и бытовые условия, функционирование систем жизнеобеспечения и, в целом, образ жизни.

Богатство Центрального, а как выяснилось в последние годы, и Северного Казахстана минеральным сырьём для производства меди и бронзы засвидетельствованы многочисленными исследованиями, в том числе и археологическими (Маргулан, 1972; Черных, 1970; Кузнецова, 123; Жауымбаев, 1987; Дегтярёва, 1985).

Древние рудники выявлены в зонах трёх рудных поясов, выделенных геологами: Жезказганском (западная часть Центрально-

го Казахстана), Успенско-Спасском (северо-восточная часть Центрального Казахстана) и Северо-Прибалхашском (вдоль озера Балхаш). Так, Успенско-Спасский рудный пояс имеет протяжённость свыше 400 км и ширину 150–200 км. Э.Ф.Кузнецова выделяет главные центры древней горной промышленности Центрального Казахстана: Жезказган на западе, Бозшаколь на севере, Кенказган на юге, Коунрад с Саяком на юго-востоке и Успенское и Алтынтобе в центре и громадное количество более мелких древних разработок меди и олова. Условия залегания и форма рудного тела обуславливали тип выработки. Так, карьеры (маленькие 4×3 м, средние 30×20 м, большие 300–700×100–150 м, глубиной 1–17 м) составляли 90 % от общего количества, затем шли штольни, и, хотя и повсеместно, но изредка встречаются шахты (Жауымбаев, 1984).

Об объёме горных выработок можно судить по такому факту — только древний рудник эпохи бронзы Кенказган «выдал» около 800 тыс. т меди. Не менее 1 млн. т богатых медных руд было добыто на рудниках Жезказгана.

Наиболее характерными орудиями труда горнодобывающей меднорудной отрасли были грубо обработанные массивные каменные кайла, мотыги, тяжёлые и облегчённые молоты, клинья, плоские ступы, рудодробилки, найденные на местах древних разработок.

В ареале андроновской общности наиболее многочисленные следы бронзолитейного производства отмечены в Центральном Казахстане.

Специализированное поселение металлургов-бронзолитейщиков Семиозёрное II петровской культуры в Костанайском Притоболье даёт представление о более ранних по времени печах — простых огневых ямах и ямах с воздуходувными мехами (см. выше — петровская культура), которые явились прообразом так называемых восьмёркообразных печей. Представление о них даёт печь поселения Атасу восьмёркообразной формы, имеющая 2 камеры: большую (диаметром 1,2 м, глубиной 0,5 м), служившую, вероятно, для тигельной плавки, и малую (диаметром 0,8 м, глубиной 1,1 м), выполнявшую роль устья — поддувала. В 4 группу выделяются сложные по конструкции тепловые агрегаты шахтного типа, предназначенные для комплексного ведения всех опера-

ций. Из обнаруженных на поселении Атасу 22 медеплавильных ям-печей (исследовано 14) почти все шахтного типа (Кадырбаев, Курманкулов, 1992). Стены их прямые или конусообразно сужающиеся ко дну с обмазкой в один или несколько слоёв глиной, толщиной 10–20 см со встроенными в обмазку 1–3 каналами-фурмами в виде неглубоких желобков, спирально опоясывающих стенки от устья до дна. В 0,3–1 м от основной ямы пристраивали из поставленных на ребро каменных блоков прямоугольные или круглые конструкции для тигельной плавки. Большинство печей имеют длинные дымоходы, перекрытые каменными плитами. Выделенные 4 группы печей отражают лишь общую, возможно, весьма условную, тенденцию их развития.

Важно отметить тот факт, что металлургическое производство имело динамику развития, и это, в свою очередь, очень важный показатель прогресса общества, показатель изменения исторической среды племён региона в рамках эпохи бронзы.

Мы уже отмечали, что человек при помощи орудий труда создаёт предметы, необходимые для удовлетворения своих потребностей, и средства труда и что орудия труда варвара обуславливают его общество. В данном случае общество эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана.

Морфологические, параметрические показатели, технология изготовления, функциональное назначение, классификация основных категорий орудий труда эпохи бронзы достаточно подробно представлены в археологической литературе, что позволяет нам ограничиться самыми общими группировками и обобщёнными характеристиками.

Молоты каменные — орудия ударно-дробительного назначения, весом до 8 кг. Найдены на многих поселениях, больше всего на поселении Атасу — 11 крупных (5–8 кг) и 17 средних по размеру и весу (2–5 кг) молотов.

Песты каменные — для дробления и растирания медной руды и шлаков, встречаются на многих поселениях, но наиболее многочисленная группа — 30 экземпляров на поселении Атасу.

Клинья каменные и роговые — орудия для сортировки руды от пустых пород, найдены 4 каменных и 3 роговых клиньев на поселении Атасу, 1 роговой на поселении Алат.

Плиты-ступки каменные — для измельчения и растирания руд, шлаков, минералов. На поселениях в верховьях р. Атасу найден 21 экземпляр, из них 19 на пос. Атасу. Известны они и на пос. Кент.

Плиты-наковальни каменные — для дробления руды и обработки металлических изделий. На пос. Атасу и Мыржык найдены 4 наковальни, камень-наковальня и камень-подставка (сиденье), а также на пос. Кент, Ташик.

Кайла каменные — для добычи руды (в карьерах) или раскапывания крупных кусков руды (на поселениях). На пос. Атасу найдены 4 кайла, на карьере Сарыбулак — одно.

Рудодробильные и тёрочные камни — из речных каменных окатышей, весом до 2 кг (пос. Атасу).

Отметим также сопла, льячки, тигли, литейные формы, встречающиеся в местах, где проводилась плавка руды, получали сплавы бронз, литые орудия и украшений на пос. Семиозёрное II, Алексеевское, Атасу и др.

Мотыги каменные — для рыхления почвы в земледелии, земляных работ (рытьё котлованов жилищ, могил, вскрышные работы на карьерах и пр.) встречаются повсеместно, а на пос. Атасу — 27 мотыг. Известны мотыги из рога (отростки рогов благородного оленя).

Серпы бронзовые, костяные — для уборки злаковых, заготовки корма (трава, ветки), ошкуривания деревьев зафиксированы на 6 поселениях степной зоны.

Зернотёрки каменные, обычно состоящие из нижней более массивной плиты и верхней, меньших размеров (курант), найдены на нескольких поселениях.

Тесла бронзовые — плоские, массивные с уступом, втульчатые желобчатые — для деревообработки и, возможно, для земляных работ найдены на многих поселениях.

Кельты бронзовые — для земляных работ и, возможно, деревообработки найдены на пос. Мыржык и на территории Казахстана (Маргулан, 1979, рис. 2, 3).

Ножи бронзовые срубного типа с намечающимся перекрестьем найдены почти во всех алакульских могильниках. Эволюция таких ножей приведена Е.Е.Кузьминой (1994, рис. 29).

Однолезвийные ножи и ножи с обособленной рукоятью найдены на нескольких поселениях. Однотипная группа ножей, которые А.Х.Маргулан обозначил как «ножи казахстанского типа», приведена в его монографии (1979, рис. 2, 9–14).

Кинжалы бронзовые листовидные или с упором найдены на пос. Кент, Мыржык, Атасу, мог. Былкылдык I.

Топоры бронзовые, вислообушные с гребнем найдены на мог. Евгеньевский, Бозинген, Бес-тобе, есть и в фондах Кокшетауского музея.

Наконечники стрел бронзовые, двупёрые с выступающей или скрытой втулкой найдены на многих поселениях и могильниках. Встречаются двупёрые с жальцем и трёхгранные с черешком. Довольно многочисленную группу представляют костяные наконечники стрел и дротиков, а также каменные.

Наконечники копий бронзовые найдены: одно прорезное на пос. Кент и одно листовидной формы с четырёхгранным черешком на мог. Бегазы.

Трепала костяные, изготовленные из нижней челюсти крупного рогатого скота и лошади, — для обработки кожи и подготовки шерсти к прядению. Одна из наиболее часто встречающихся на поселениях категорий орудий. Так только на трёх поселениях верховьев р. Атасу найдено 60 экземпляров.

Пряслица сделаны из фрагментов глиняных сосудов, камня, кости — обычно округлой формы с отверстием посередине. По мнению М.К.Кадырбаева и Ж.Курманкулова, глиняные и костяные пряслица, как более лёгкие, использовались при прядении «толстой и слабой пряжи», а тяжёлые каменные и из головок бедренных костей животных «для получения тонкой и тугой пряжи» (1992, с. 169–170, рис. 132). Пряслица, по крайней мере, глиняные, встречаются на поселениях повсеместно.

Лошिला каменные и костяные (астрагалы) — для обработки кожи и поверхности сосудов (?) фиксируются на поселениях повсеместно.

Приведённый выше «список» основных категорий ручных орудий труда памятников степной зоны Центрального и Северного Казахстана (конкретизацию местонахождений см. подр.: Евдокимов, 2000, с. 79–84), который существенно может быть увеличен и дополнен «списком» орудий труда с памятников лесостеп-

ного Приишимья (см.: Зданович, 1988) не включает детали конской сбруи, выразительно представленные костяными и роговыми псаллиями (мог. Майтан, Сатан, пос. Кент, Мыржык, Атасу). Отметим рейсмусы, циркули, штампы для нанесения орнамента на сосудах, проколки, иглы, совки, мини-молоточки, зубила, пробойники, резчики и т.д., не определяющие основные направления производственно-хозяйственной деятельности, но, несомненно, нужные в сферах керамического, ювелирного, портного производств и в быту.

Набор основных категорий орудий труда вписывается в систему орудий труда хозяйственно-культурного типа (ХКТ) пастушеских племён евразийских степей.

Специфику всей совокупности орудий труда придают орудия горного дела и металлургии. Наличие многочисленных месторождений медной руды (вероятно, и олова), обеспечивающих металлургическое производство исходным сырьём, во многом определило и специфику общественно-экономического и культурного развития племён региона. Не случайно именно в подзоне Центрального Казахстана, где при прочих равных, а во многом худших условиях по сравнению с другими подзонами, отмечены самые многочисленные могильники, значительные по площади поселения. Правомерно будет поставить вопрос о зарождении протогородской (местной) цивилизации, поскольку появляются мавзолеи бегазы-дандыбаевского типа, осуществляются многосторонние торговые, обменные операции как внутренние, так и внешние, значительно возрастает активность в освоении новых территорий.

Данные факты, явления, процессы в значительной степени обусловлены результатами металлургического производства, которое по своей значимости и влиянию на жизнь общества сравнимо с влиянием природных факторов.

К сожалению, вопрос о роли, значении и влиянии металлургического производства на общественные процессы в эпоху бронзы остаётся открытым.

4.1.3. Компоненты общества

Мы уже отмечали, составляющими общества в рамках дефиниции исторической среды выступают народонаселение, общественная организация, семья и другие не ставшие пока предметом исследования археологов компоненты. Ниже даётся авторская разработка и краткая характеристика демографических переменных на основании данных археологических исследований таксономических единиц постстарной структуры общества (Евдокимов, 2000).

Народонаселение. В отличие от термина «население», употреблявшегося в археологической литературе, слово «народонаселение» было сразу образовано как научный термин — «народонаселением» можно считать население всей Земли или часть света какого-либо государства или более мелкой административной единицы, какого-либо географического района (разрядка наша. — Е.В.) или поселения. В демографическом отношении понятие «народонаселение» имеет количественный смысл, а качественной стороной является «воспроизводство населения» (Основы... 1973, с. 35–37). Понятие-термин «народонаселение», отражающее демографический и археологический аспекты исследования, является наиболее подходящим в целом и показателем демографических переменных в частности.

Реконструкция численности народонаселения Степного Притоболья осуществлена на основании данных археологических исследований с учётом общих положений демографии, выводов и наблюдений археологов, антропологов, этнографов (Евдокимов, 2000).

Демографическая ситуация в указанном регионе представляется в следующем виде: во времена петровской, алакульской и фёдоровской культур Степное Притоболье одновременно населяло 450–550 человек, живших в 7–8 единовременно функционирующих поселениях. Каждое поселение состояло из 2–4 жилищ, в которых проживало 40–80 человек. Группировка поселений по 3–4 в локальных районах, расположенных в 5–10 км друг от друга, свидетельствует о переселениях, обусловленных, с одной стороны, деградацией пастбищ, вызванных различными причинами, в том числе и превышением норм стравливания и использования

пастбищ, с другой — эпизоотиями и эпидемиями, возникающими в результате антисанитарии и пр.

В жилище проживали 2–3 нуклеарные семьи, имеющие каждая свой очаг и входившие в состав расширенной (сложной, большой) семьи. Численность нуклеарной семьи 7–8 человек, расширенной — 18–21 человек. Плотность населения составляла порядка 0,008 чел/км² или 0,8 чел на 100 км². Население расселялось по р. Тобол, его притокам, малым рекам, а также берегам озёр. Наиболее освоенной территорией являлись долины рек. Бессточные малоувлажнённые участки степи практически были неосвоенными.

На этапе культур валиковой керамики (дандыбай-саргаринская, бегазы-дандыбаевская культура) регион одновременно населяло 700–900 человек, живших в 5–6 поселениях, площадь которых увеличивается почти в 2 раза, как и количество жилищ. Площадь жилищ возрастает в среднем в 2–3 раза, количество нуклеарных семей увеличивается до 4–6, численность расширенной семьи возрастает до 30–50 человек, составляя в среднем 40–42 человека на среднее по площади жилище. На каждом поселении, вероятно, одновременно функционировало 2–4 жилища, в которых проживало 80–200 человек. Плотность населения составляла 0,011 человек на 1 км² или 1,1 чел/100 км².

Наблюдается концентрация населения в долине р. Тобол, вероятно, за счёт переселения жителей небольших поселений с маленьких речек, его притоков. Расстояние между поселениями было в пределах 30–60 км.

Методика, предложенная для оценивания демографических показателей Притоболья, приведённых выше, по ряду причин (уничтожение более ранних жилищ эпохи средней бронзы при сооружении жилищ эпохи поздней бронзы, особенности структуры почв (крупнозернистые, щебенистые) и пр.) не может быть применима к району Центрального Казахстана. Показателем, который можно принять, как наиболее достоверный для оценивания демографической ситуации в Центральном Казахстане, будет показатель плотности населения, как один из основных в демографической археологии. При этом мы оговариваем одну из важнейших посылок — все демографические показатели переменных по Степному Притоболью рассматриваются как минимальные,

наименьшие в ряду наиболее вероятных. Единая физико-географическая среда степной зоны нивелирует специфику исследуемых регионов, обеспечивает корректность выбора данного показателя для оценивания численности народонаселения. Опуская промежуточные звенья статистических операций, приводим минимальные показатели численности народонаселения (единовременно проживающих) для региона степей Центрального и Северного Казахстана, площадь которого примерно 400 тыс. км² — 3,5 тыс. человек для средней и 7 тыс. для поздней бронзы.

Потестарная организация. Определение «потестарный» было введено Ю.В.Бромлеем для обозначения отношений власти и властвования в доклассовом обществе. Потестарная организация в доклассовом (политическая в классовом) обществе обеспечивала «регулирование функционирования общества как самовоспроизводящейся системы», а «первейшим условием функционирования служит обеспечение внутренней целостности социального организма» (Куббель, 1982, с. 127). Потестарно-политическая культура, так же как и культура вообще, представляет единство следующих основных функций:

- коммуникативной, обеспечивающей циркуляцию информации внутри социального организма, целостность информационной сети (прежде всего в сфере добывания средств к существованию);
- сигнификативной, обеспечивающей отличие данной коммуникативной сети от других, осознание людьми своей принадлежности к данной конкретной общности, что проявлялось через органическую связь потестарной структуры с ритуалом;
- соционормативной, обеспечивающей стабильность поведения отдельных составных частей системы, индивидов или групп;
- инструментальной, которая играла в первобытную эпоху скромную роль.

Этнические общности иерархичны и располагаются по разным таксономическим уровням от единиц микроэтнических — семья, до макроэтнических — соплеменность или семья племён. На всех этих уровнях существует потребность в управлении и,

следовательно, в соответствующей потестарной структуре. В качестве этнопотестарных единиц выступают семья, род, община, колена, «клан», племя, союз племён.

Имеющаяся археологическая информация, вкуче с этнографической, позволяет выделить следующие этнопотестарные единицы — семья, община, племя.

Семья. Этнопотестарная единица низшего порядка. Является объединением людей, основанным на браке или кровном родстве; связанных общностью быта и взаимной ответственностью. Структура родственных связей определяет тип семьи. Наиболее распространённым типом является простая или нуклеарная семья, представляющая собой родителей с детьми, не состоящими в браке. Другой тип — расширенная, или сложная семья, включающая 3 и более поколений или же 2 и более нуклеарные семьи. Эти семьи образованы, как правило, взрослыми детьми, состоящими в браке и проживающими вместе с родителями и ведущими общее хозяйство.

Численность простой, нуклеарной семьи, как мы указывали выше, составляла 7–8 человек, расширенной сложной 18–21 в период средней бронзы, 40–42 человека в период поздней бронзы, т.е. в среднем около 20 и 40 человек соответственно. Разумеется, что в каждом конкретном случае имели место отклонения, как в сторону уменьшения, так и увеличения количества от усреднённого показателя.

Большесемейная община. Сложная, расширенная, большая семья составляла основную часть, ядро членов большесемейной (домовой, домашней) общины, общественная сущность и естественное основание которой заключались в совместном владении, производстве и потреблении. Большесемейная община — низшая ячейка в ряду общинных структур, её равноценность кровнородственной и соседской как основных оспаривается рядом исследователей. Большесемейная община, ядром которой являлась сложная семья, проживавшая в большом доме или жилом комплексе, представленном многокамерными жилищами, входит в состав соседско-родовой общины.

Соседско-родовая община (гетерогенная) выделяется как один из типов общин, наряду с первобытной, раннеродовой, общиной бродячих охотников-собирателей, соседской — земле-

дельцев и скотоводов и др. Но ни первобытная, или кровнородственная, община периода присваивающего хозяйства, ни кочевая община эпохи железа не могут быть соотнесены со временем скотоводов-земледельцев периода производящего хозяйства, т.е. эпохи бронзы. Тип общины, который мы можем соотносить с эпохой бронзы (за исключением быть может начального и финального периодов), это соседско-родовая, или гетерогенная, община, как особый тип, занимающий промежуточное положение между структурообразующими раннеродовой и соседской. Это община переходного типа, которая укладывается в схему развития социально-бытовых организмов древнего общества. Данный вывод, полученный логическим путём, подтверждается выделением особой социальной группы воинов, появлением бегазыдандыбаевских мавзолеев, трудозатраты на сооружение которых в десятки и даже сотни раз превосходят трудозатраты на сооружение погребений рядовых общинников, зарождение протогородской цивилизации в её зачаточных формах в последней четверти II тыс. до н.э. (Варфоломеев, 1991), что в принципе возможно лишь при имущественном и социальном расслоении общества, влекущего за собой изменение его социально-бытовых структур. На смену классической кровнородственной общине приходит большесемейная община, а объединение последних в рамках отдельного поселения по территориальному соседскому признаку образует соседско-родовую (первобытную соседскую) общину.

Новым, весомым аргументом в пользу формирования соседско-родовой общины, как изменившегося типа социально-бытового организма, служат данные «технической» подсистемы гончарства, о «смещении изготовителей керамики и смещении тех этнокультурных групп, к которым они принадлежали» (Ломан, 1991, с. 52). Соседский (территориальный) принцип объединения в общины не отвергал характера родовых связей, которые оставались прочными в рамках большесемейной общины, сохранялись между отдельными группами и отдельными общинниками, входящими в соседско-родовую общину и их сородичами из других соседско-родовых общин.

Соседско-родовая община являлась тем социально-бытовым организмом, который регулировал и аккумулировал такие свойства культуры, как стереотипизацию и стандартизацию для новых

поколений общинников, функционируя в рамках адаптационных механизмов жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Племя. Самостоятельная единица этнопотестарного общества, которая выступает одновременно и как этническая, и как потестарно-политическая общность, на уровне которой имеет полное совпадение потестарного сознания и самосознания этнического. Таксономические единицы более низкого и более высокого уровня не имеют такого совпадения.

Ф.Энгельс отметил всеобщие черты, характеризующие племя: «1. Собственная территория и собственное имя. 2. Особый, свойственный лишь этому племени диалект. 3. Право торжественно вводить в должность избранных родами сахемов и военачальников. 4. Право смещать их, даже против желания их рода. 5. Общие религиозные представления (мифология) и обряды культа. 6. Совет племени для обсуждения общих дел. 7. У некоторых племён мы встречаем верховного вождя...» (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 92–95). Перечисленные черты отражают этническую сторону (общность территории, языка, религиозных представлений и единое имя) и потестарную (совет племени, народное собрание, военачальник или вождь-старейшина).

Племя являлось этнопотестарным организмом, входило, по крайней мере, на позднейшие стадии разложения первобытнообщинного строя, в состав более широкого объединения — союза племён или конфедерации племён. Имеющихся в наличии данных недостаточно для конкретного выделения союза или конфедерации племён и вычленения данного типа единицы потестарной структуры общества эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана.

Племя же «оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась, безусловно, подчинённой в своих чувствах, мыслях и поступках» (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 99).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана представлена культурами двух огромных культурно-исторических общностей — андроновской и общности культур валиковой керамики (ОКВК). Племена андроновской общности обитали на территории от Урала до Енисея. Андроновский мир, который еще недавно выглядел достаточно монолитным, составляли петровская, алакульская и федоровская культуры.

Петровская культура имела предшественников, известных сейчас по памятникам типа Сингашты и Аркаима. На территории Казахстана культура петровских племен представляется в сложившемся виде. Она характеризуется остросеребряными и банковидными сосудами, укрепленными поселениями со рвами и валами, сепаратными детскими могильниками, погребениями воинов-колесничих, бронзовыми изделиями пластинчатой техники (ножи двухлезвийные и однолезвийные, серпы-струги, тесла, браслеты, наконечники и др.), каменными наконечниками стрел и булавами, костяными щитковидными псалями. Типичными памятниками петровской культуры являются поселения Семиозерное II, Новоникольское I, Петровка II, могильники Петровка, Берлик, Кенес, Сатан. Петровское население — первое «поколение» культур с производящей экономикой в Казахстане. Более ранние энеолитические и раннебронзовые хозяйственно-культурные типы базировались на присваивающей экономике. Даже коневодство у энеолитического ботайского населения проблематично. Только со времен ранних петровских памятников мы застаем сложившиеся формы скотоводства пастушеского типа. С того же времени фиксируется выделение металлургии в обособленную специализированную отрасль, что хорошо иллюстрируется материалами поселения Семиозерное II. Время петровской культуры — период не-

спокойный и тревожный. Видимо, петровским племенам пришлось отражать набеги аборигенов с присваивающей экономикой, потомков местного энеолитического населения. Для обороны петровцы строили фортификационные сооружения вокруг своих поселений. Отряды боевых колесниц с экипажами из возницы и лучника совершали карательные акции против «диких» охотников на домашний скот, защищая свои общины и стада.

На исходе петровской эпохи возросла плотность населения, были освоены наиболее привлекательные пастбища. В результате переизбытка начинается миграция ранних андроновских (петровских) племен на юг, вплоть до Индии. Именно в петровской культуре больше всего параллелей с культурой древних ариев, начавших осваивать Индостан в середине II тыс. до н.э. А наиболее вероятное расположение прародин индоариев следует предполагать в пределах петровской культуры Южного Урала и Казахстана (Кузьмина, 1994).

Оставшиеся на месте племена в процессе развития сформировали алакульскую культуру. Продолжая традицию придомно-пастушеского скотоводства петровцев, алакульцы были вынуждены приспосабливаться к изменившимся природно-климатическим условиям. Началась фаза ксеротерма. Уменьшилось количество осадков, площади и выход биомассы пастбищ сократились. Население концентрируется у источников воды, а в условиях ее дефицита роет колодцы, как на поселениях Чаглинка и Атасу I. И петровцы, и алакульцы прибегали к земледелию. Его продукция дополняла мясной и молочный рацион. В алакульский период нивелируется погребальный обряд. Нет особенно «богатых» погребений, какими, например, были могилы воинов на колесницах петровской культуры. «Воин-колесничий окончательно утратил свое значение и уступил место воину-всаднику с особой спецификой уздечного набора и псалями в виде стержня» (Зданович, 1988, с. 143).

Характерным признаком алакульской посуды стал уступчик между шейкой и туловом сосуда.

Памятники алакульцев многочисленны — могильники Алексеевский, Новоникольское, Амангельды, Былкылдак I, Айшрак, Аксу-Аюлы I, Майтан; поселения — Явленка I, Петровка II, Алексеевское, Атасу I, Энтузиаст I.

Примерно с XVI в. до н.э. на алакульскую территорию из Восточного Казахстана проникает население, которое лепило горшки плавной профилировки, без уступчика на плече сосуда. Это племена федоровской культуры, оставившие могильники Боровое, Бурлук, Алыпкаш, Приплодный Лог I, Аксу-Аюлы II, Акмола, Канаттас, Ботакара, Бугулы I, Акимбек, Шоиндыколь; поселения Бишкуль IV, Павловка, Усть-Кенетай, Атасу I, Икпень I и др. Могилы федоровцев в виде грунтовых ям, каменных ящиков или цист заключались в ограду из камня. Ограды круглые или прямоугольные, из плит, поставленных на ребро или уложенных плашмя. В северных районах над могилой насыпали курган, окружив надмогильное сооружение ровиком. Курган возводили и над оградой. По сравнению с алакульским погребальным обрядом, в федоровских могилах несколько чаще встречается обряд кремации. Но в обеих культурах преобладает обряд трупоположения. В отличие от алакульцев, федоровцы больше значения придавали посмертному оформлению социального статуса умершего. Наряду с обычными, рядовыми оградями, встречаются сложные и громадные конструкции. Так, курган 3 могильника Аксу-Аюлы II имел насыпь диаметром 30 м, высотой 1,8 м. Под насыпью находились три ограды. Внешняя ограда состояла из вертикально врытых плит высотой до 1,6 м. Диаметр ограды — 24,5 м. Внутри этой ограды находился выложенный из камня склеп с ящиком внутри. Размеры склепа — 7,9×7,6 м. Погребальная камера в виде ящика была расположена на глубине 1,6 м в яме размером 2,5×1,45 м. При строительстве всего мавзолея применялась забутовка камнем и щебнем, заливка глиной. В могиле был найден сосуд федоровского типа (Маргулан и др., 1966, с. 167–174, рис. 83, 2). Строительство таких мавзолеев требовало больших затрат средств и времени, усилий многих людей. И предназначались они для лиц высокого социального ранга вроде вождей.

Федоровцы освоили более обширные территории, чем алакульцы. Испытывая потребности в пастбищах, федоровцы продвинулись до Енисея на Востоке, в таежную зону Сибири, достигли оазисов Средней Азии и долин Тянь-Шаня. Это была вторая волна индоарийских племен, докатившаяся до Индостана. Постепенно смешиваясь с алакульцами, федоровцы потеряли неко-

торые внешние признаки культуры, например, ярко выраженный геометризм орнаментики, сохраняя традиционные приемы конструирования сосудов (Ломан, 1993, с. 29–30) и их форму. Некоторые федоровские традиции проявились в культуре валиковой керамики. К такому федоровскому наследию восходит плавная профилировка сосудов и обычай сооружать надмогильные постройки адекватно социальному рангу лиц, которым они предназначались.

Потомки алакульского и федоровского населения создали культуру валиковой керамики. Эта культура входила в общность культур валиковой керамики. Географически размеры этой общности более пространны, чем территория предшествующей андроновской общности. Ее западные границы находятся в нижнем Подунавье и на Балканах, а восточные — на Алтае и восточнее. На севере памятники ОКВК известны в лесостепной зоне, а на юге — в Приаралье и Семиречье.

Бегазы-дандыбаевская культура (дандыбай-саргаринская, замараевская, замараево-бегазинская, саргаринско-алексеевская) завершила бронзовый век в Урало-Казахстанско-Алтайских степях. По сравнению с андроновскими (петровскими, алакульскими, федоровскими) памятниками возросло количество поселений. Это — Алексеевское, Загаринское, Конезавод III, Саргары, Новоникольское I, Петровка II, III, Атасу I, Суук-Булак, Кент, Мыржык, Ак-Мустафа, Бугулы II, Шортанды-Булак и др. В пределах Казахского мелкосопочника исследованы могильники Саргары, Жукей, Бегазы, Дандыбай, Бугулы III, Сангру III, Айдарлы, Донгал, Актопрак и др.

В глубинных районах Казахстана, в оазисах с достаточным количеством водоемов и пастбищ дандыбаевское население переходит от пастушеского к более подвижному яйлажно-отгонному скотоводству. Это повысило эффективность экономики и создало условия для дальнейшей социальной и имущественной дифференциации, что отражено в различных типах погребений. Возможно, родственное дандыбаевцам население с культурой тагискенского облика, проживавшее в экстрааридных условиях, уже перешло к кочеванию. Перемещаясь с зимних пастбищ в Приаралье на летние в Сарыарке, эти кочевники способствовали древним обменным отношениям.

В эпоху ОКВК часть дандыбаевского населения вновь, как петровцы и федоровцы, достигает Индостанского субконтинента. Третья волна миграции ведических ариев, видимо, была последней в бронзовом веке. А сосуды и в Индии стали украшать валиком, называя его «поясом Адити», матери богов-адитьев, на что есть указания в «Ригведе».

В развитии дандыбаевских племен Сарыарки отмечается три этапа — ранний; средний — кентский; поздний — донгальский.

На кентском этапе строились мавзолеи и обычные погребальные сооружения, возникли протогородские центры, фиксируются многосторонние контакты с инокультурным населением. Общество быстро продвигается к созданию цивилизации и государства.

Переход к подвижному кочевому скотоводству в начале раннего железного века изменил весь облик культуры и на три тысячелетия определил ход исторических процессов в степном поясе Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heikel A. Antquite de la Siberia Occidentall. – Helsingfors, 1894.
2. Аванесова Н.А. Проблема истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1979.
3. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1953.
4. Аниковский А.П. Древние курганы в Кустанайском уезде Тургайской области // ТОУАК. 1905. – Вып. 14.
5. Аргентовский Ю.П. Раскопки Ю.П.Аргентовского у г. Петропавловска // ОКА. – Пермь, 1911.
6. Аргентовский Ю.П. Раскопки в Акмолинской области // ОФКда. – Пермь, 1924.
7. Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. – № 4.
8. Атлас Казахской ССР. – М., 1982. – Т. 1.
9. Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. – Алма-Ата, 1992.
10. Брукс К. Климаты прошлого. – М., 1952.
11. Быков Б.А. Берегите пастбища. – Алма-Ата, 1983.
12. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.
13. Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сарыарки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988.

14. Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989.
15. Варфоломеев В.В. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991.
16. Варфоломеев В.В. Архаика Кентских гор // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей. – Лисаковск, 2000.
17. Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986.
18. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. – Свердловск, 1970.
19. Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. – Казиздат, 1930.
20. Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане // Казаки. – Л., 1927. – Вып. 2.
21. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. – Вып. XVI.
22. Грязнов М.П. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. 1955. – Вып. 24.
23. Дукеев Х. О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1969. – Вып. 8.
24. Дурьлин С.Н. Челябинские курганы // Сб. материалов по изучению Челябинского округа. – Челябинск, 1927. – Кн. 1.
25. Дегтярева А.Д. Металлообрабатывающие производства Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985.
26. Евдокимов В.В. К вопросу о датировке и заселении Алексеевского поселения на р. Тобол // Материалы IX науч.-метод. конф. преподавателей КГПИ. – Кустанай, 1971.
27. Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол. // СА. 1975. – № 4.

28. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982.
29. Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983.
30. Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1984.
31. Евдокимов В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Вопросы периодизации памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.
32. Евдокимов В.В. Формальные и сущностные аспекты периодизации эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: Материалы III междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Челябинск, 1996. – Ч. 5. – Кн. 1.
33. Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы, 2000.
34. Евдокимов В.В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Алматы, 2001.
35. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копя I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982.
36. Жауымбаев С.У. Древняя металлургия и горное дело Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984.
37. Жауымбаев С.У. Хронология древних рудников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.
38. Жауымбаев С. Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки: – Караганды, 2001.

39. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. – № 118.
40. Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975.
41. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984.
42. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988.
43. Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сб. науч. тр. по гуманитарным наукам. – Караганда, 1974.
44. Зданович С.Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979.
45. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983.
46. Зырянов А.Н. Курган у с. Замараевское Шадринского уезда Пермской губернии // ИРАО. 1863. – Т. 5.
47. Зырянов А.Н. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них // ЗУОЛЕ. 1883. – Т. 7. – Вып. 3
48. Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены 3. – М., 1977.
49. Игнатъев Р.Г. Памятники древности в Курганском округе Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1873. – № 18.
50. Игнатъев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // ИАК. 1903. – Вып. 5.
51. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. – М., 1977.
52. Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983.
53. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алматы, 1992.

54. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург, 1911.
55. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1990.
56. Комарова М.П. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. – Вып 5.
57. Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири // СА. 1965. – № 2.
58. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М., 1981.
59. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. 1948. – Вып. 17.
60. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение // МИА. 1951. – № 2.
61. Куббель Л.Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М., 1979.
62. Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы, 1994.
63. Кузьмина Е.Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1963.
64. Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. 1965. – № 4.
65. Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988.
66. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994.
67. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.
68. Ломан В.Г. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // КСИА. 1991. – Вып. 203.

69. Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993.
70. Лямин В.С. География и общество. – М., 1978.
71. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978.
72. Максимов А.В. Проблемы обледенения Земли и ритмы в природе. – Л., 1972.
73. Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1959. – Т. 7.
74. Малютин Т.С. Поселение и могильник у села Павловка Кокчетавской области // АО. – М., 1985.
75. Малютин Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994.
76. Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972.
77. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.
78. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
79. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Сочинения. 2-е изд. – Т. 3.
80. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 21.
81. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 23.
82. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 36.
83. Мартынюк О.И., Зданович С.Я. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985.
84. Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 12.
85. Минко Н.К. Отчёт о раскопках в Челябинском уезде Оренбургской губернии // Архив ИА АН СССР. 1904. Д. 209.

86. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
87. Нефёдов Ф.Д. Отчёт об археологических исследованиях в Южном Приуралье // МАВГР. 1909. – Вып. 3.
88. Нурумов Т.Н., Макарова Л.А. Домашние и дикие животные эпохи энеолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. – Алма-Ата, 1988.
89. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. – Т. 5.
90. Основы теории народонаселения. – М., 1973. —
91. Потёмкина Т.М. Керамические комплексы Алексеевского поселения на реке Тобол // СА. 1975. – № 1.
92. Потёмкина Т.М. Культура населения Среднего Притоболя в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1976.
93. Потёмкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. – № 2.
94. Потёмкина Т.М. Алакульская культура // СА. 1983. – № 2.
95. Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболя. – М., 1985.
96. Радлов В.В. Сибирские древности. – СПб., 1896. – Т. 1. – Вып. 3.
97. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // ИГАИМК. 1935. – Вып. 110.
98. Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. – Молотов, 1948.
99. Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1951. – № 21.
100. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967.
101. Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесного и степного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002.

102. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977.
103. Смирнов С.В. Системность и некоторые вопросы исследования первобытности. – М., 1984.
104. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. – № 120.
105. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М., 1972.
106. Теплоухов С.А. Андроновская культура // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1.
107. Ткачев А.А. Новые погребальные памятники поздней бронзы и средневековья Сарыарки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989.
108. Ткачев А.А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991.
109. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.
110. Тугаринов А.Я. Андроновские могильники // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1927. – Вып. 1(V).
111. Удодов В.С. Эпоха бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового века Южной Сибири. ТДНК. – Барнаул, 1988.
112. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана. Эпоха бронзы. – Лисаковск, 1998.
113. Ф.Энгельс и проблемы истории древних обществ. – Киев, 1984.
114. Философский словарь. – М., 1987.
115. Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. // ТГИМ. 1960. – Т. XXXVII.
116. Федорова-Давыдова Э.А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области // ВАУ. 1962. – Вып. 2.
117. Федорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973.
118. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы, 1994.

119. Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – Л., 1983.
120. Цалкин В.И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Евразии в раннем железном веке // МИА. 1962. – № 107.
121. Цалкин В.И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. – М., 1972.
122. Черников С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. 1957. – Вып. XXVI.
123. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. – № 88.
124. Черноскутов М.П. О раскопках двух курганов у пос. Сухомесовского // ТОУАК. 1910. – Т. 23.
125. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983.
126. Чиндин А.Ю. Относительная хронология могильников развитой бронзы Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.
127. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки географического общества СССР. 1957. – Т. 16.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	археологические открытия
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ	—	археология и этнология Башкирии
БАС	—	Башкирский археологический сборник
ВАН КазССР	—	Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВНК	—	всесоюзная научная конференция
ГИМ	—	Государственный исторический музей, г. Москва
ЗУОЛЕ	—	Записки Уральского общества любителей естествознания
КА УрГУ	—	Кабинет археологии Уральского государст- венного университета
КарГУ	—	Карагандинский государственный универси- тет
КГПИ	—	Костанайский государственный педагогиче- ский институт
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории ма- териальной культуры академии наук СССР
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР

ИАК	—	Известия археологической комиссии
ИРАО	—	Известия русского археологического общества
ЛАИ КарГУ	—	Лаборатория археологических исследований Карагандинского государственного университета
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАВГР	—	материалы по археологии восточных губерний
МИА	—	материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ	—	материалы Хорезмской экспедиции
ПРК	—	поиски и раскопки в Казахстане
РЖВ	—	ранний железный век
СА	—	советская археология
САИ	—	Археология СССР. Свод археологических источников
СамГУ	—	Самаркандский государственный университет
СКАЭ	—	Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СЭ	—	советская этнография
ТГИМ	—	труды Государственного исторического музея
ТДНК	—	тезисы докладов научной конференции
Тдспипи	—	труды докладов сессии, посвященной итогам полевых исследований
ТИИАЭ	—	труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТОУАК	—	труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТДНК	—	тезисы докладов научной конференции

ПРИЛОЖЕНИЕ

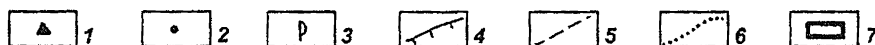
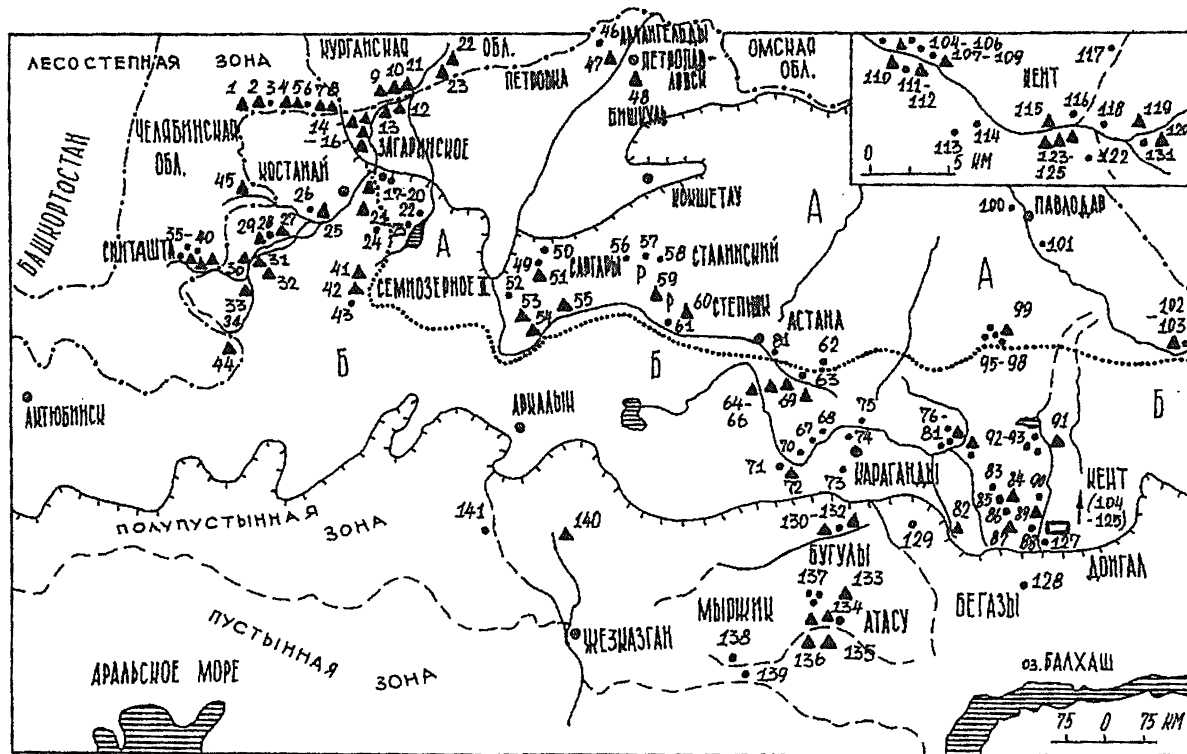

Рис. 1. Основные памятники Центрального и Северного Казахстана (Карта составлена по данным А.Х.Маргулана, К.А.Акишева, М.К.Кадырбаева, В.В.Евдокимова, Е.Е.Кузьминой, В.В.Варфоломеева, А.А.Ткачева, Г.Б.Здановича). 1 — поселения; 2 — могильники; 3 — рудники; 4 — границы степей; 5 — границы других зон; 6 — границы подзон степей; 7 — Кентский микрорайон. *Обозначения:* 1 — Черноречье 3; 2 — Черноречье; 3 — Черноречье I; 4 — Черноречье I; 5 — Чернореченское I; 6 — Березовский; 7 — Петровское III; 8 — Петровское I; 9 — Кораблевское; 10 — Каражар I; 11 — Каражар II; 12 — Аул; 13 — Пасечное; 14 — Усть-Уйское; 15 — Лютинское; 16 — Загаринское; 17 — Конезавод; 18 — Конезавод II; 19 — Конезавод III; 20 — Конезавод I; 21 — Садчиковское; 22 — Убаган; 23 — Верхняя Алабуга; 24 — Евгеньевский; 25 — Алексеевское; 26 — Алексеевский; 27 — Перелески II; 28 — Перелески II; 29 — Перелески I; 30 — Перелески; 31 — Шукубай I; 32 — Шукубай II; 33 — Элеватор; 34 — Желкуар; 35 — Синташтинский; 36 — Синташта I; 37 — Синташта II; 38 — Мирный II; 39 — Мирный III; 40 — Рымникское; 41 — Кушмурунское; 42 — Семнозерное II; 43 — Наурзум; 44 — Верхне-Тобольское; 45 — Асенкритовское; 46 — Амангельды; 47 — Петровка; 48 — Бишкуль IV; 49 — Саргары; 50 — Куропаткино II; 51 — Саргары; 52 — Калачевский; 53 — Павловка; 54 — Виноградовка; 55 — Родионовка; 56 — Боровое; 57 — Обаль; 58 — Бирик-Коль; 59 — Бес-Тюбе IV; 60 — Бурлы; 61 — Балыкты; 62 — Литвинское; 63 — Аюлы; 64 — Энтузиаст I; 65 — Энтузиаст II; 66 — Икпень I; 67 — Актобе; 68 — Усть-Кенетай; 69 — Актобе II; 70 — Алып-Аул; 71 — Жыланды; 72 — Долинское; 73 — Дандыбай; 74 — Нура; 75 — Темиртауский; 76 — Ташик; 77 — Ташик; 78 — Актюпрак; 79 — Самара; 80 — Майтан; 81 — Звенигородка; 82 — Нура; 83 — Нуркен; 84 — Копа I; 85 — Копа; 86 — Копа I; 87 — Каркаралинское; 88 — Сатан I-III; 90 — Ащи-Озек; 91 — Упаис; 92 — Алпымса; 93 — Нуртай; 94 — Бозинген; 95 — Баян-Аульское; 96 — Кафарка; 97 — Булка; 98 — Аулие; 99 — Шоиндыколь; 100 — Акмола; 101 — Лебязье; 102 — Семипалатинские дюны; 103 — Семипалатинские дюны; 104 — Енбек-Суйгуш; 105 — Акимбек; 106 — Акимбек II; 108 — Кзылкент; 109 — Домалактас; 110 — Донгал; 111 — Донгал; 112 — Дермен; 113 — Нарбас; 114 — Байшура; 115 — Кент; 116 — Кштан; 117 — Тасырбай; 118 — Кызылтас; 119 — Кызылтас I; 120 — Кызылтас; 121 — Кызылтас I; 122 — Найза; 123 — Алат II; 124 — Алат I; 125 — Алат; 126 — Джасыбай; 127 — Карагаш; 128 — Бегазы; 129 — Шортанды-Булак; 130 — Бугулы; 131 — Бугулы II; 132 — Бугулы I, II; 133 — Ортау II; 134 — Ортау I; 135 — Ак-Мустафа; 136 — Мыржик; 137 — Сангру I, III; 138 — Айдарлы; 139 — Айшрак; 140 — Уйтас-Айдос; 141 — Айбас-Дарасы

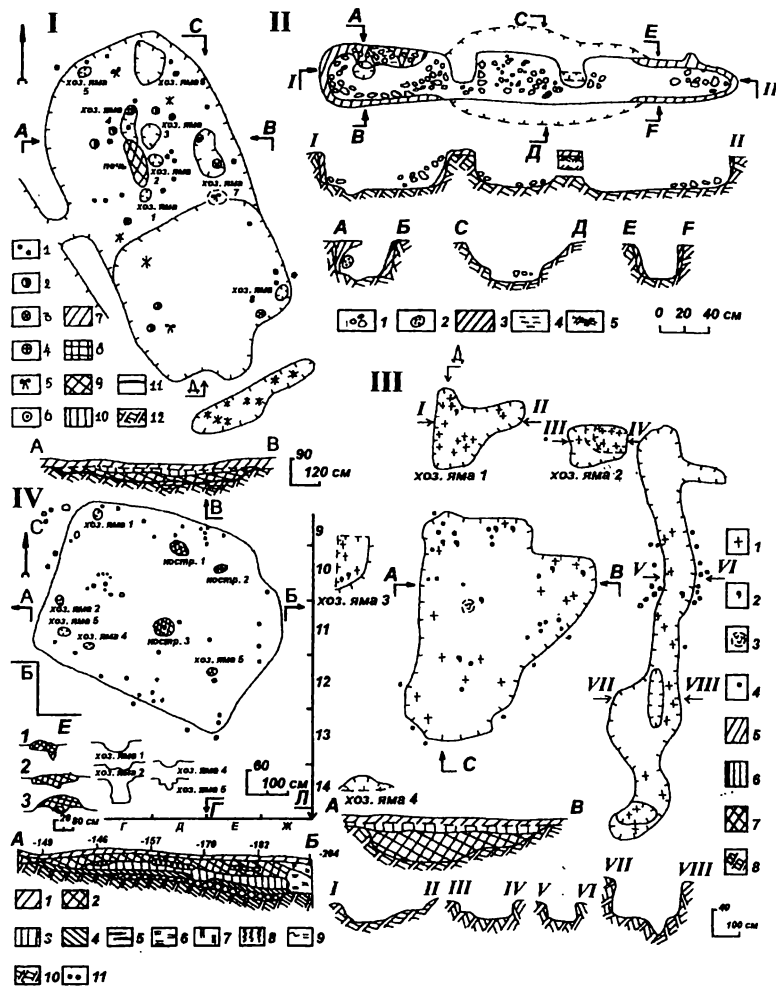

Рис. 2. Петровская культура. Планы и профили сооружений пос. Семиозерное II (I-III) и Конезавод III (IV). 1 — жилище мастерской 5 (1 — столбовые ямы; 2 — медная руда; 3 — шлаки; 4 — керамика; 5 — кости животных; 6 — развал сосуда; 7 — дерн; 8 — сажистый слой; 9 — светло-серый супесчаный слой; 10 — темно-серый супесчаный слой; 11 — придонный черный слой; 12 — материковая глина); II — бронзолитейные печи жилища-мастерской 3 (1 — камни; 2 — песчаник прокаленный; 3 — обожженная глина; 4 — серая глиняная обмазка; 5 — желтая материковая глина); III — хозяйственный комплекс; IV — жилище 5 пос. Конезавод III

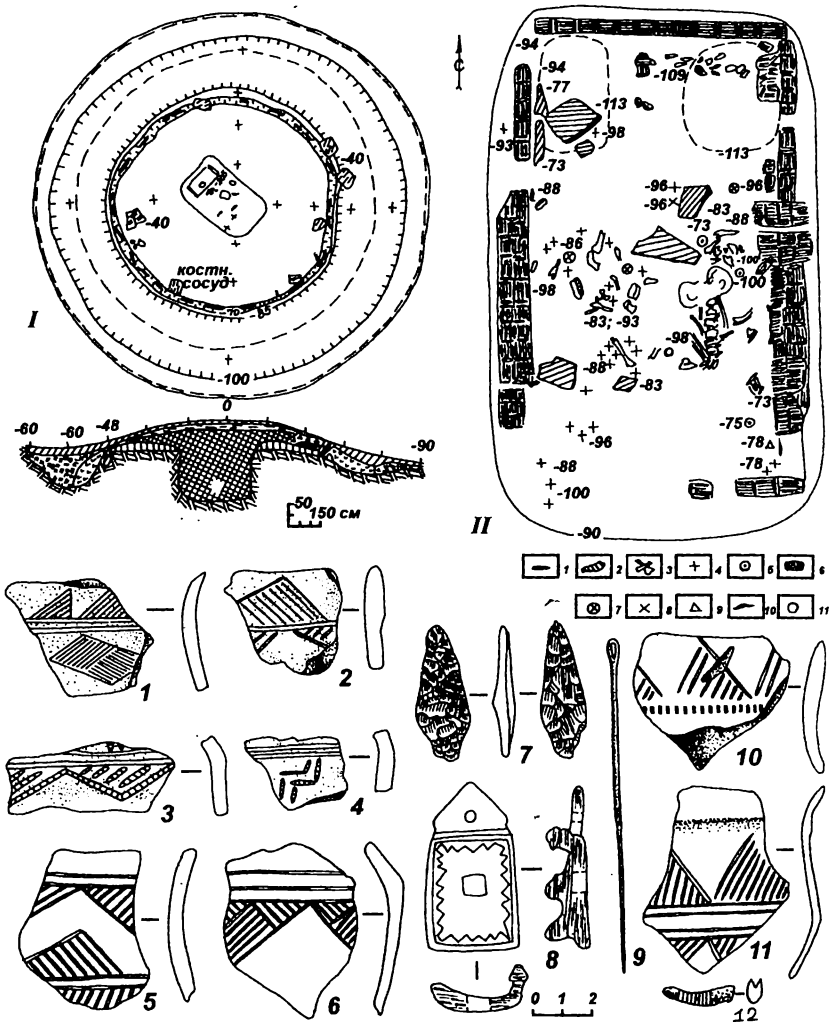

Рис. 3. Петровская культура. Могильник Сатан. 1-6, 10, 11 — глина; 7 — камень; 8 — кость; 12 — бронза (позолоченная). I — план и профиль кургана 1; II — могила кургана 3 (1 — вертикально стоящие плиты; 2 — горизонтально лежащие плиты; 3 — кости; 4 — фрагменты керамики; 5 — пастовые бусы; 6 — дерево; 7 — бронзовая поделка; 8 — шлак; 9 — костяная поделка; 10 — наконечник стрелы; 11 — позолоченная поделка)

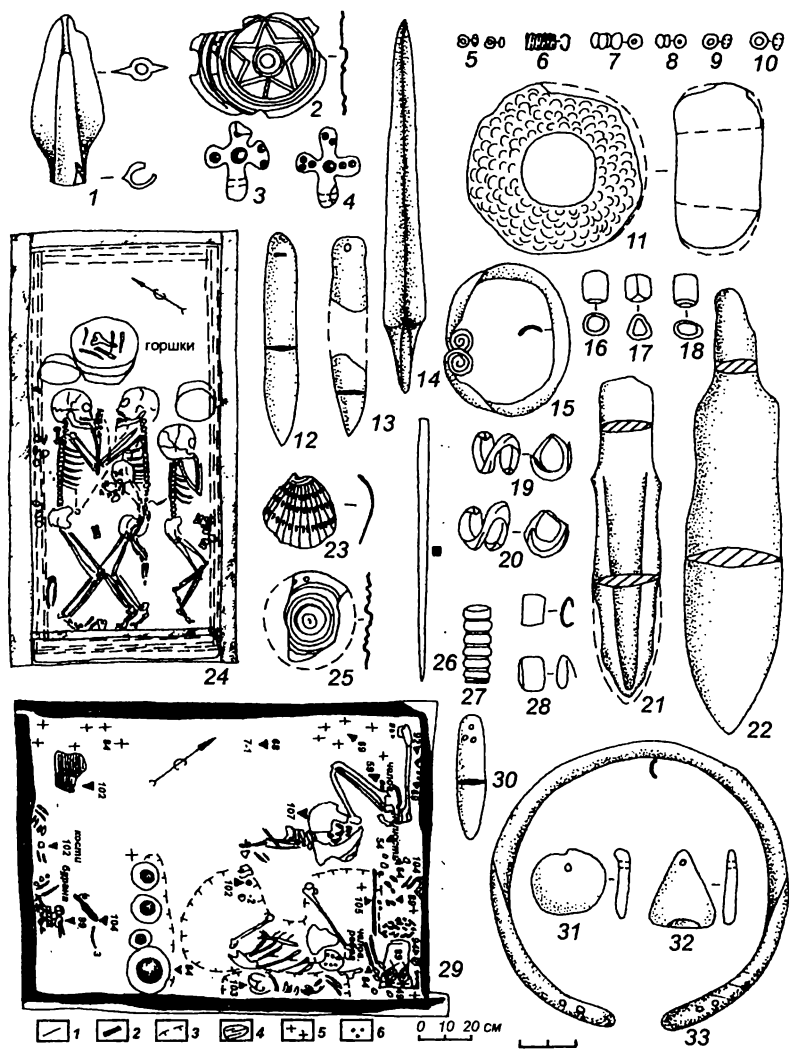

Рис. 4. Петровская культура. Планы могил, погребальный инвентарь. 24 — курган 2, могила 2 могильника Нуртай; 29 — могила ограды 3 могильника Сатан; 1-21, 23, 25-28, 30-33 — могильник Нуртай; 22, 29 — могильник Сатан; 29: 1 — очертания ямы, 2 — каменные плиты, 3 — охра, 4 — дерсво, 5 — керамика, 6 — бусы; 1-4, 6, 12, 13, 15-22, 25, 26, 28, 30-33 — бронза; 5, 7-10, 27 — паста; 11 — камень; 14 — кость; 23 — раковина

Рис. 5. Петровская культура. Керамика, изделия. 1-8, 15-20, 28, 29 — поселение Семиозерное II; 9-14, 21-27 — поселение Конезавод III; 1-8 — глина; 9-12, 14, 17-21, 23 — бронза; 13, 18, 29 — камень; 15, 16, 22, 25, 27 — кость

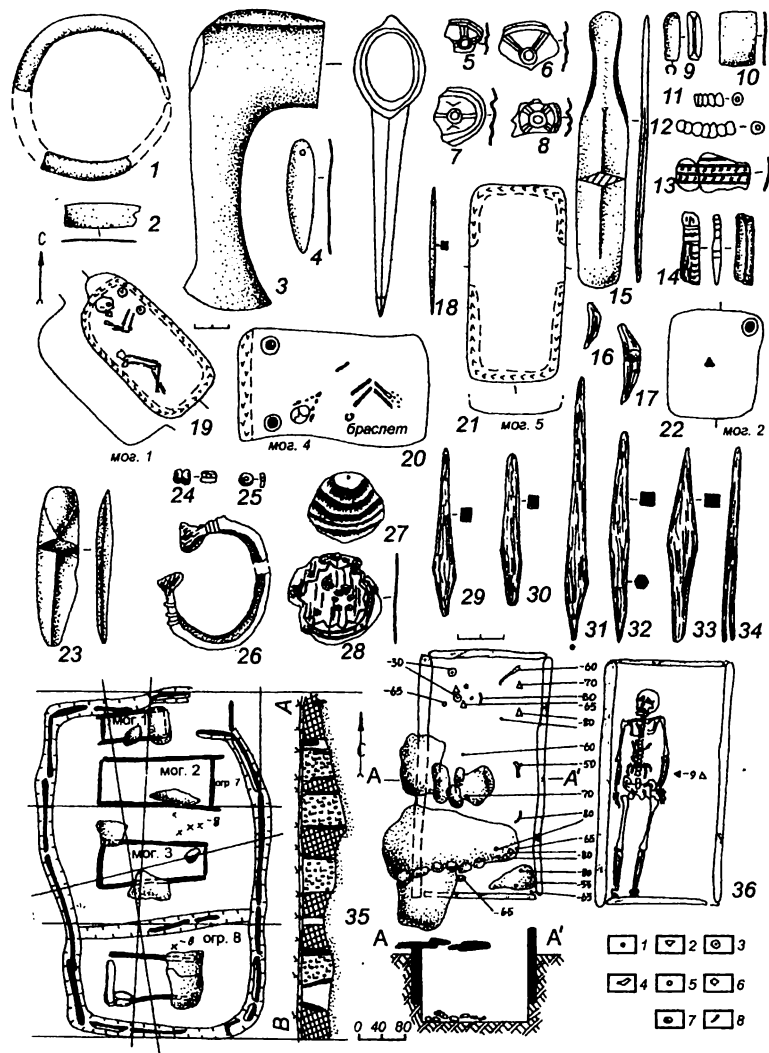

Рис. 6. Алакульская культура. Планы и разрезы могил, погребальный инвентарь. 1-15, 18-22 — могильник Евгенийевский; 16, 17, 23-28, 35 — могильник Ащи-Озек; 29-34, 36 — Копа; 35: 1 — кость человека, 2 — фрагмент керамики, 3 — предмет из бронзы, 4 — бронзовая бусина, 5 — пастовая бусина, 6 — предмет из кости, 7 — подвески из раковины, 8 — подвески из клыков; 1-10, 12-15, 18, 23, 24, 26, 28 — бронза; 11, 12, 25 — паста; 16, 17 — зубы; 27 — раковина

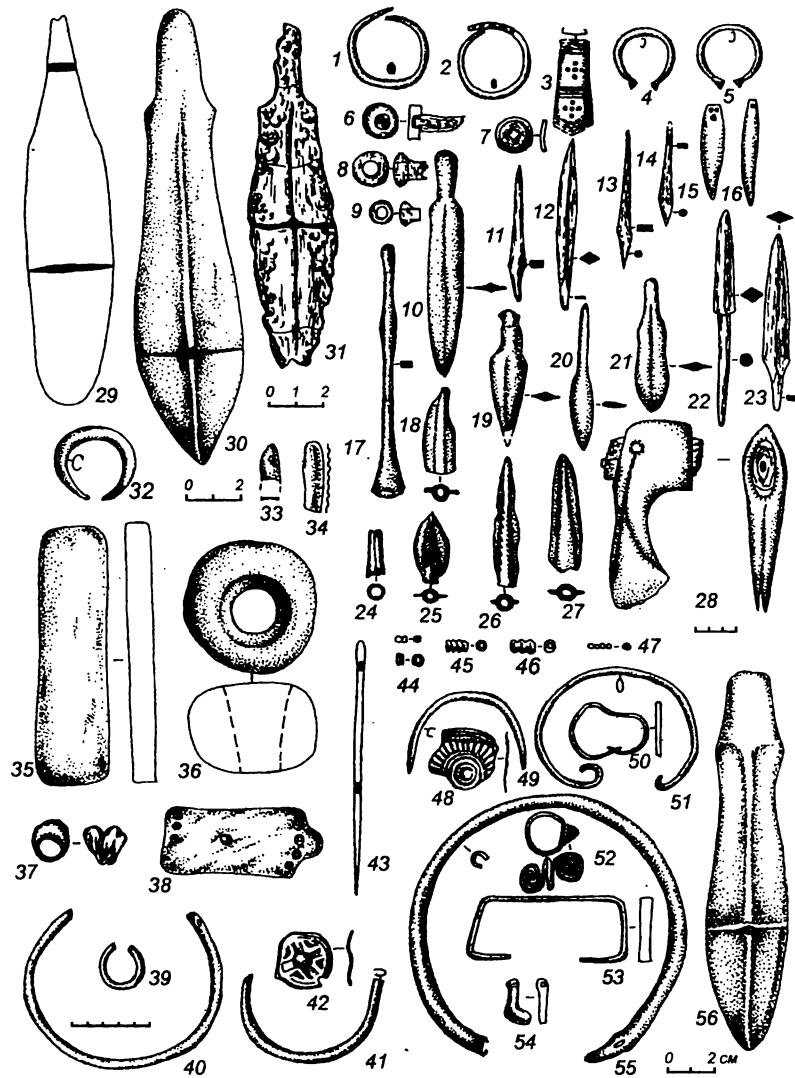

Рис. 7. Алакульская культура. Изделия (погребальный инвентарь). 1-19, 21-28 — могильник Бозинген; 20 — могильник Коба; 29, 43 — могильник Наурзум; 30, 32, 35, 36 — могильник Перелески; 31, 37 — могильник Нуркен; 33, 34, 39, 44-56 — могильник Конезавод; 1-5, 10, 15-21, 29-34, 37, 39-43, 48-56 — бронза; 6, 28 — бронза, дерево; 7-9, 11-14, 22, 23 — кость; 35 — камень; 36 — известняк (?); 38 — кожа

Рис. 8. Алакульская культура. Керамика (погребальный инвентарь). 1-5 — могильник Перелески; 6 — могильник Нуркен; 7-9 — могильник Наурзум; 10-15 — могильник Копа; 9, 17-22 — могильник Конезавод

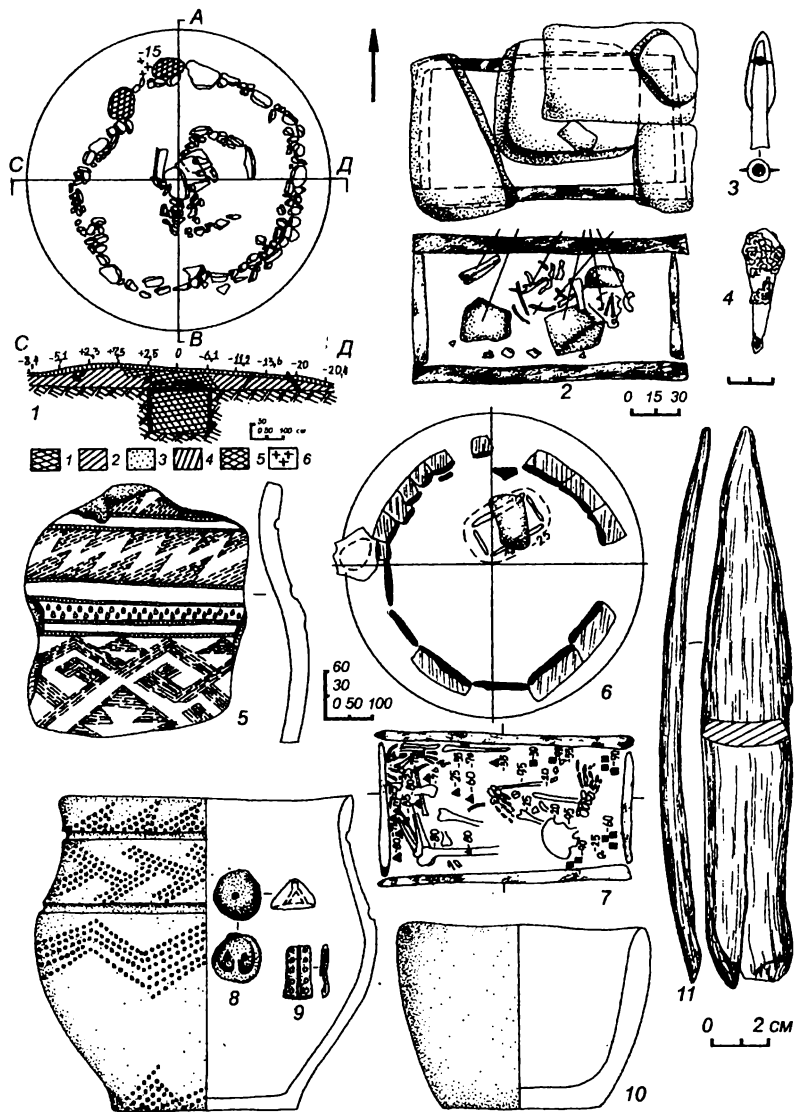

Рис. 9. Федоровская культура. Планы, профили курганов, могил, погребальный инвентарь. 1-5 — могильник Алпымса; 6-11 — могильник Акимбек; 1: 1 — кострища, 2 — дерн, 3 — светло-коричневый суглинок, 4 — темно-серая супесь, 6 — керамика; 1-2 — курган 4 могильника Алпымса; 6-7 — курган 1 могильника Акимбек

Рис. 10. Федоровская культура. Керамика поселений. 1-21 — поселение Загаринское (ранний слой); 22-36 — поселение Ташик (федоровский слой)

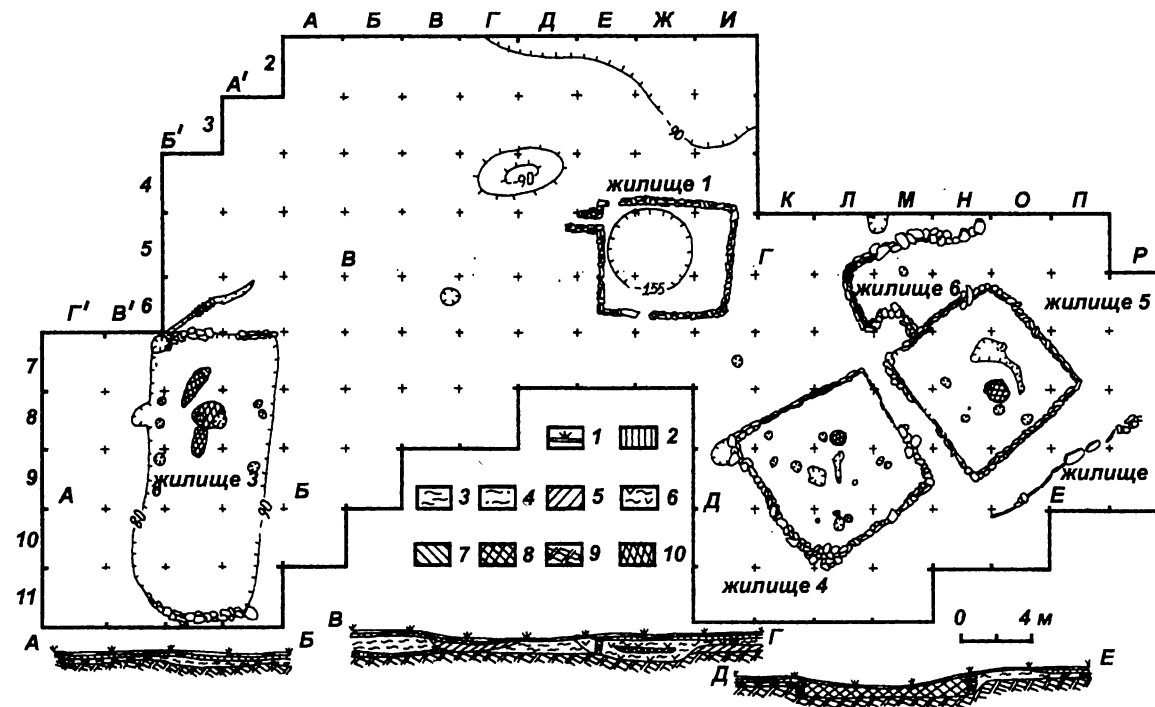

Рис. 11. Бегазы-дандыбаевская культура. Поселение Кент. План и профиль раскопов 1, 3, 4. 1 — дерн; 2 — песок; 3 — серый зольник; 4 — бурый зольник; 5 — серая супесь; 6 — золотистая супесь; 7 — рыхлый песок; 8 — темно-серая супесь; 9 — материк; 10 — провал

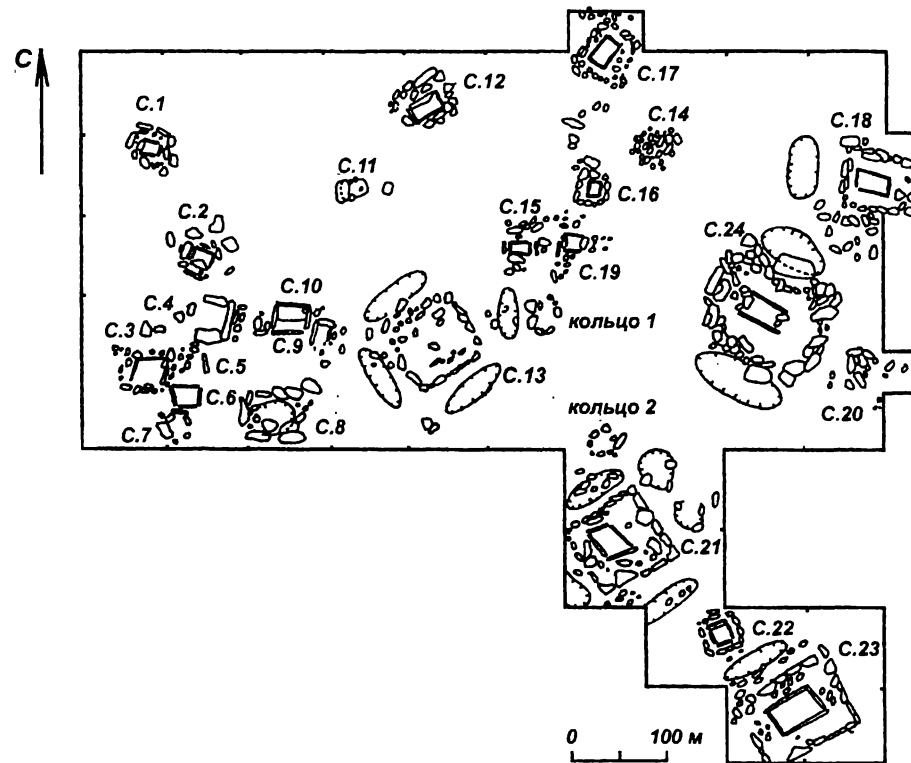

Рис. 12. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. План раскопа. С — сооружения

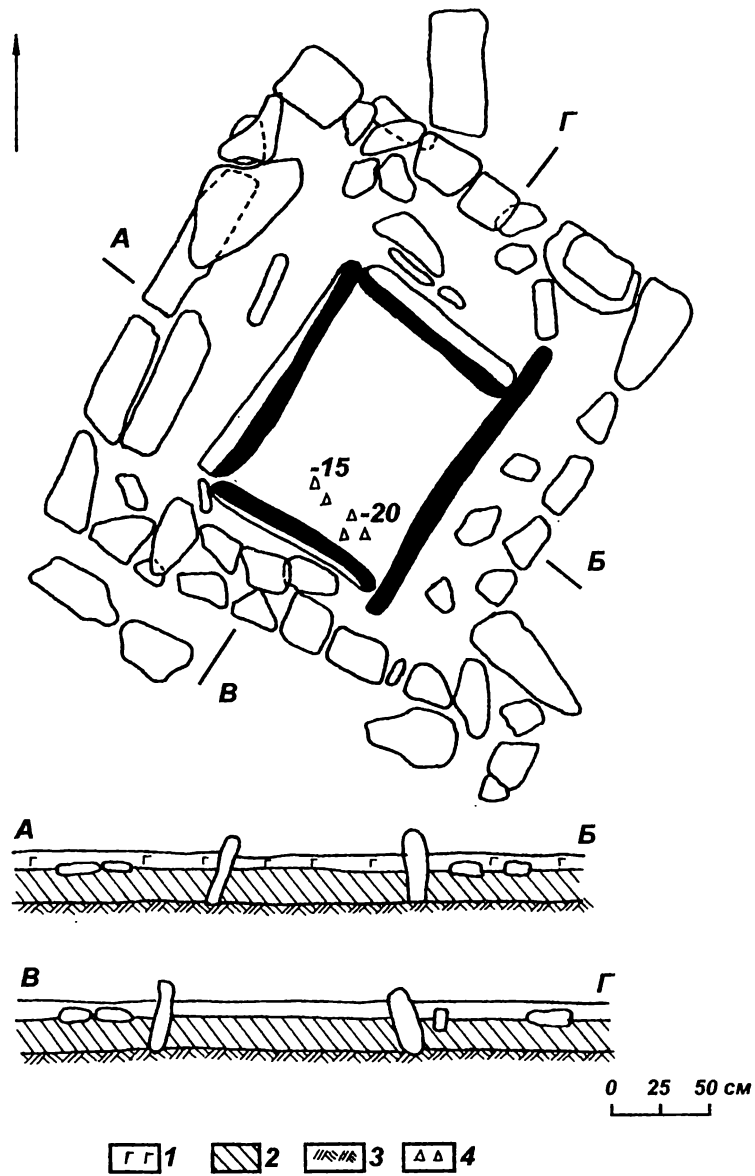

Рис. 13. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. Сооружение 17. План и разрез. 1 — дерн; 2 — суглинок; 3 — материк; 4 — фрагменты керамики

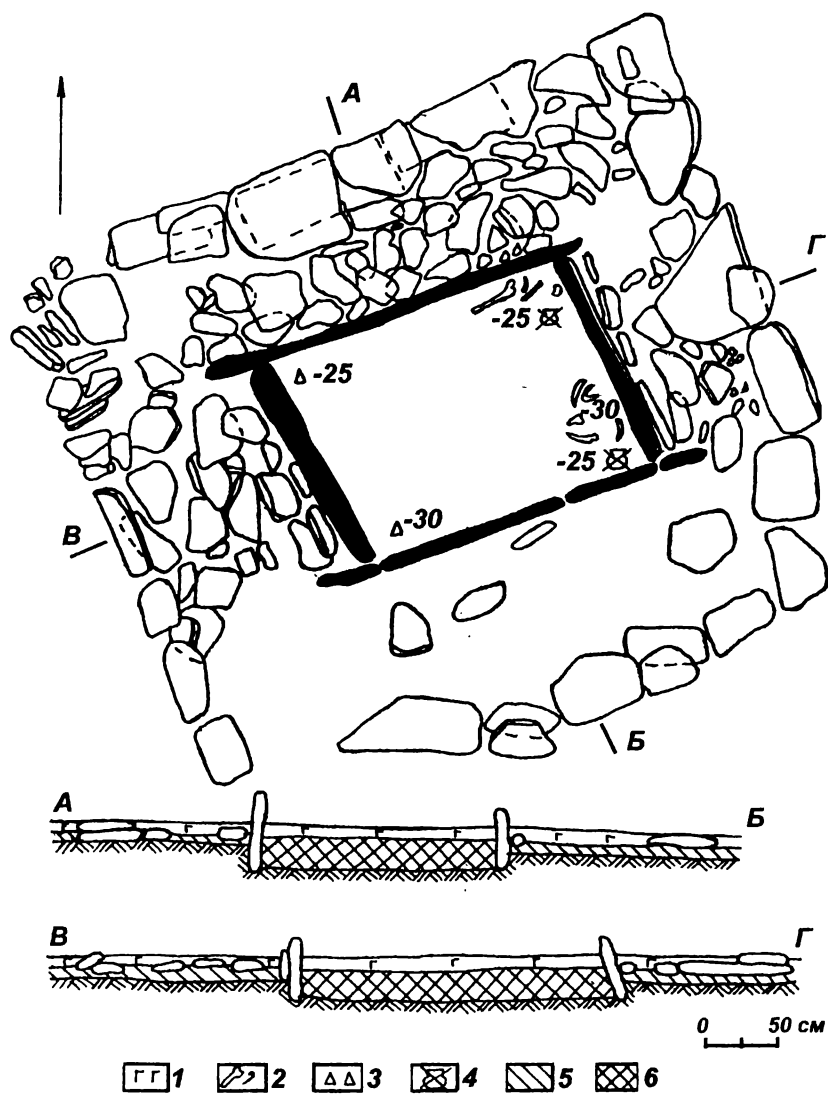

Рис. 14. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. Сооружение 23. План и разрез. 1 — дерн; 2 — кости; 3 — керамика; 4 — сосуд; 5 — подзол; 6 — серый подзол

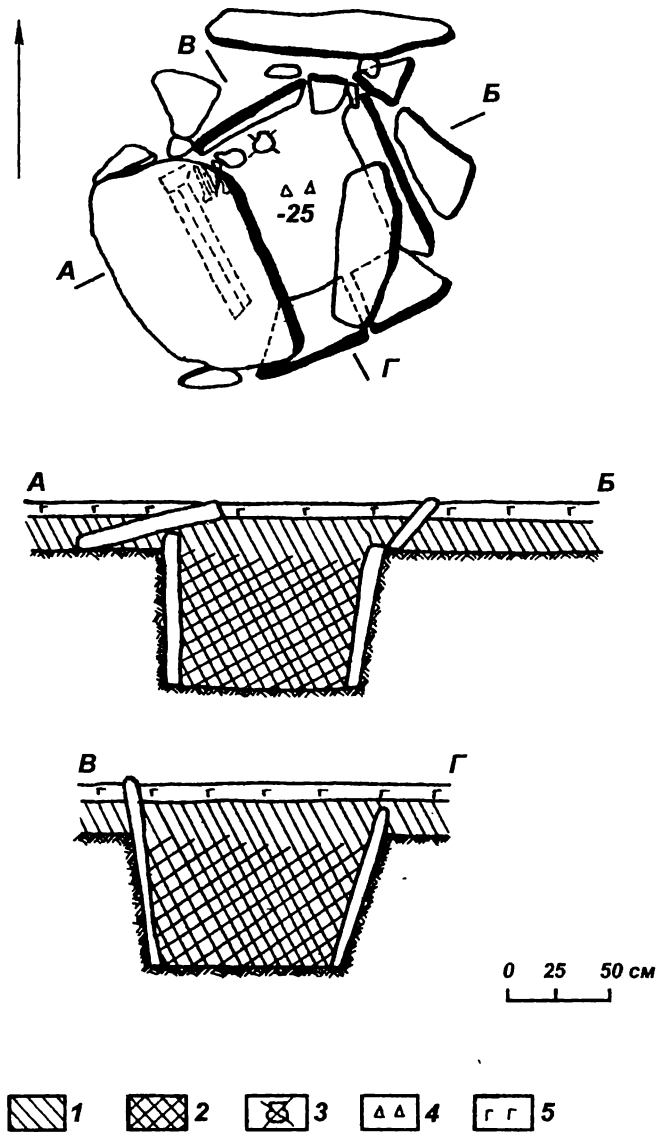

Рис. 15. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. Сооружение 7. План и разрез. 1 — суглинок; 2 — темно-серый суглинок; 3 — сосуд; 4 — керамика; 5 — дерн

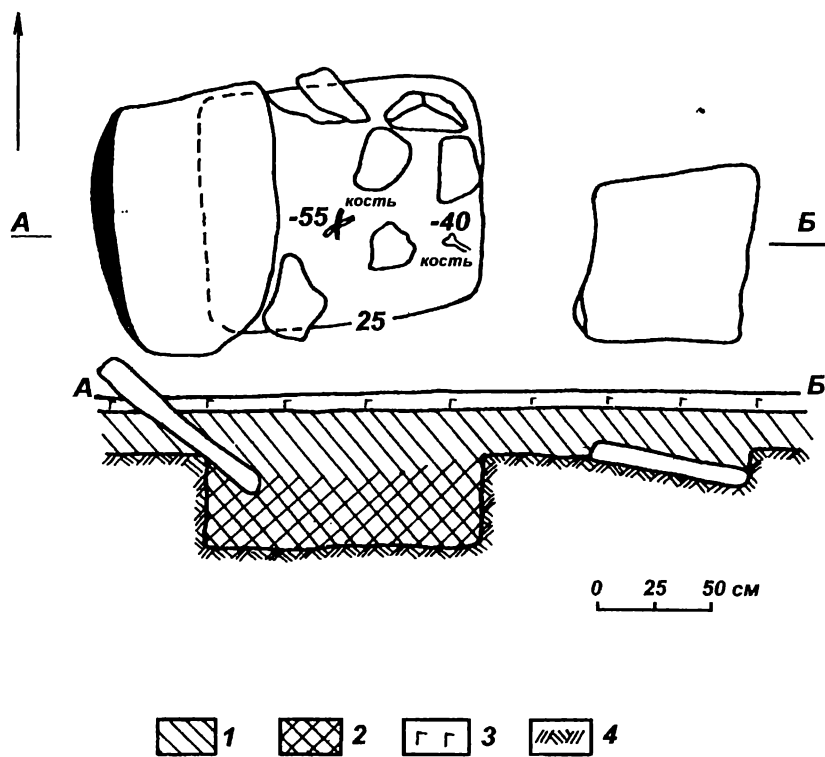

Рис. 16. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. Сооружение 11. План и разрез. 1 — суглинок; 2 — темно-серый суглинок; 3 — дерн; 4 — материк

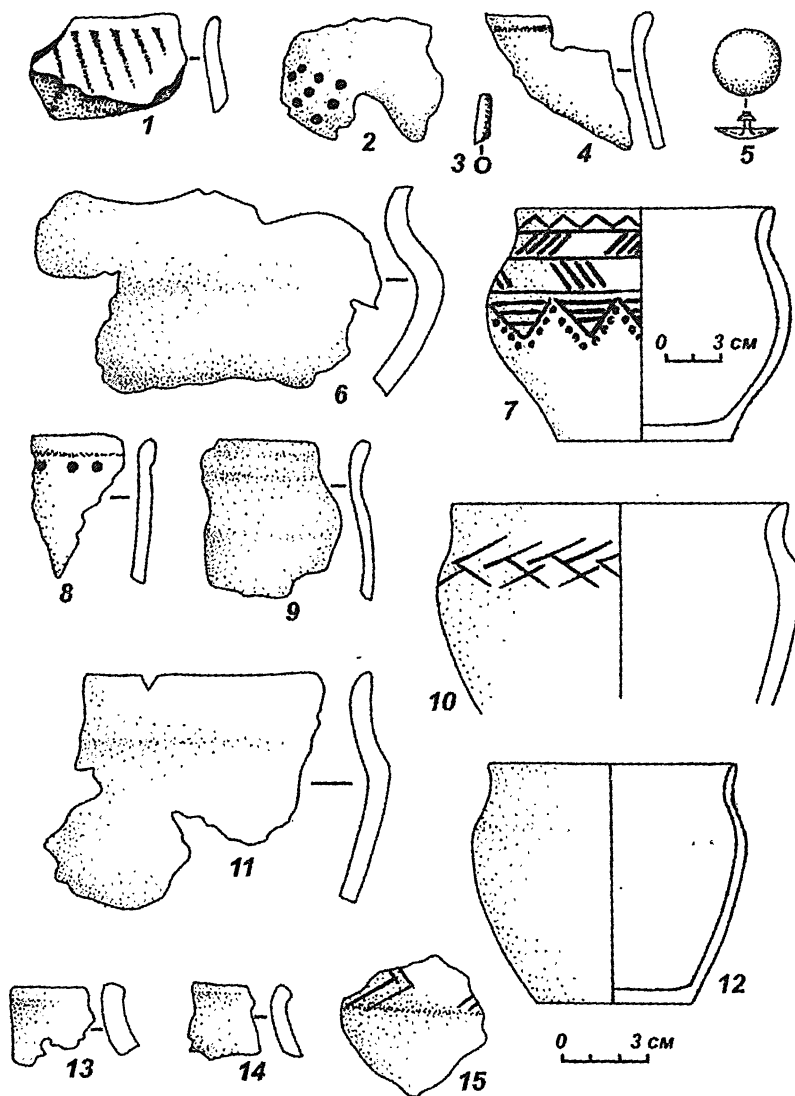

Рис. 17. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. Керамика, изделия. 1 — сооружение 2; 2 — сооружение 3; 3-6 — сооружение 4; 7, 8 — сооружение 7; 9 — сооружение 10; 10 — сооружение 12; 11 — сооружение 23; 12, 15 — сооружение 22; 14 — сооружение 21; 1, 2, 4, 6-15 — керамика; 3, 5 — бронза

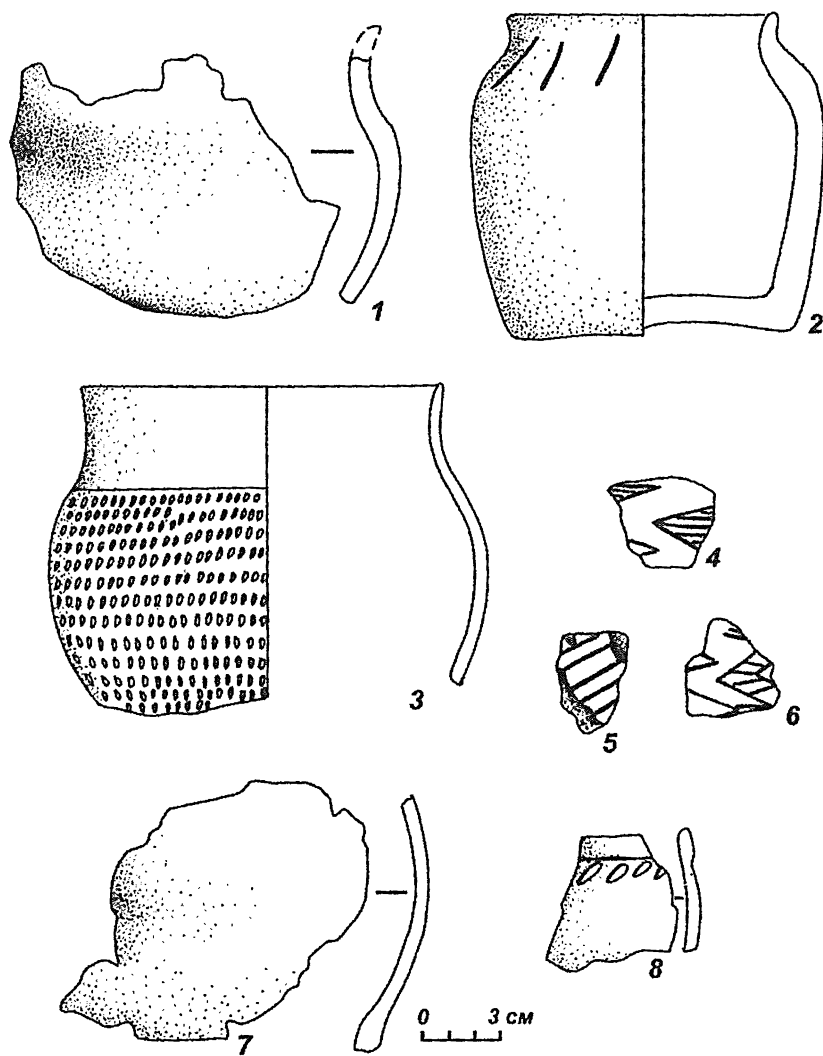

Рис. 18. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник
Донгал. Керамика. 1-6 — сооружение 13; 7, 8 — сооруже-
ние 17

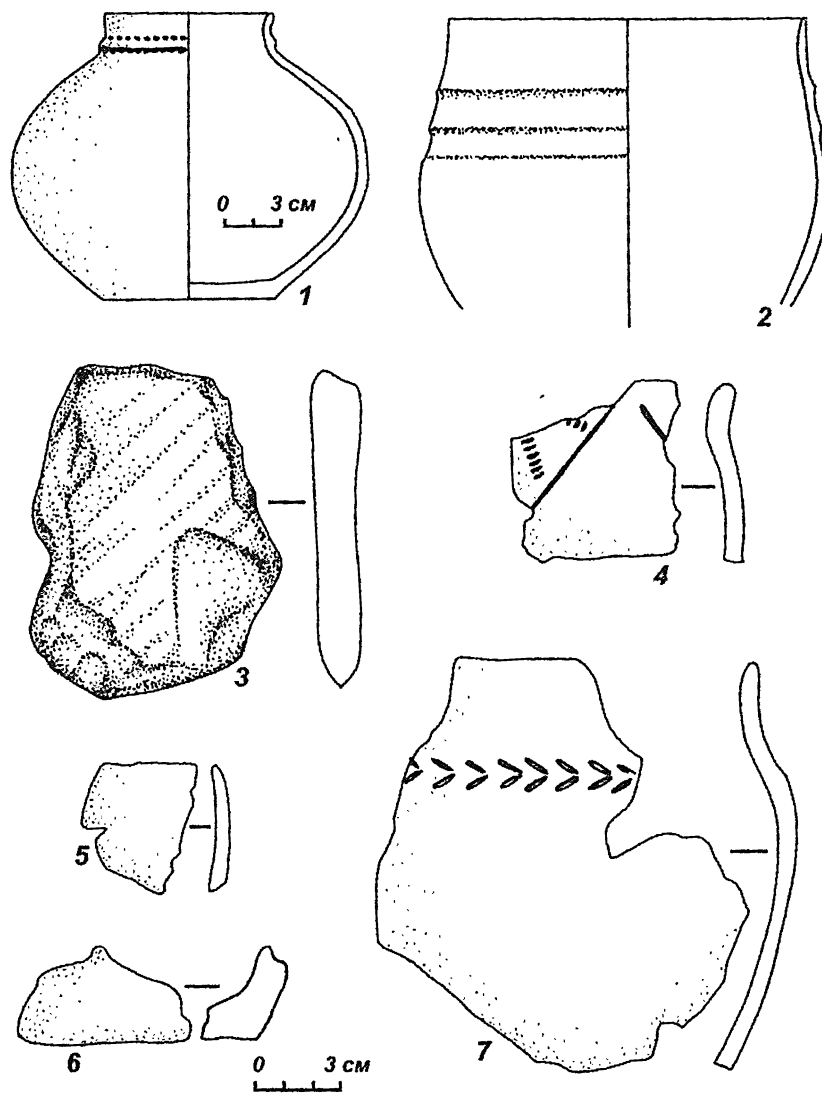

Рис. 19. Бегазы-дандыбаевская культура. Могильник Донгал. Керамика, изделия. 1, 2, 4-6 — сооружение 24; 3 — кв. ЖЗ; 7 — сооружение 23; 1, 2, 4-7 — керамика; 3 — камень

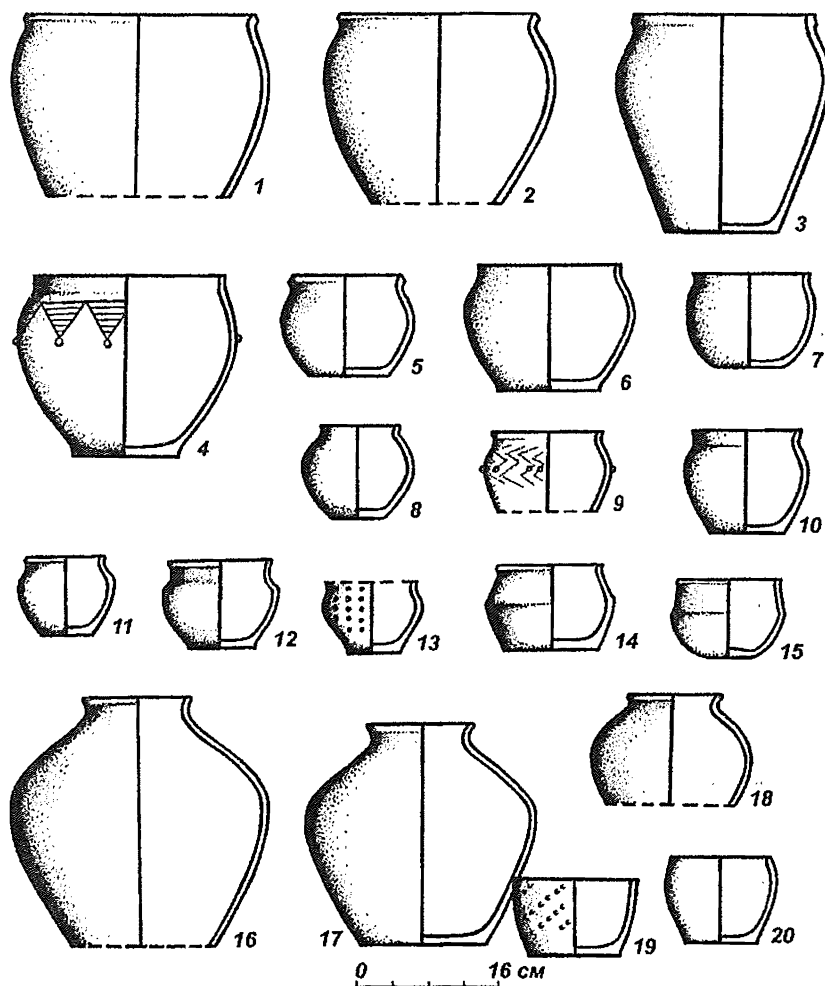

Рис. 20. Бегазы-дандыбаевская культура. Керамика подгруппы IA. 1, 2, 4, 10, 13, 14, 17, 19, 20 — поселение Кент; 3 — поселение Усть-Кенетай; 5, 8 — могильник Кштан; 6 — могильник Тегисжол; 7 — могильник Карагаш; 9, 12, 15 — могильник Дермен; 11 — могильник Донгал; 16 — поселение Упанс; 18 — поселение Ташик

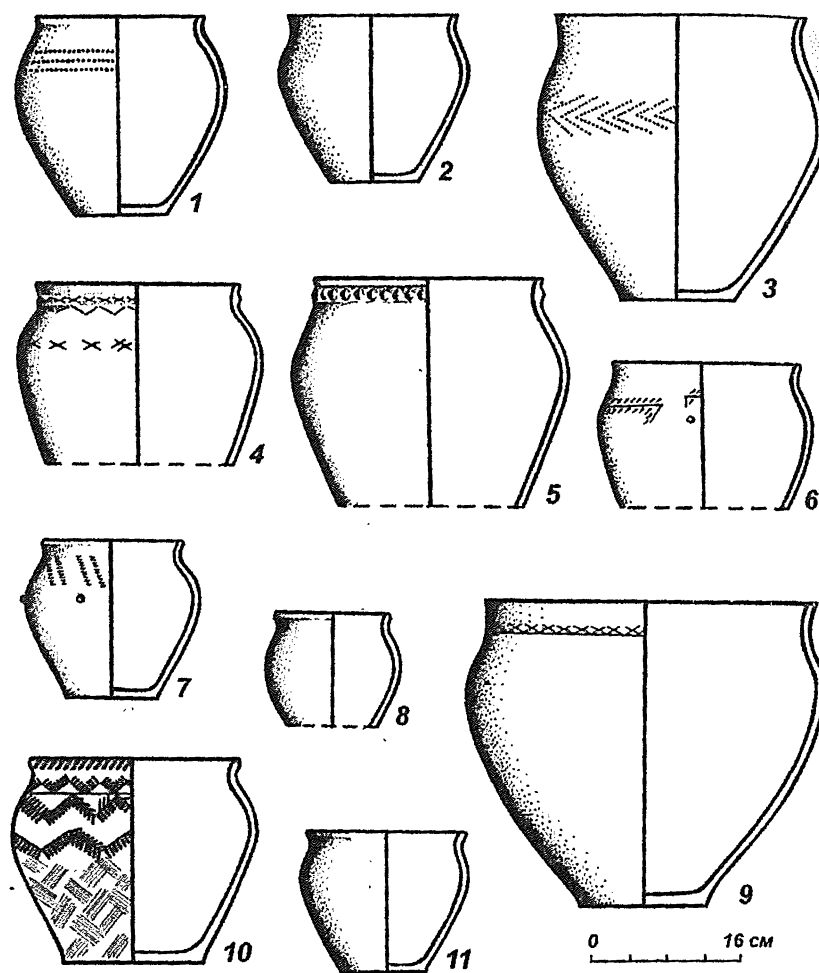

Рис. 21. Бегазы-дандыбаевская культура. Керамика подгруппы IA. 1, 3, 4, 6-8, 10, 11 — поселение Кент; 2 — могильник Шондыколь; 5 — поселение Домалактас; 9 — поселение Акимбек

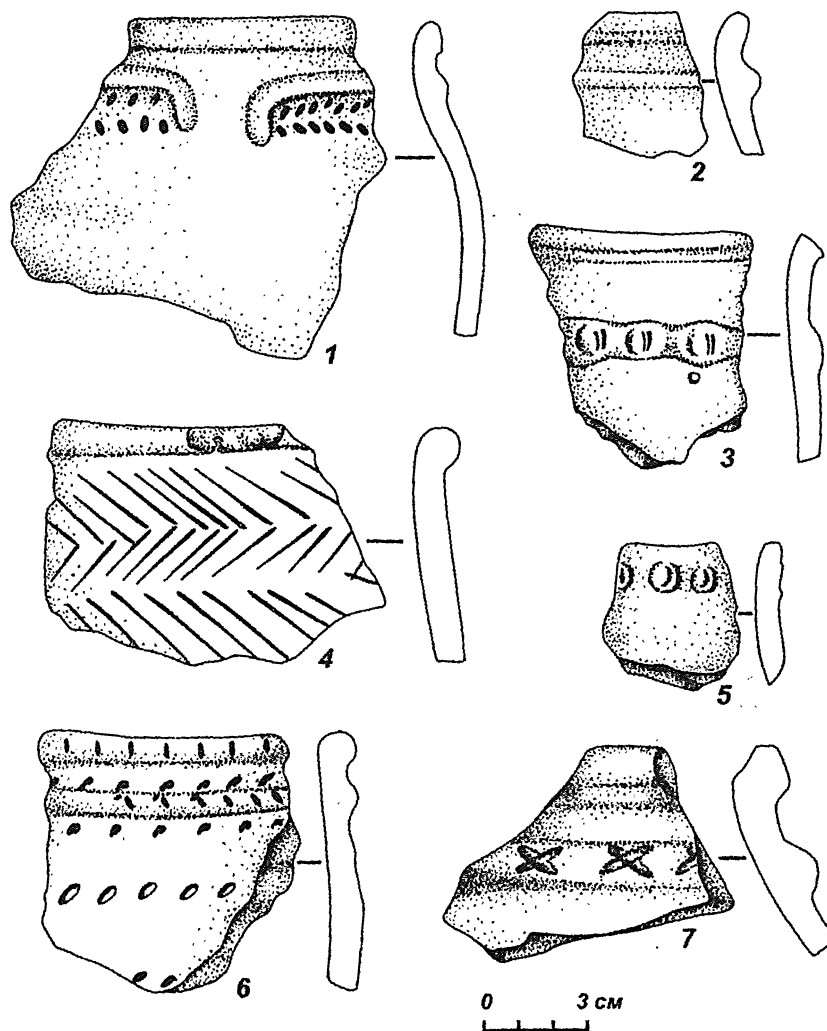

Рис. 22. Бегазы-дандыбаевская культура. Керамика подгруппы IА. Поселение Кент

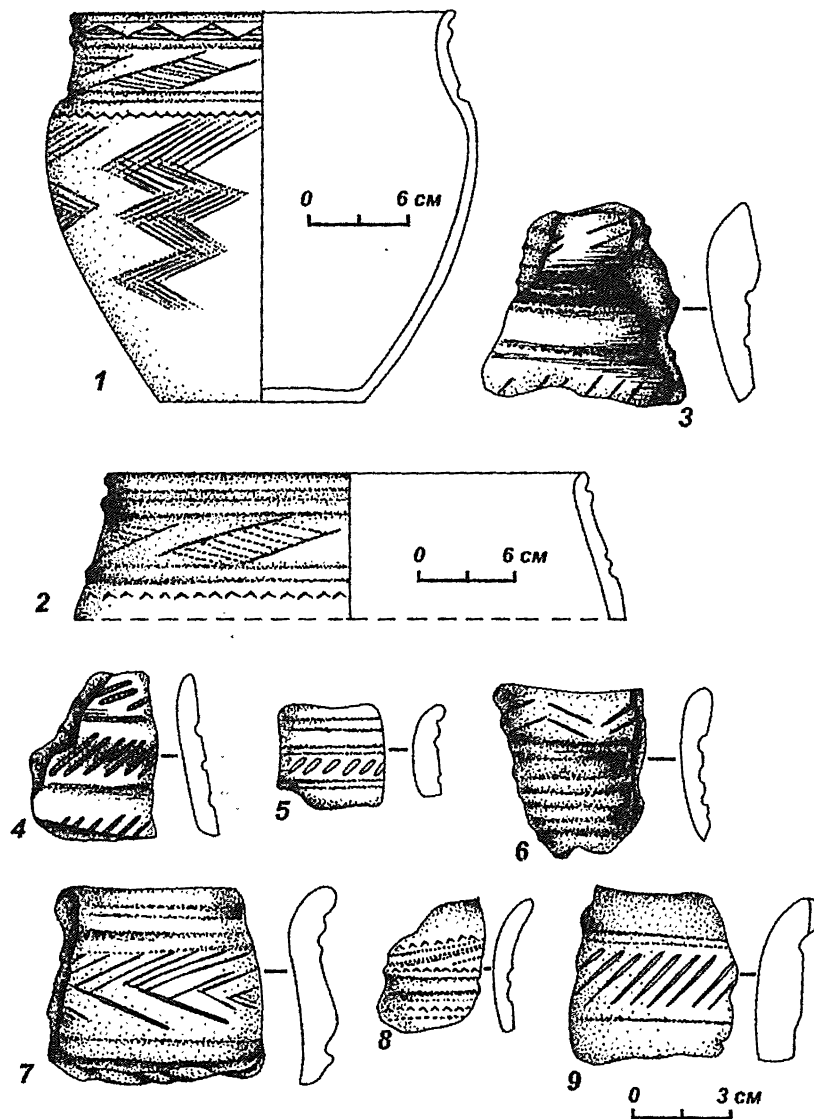

Рис. 23. Бегазы-дандыбаевская культура. Керамика подгруппы IБ. Поселение Кент

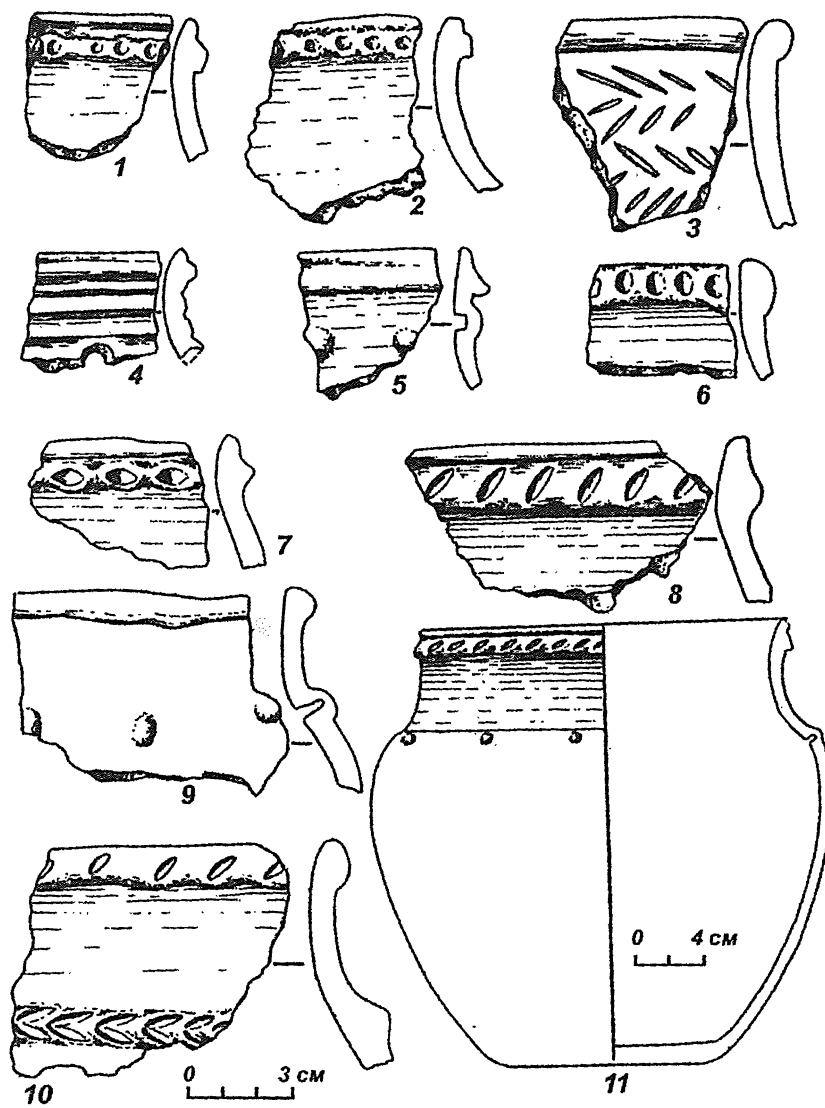

Рис. 24. Бегазы-дандыбаевская культура. Керамика подгруппы IV. Поселение Кент

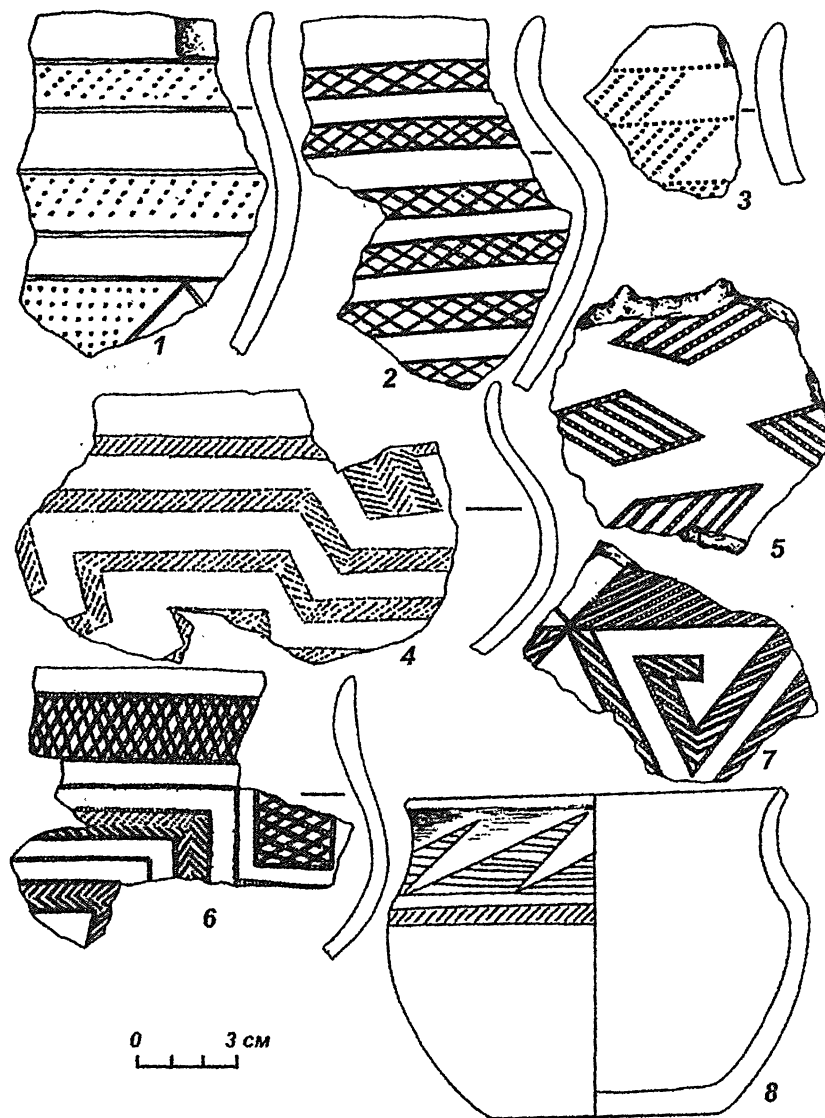

Рис. 25. Керамика группы II. Поселение Кент

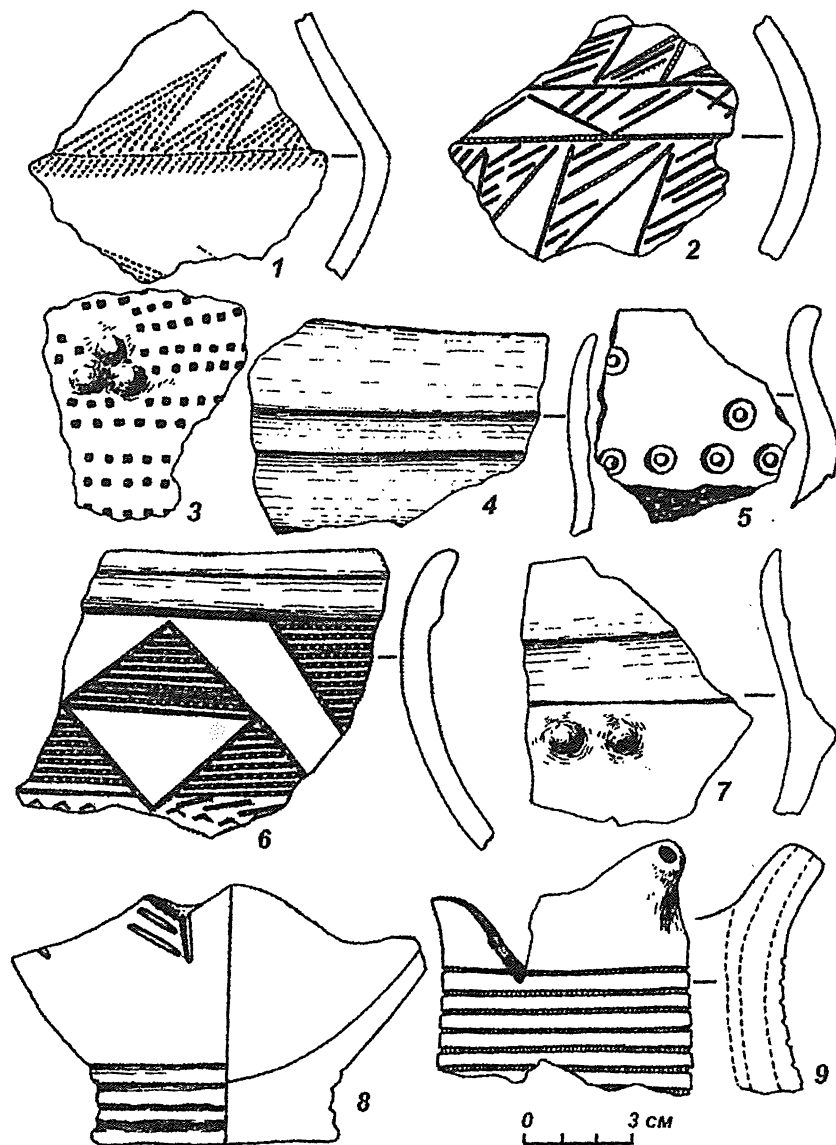

Рис. 26. Керамика группы II. Поселение Кент

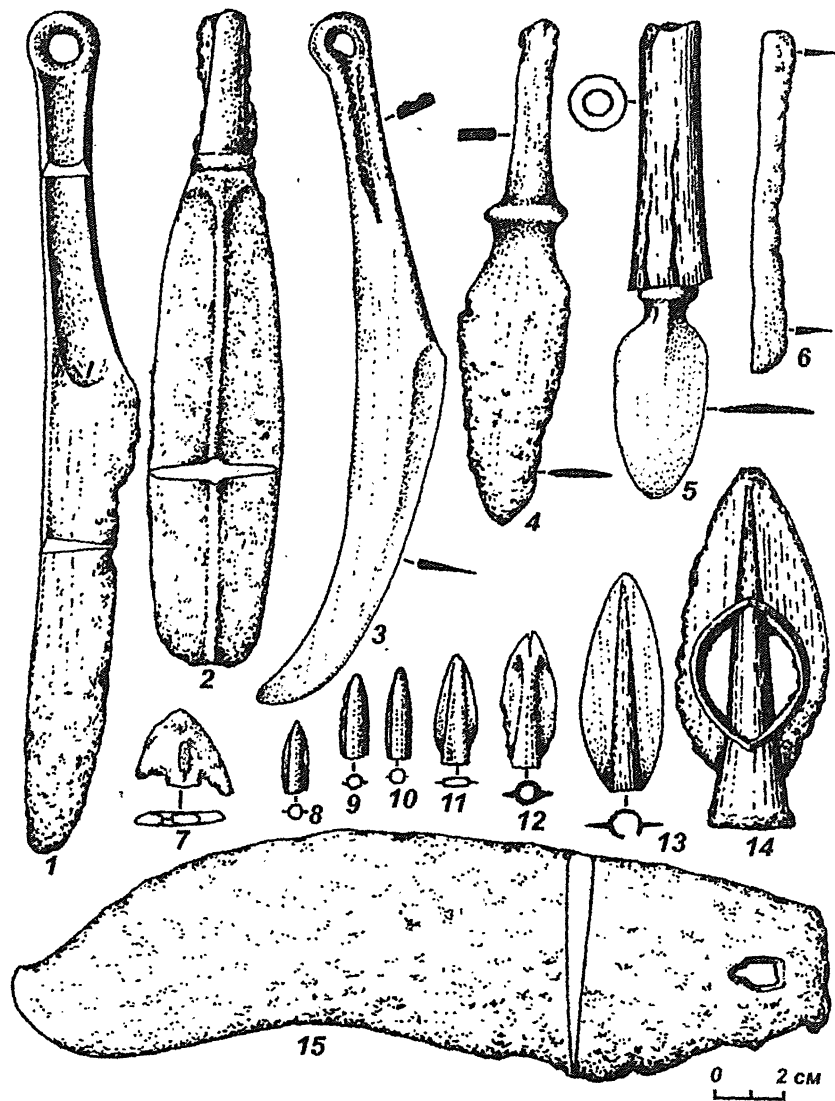

Рис. 27. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия. Бронза. Поселение Кент

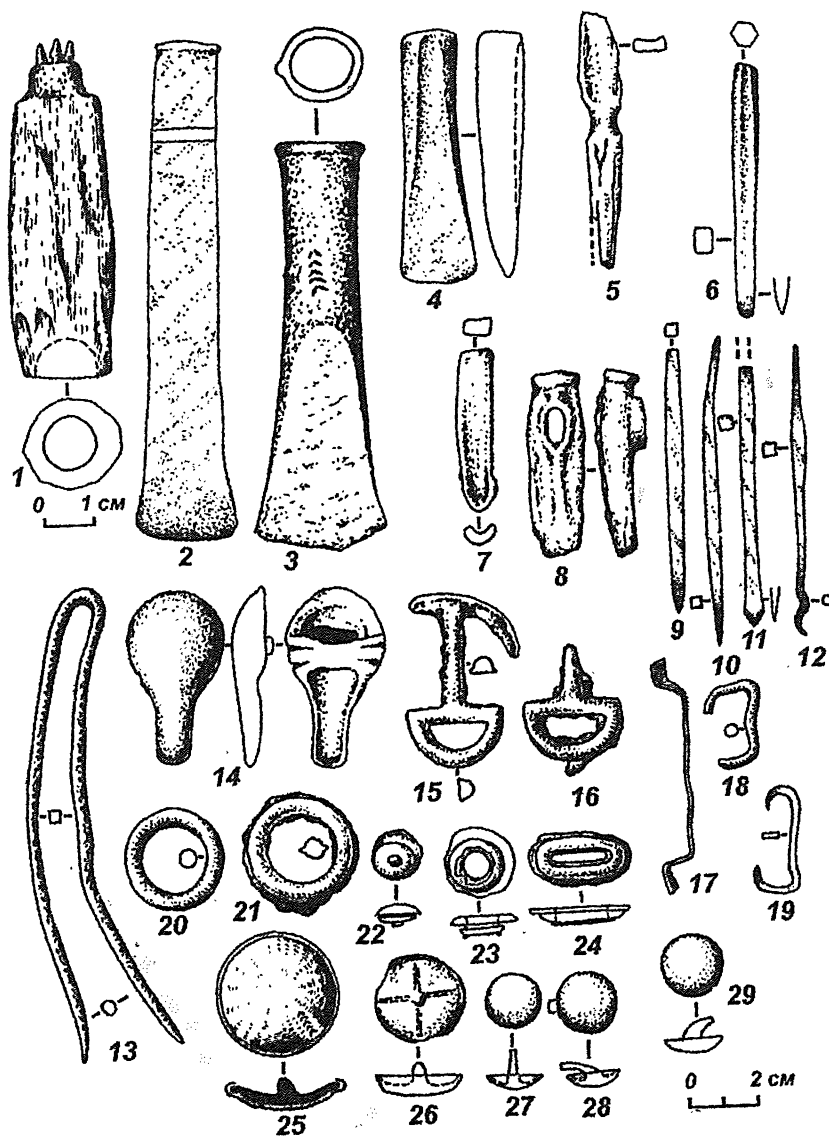

Рис. 28. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия. Бронза. Поселение Кент. 1 — рог и бронза

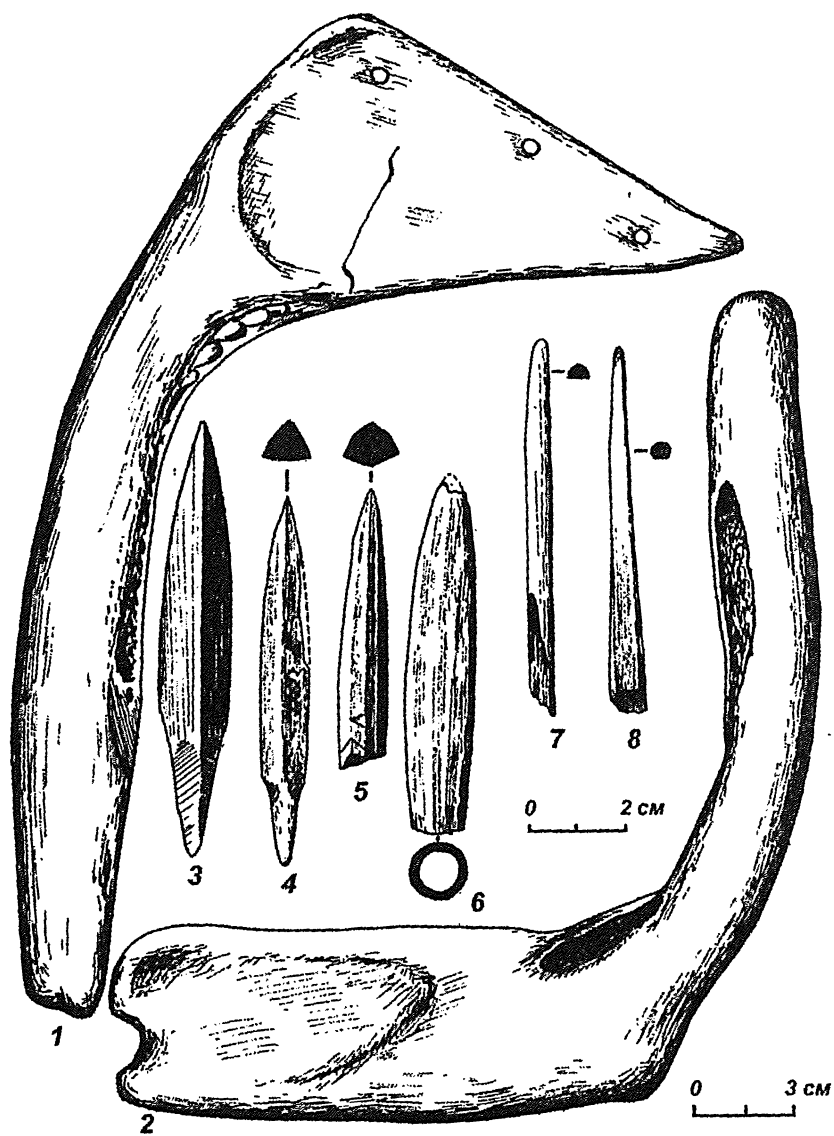

Рис. 29. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия.
Кость. Поселение Кент

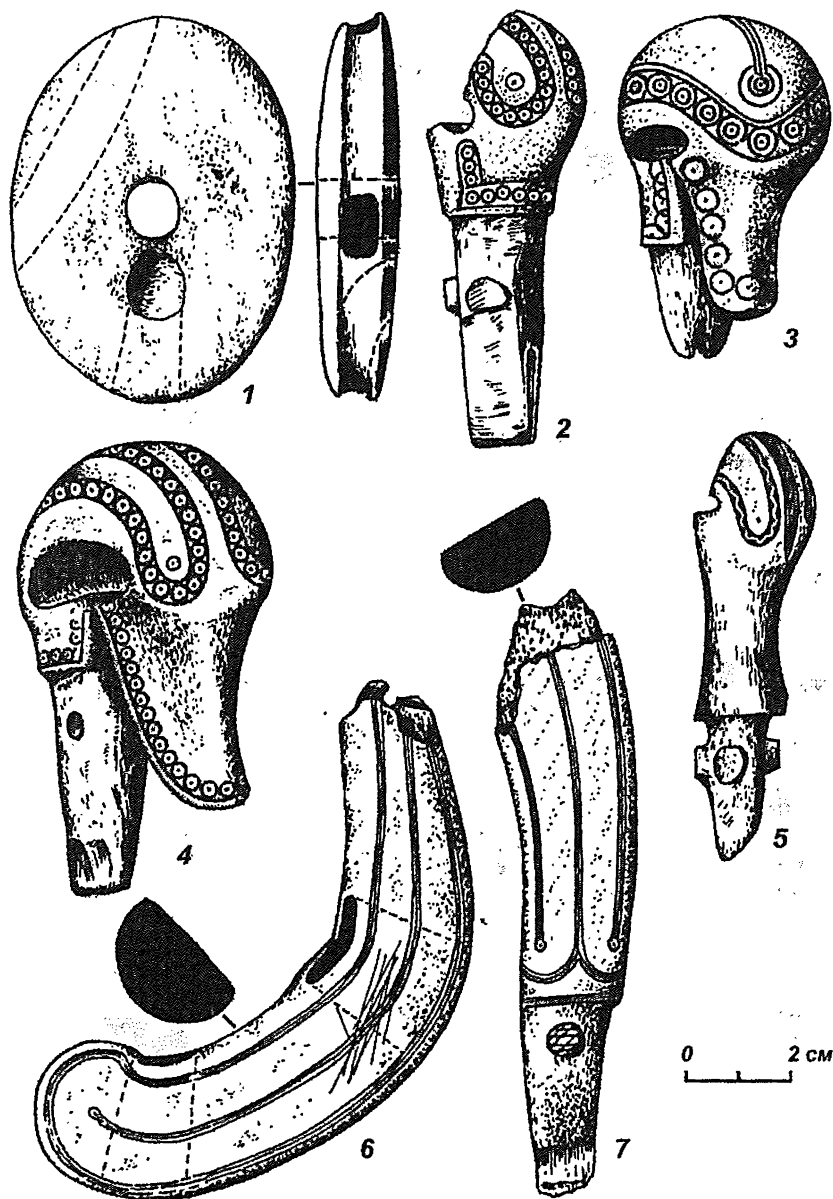

Рис. 30. Бегазы-дандыбаевская культура. Псалми из кости и рога. Поселение Кент

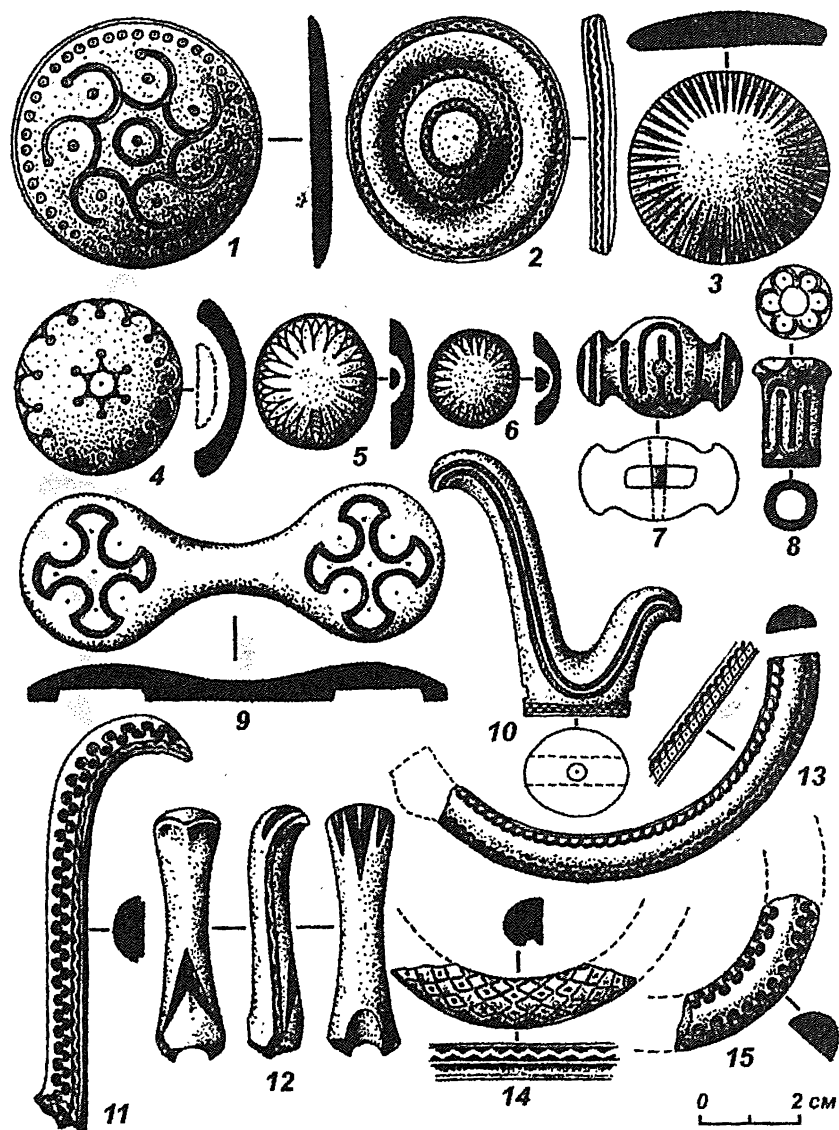

Рис. 31. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия.
Кость и рог. Поселение Кент

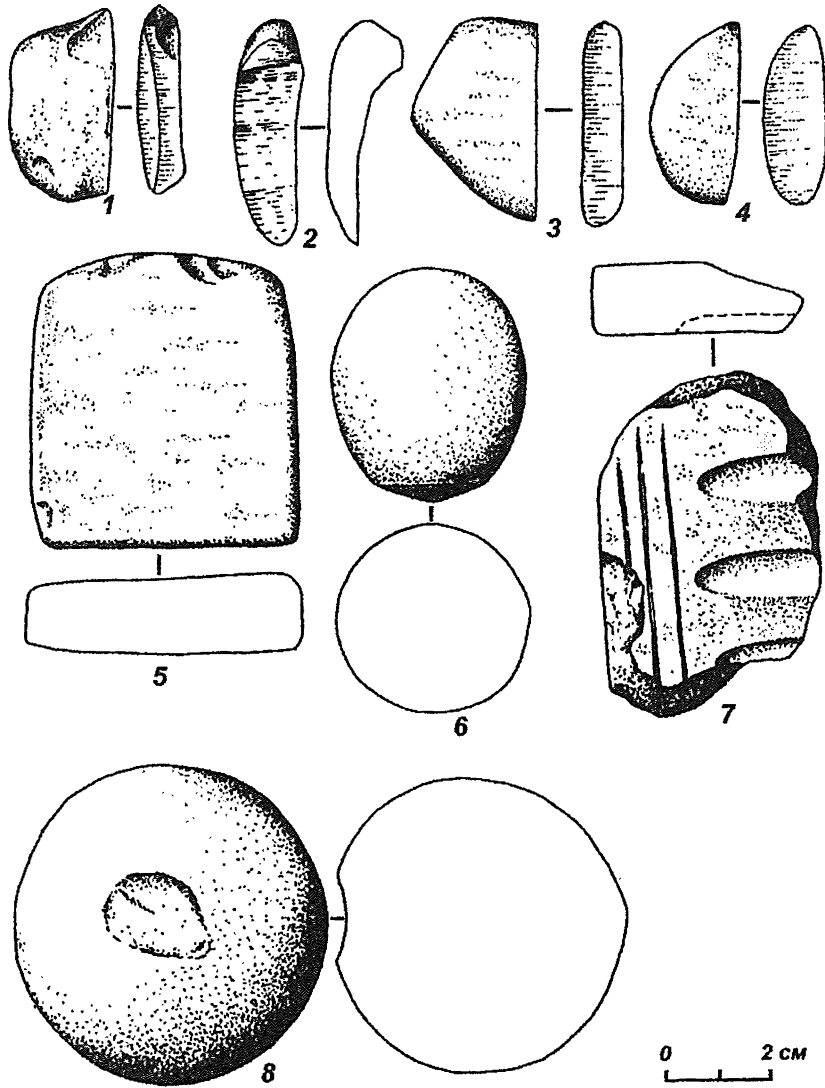

Рис. 32. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия. Камень. Поселение Кент

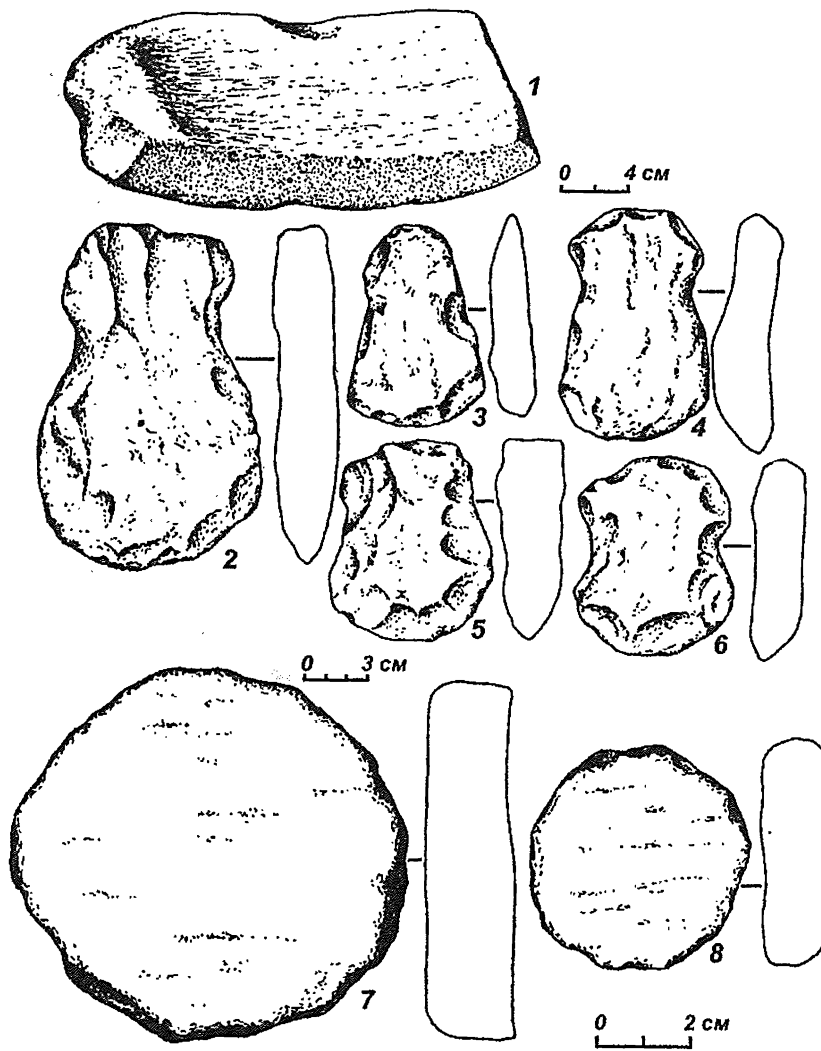

Рис. 33. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия. Камень. 1, 7, 8 — поселение Кент; 2-6 — поселение Джасыбай 4

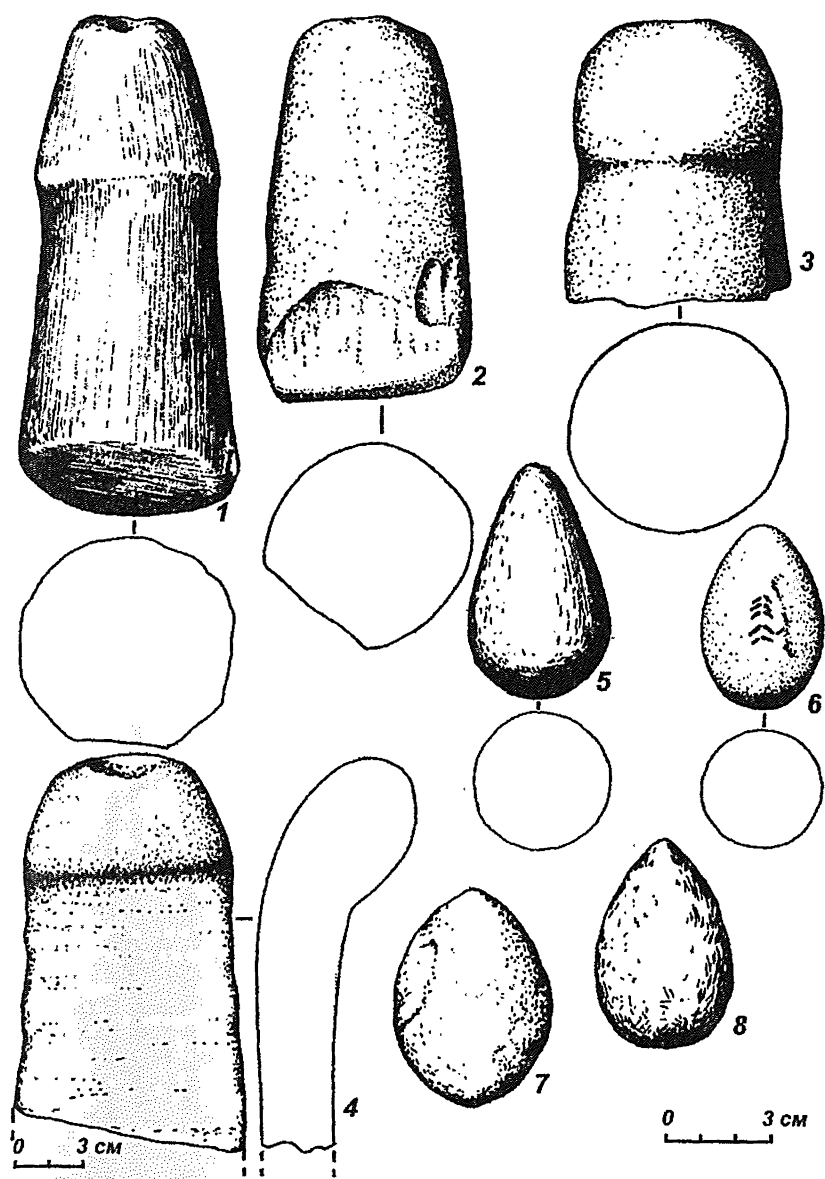

Рис. 34. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия. Камень Поселение Кент. 5 — керамика

Рис. 35. Бегазы-дандыбаевская культура. Кентский этап. Элементы материальной культуры. 1-10, 12, 13, 15-17, 19-23, 25, 29-33, 36 — поселение Кент; 11, 18, 27 — могильник Бегазы; 14, 37 — могильник Уйтас-Айдос; 24 — могильник Дермен; 26, 28 — поселение Домалактас; 34 — могильник Донгал; 38 — могильник Актопрак; 39 — могильник Тасырбай; 40 — могильник Енбек-Суйгуш; 2-5, 33-40 — керамика; 6, 7, 12-19, 22, 23, 25, 27, 29-31 — бронза; 8-10, 20, 21, 26, 28 — кость; 32 — камень; 41 — пос. Кент

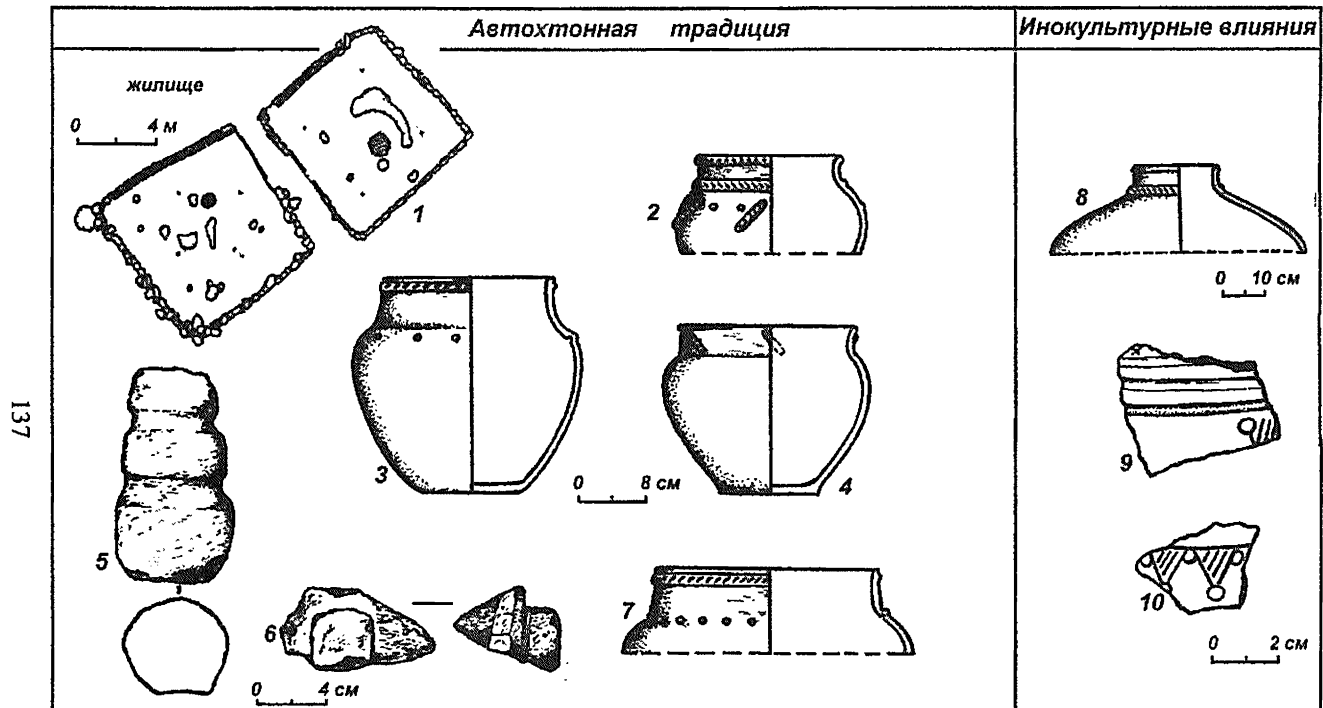

Рис. 36. Багазы-дандыбаевская культура. Донгальский этап. Элементы материальной культуры. 1, 3, 8 — поселение Кент; 2, 4-7, 9, 10 — поселение Донгал. 2-4, 7-10 — керамика; 5, 6 — камень

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

**Евдокимов Валерий Валентинович,
Варфоломеев Виктор Васильевич**

**ЭПОХА БРОНЗЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА**

*Утверждено ученым советом
Карагандинского государственного университета
им. Е.А.Букетова*

Редактор *Ж.Т.Нурмуханова*
Технический редактор *О.С.Алексеева*
Художник *И.В.Рудковский*

На обложке — поделки из рога лося.
Поселение Кент

Подписано в печать 07.11.2002 г. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-жур-
нальная. Объем 8,7 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Цена договор. Заказ № 394.

Издательство Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова
470061, г. Караганда, ул. Гоголя, 38

Типография издательства КарГУ им. Е.А.Букетова